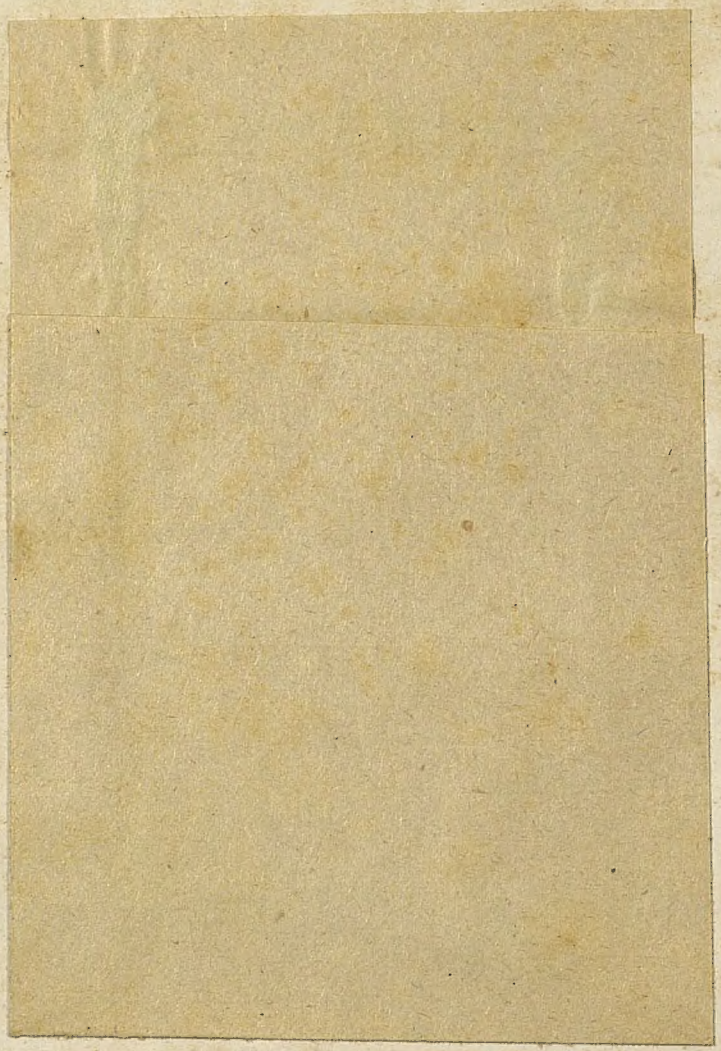


Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московскаго Совѣта
Профессіональныхъ Союзовъ.

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московскаго Совета
Профессиональных Союзов

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Годъ XLII-й. СЕНТЯБРЬ. 1911 годъ.

Книга на дом не выдается

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Воззваніе на сооруженіе Храма-Памятника надъ могилою 22-хъ тысячъ русскихъ воиновъ, павшихъ въ бою подъ Лейпцигомъ 4—7 октября 1813 г.**
II. **Изъ Подольской старины.** В. Сл. и Ѳ. Ф—ко. 385—399
III. **Изъ архива кн. Л. А. Ухтомскаго.** Сообщ. А. В. Жиркевичъ. . . . . 401—420
IV. **Страничка изъ исторіи крѣпостного права наканунѣ его отмѣны.** (Къ 50-лѣтію освобожденія крестьянъ. С. Фарфоровскаго. . . . . 421—424
V. **Могила одного изъ участниковъ войны 1812 года.** Адр. Круковскаго. . . . . 425—426
VI. **Воспоминанія.** А. Коссовскаго. . . . . 427—436
VII. **На абордажъ.** Д. Перскаго. . . . . 437—440
VIII. **Адмиралъ гр. Н. С. Мордвиновъ и его „способъ вспомоществованія“ участникамъ Отечественной войны.** (Матеріалы для войны 1812 г.). Сообщ. В. Пасенко. . . 441—448
IX. **Гимназія 60-хъ годовъ.** (Метаморфоза). Старика. 449—457
X. **Марія Извѣкова.** Е. Щепкиной. . . . . 458—464
XI. **Духовная школа по воспоминаніямъ ея воспитанника и воспитателя съ 1863 г.** Стараго педагога П. Н. С. . . . . 465—473
XII. **Воспоминанія бывшаго штурманскаго офицера.** Петра Наумова. . . . 474—502
XIII. **Игры кадетъ неранжированной роты 2 кадетскаго корпуса въ присутствіи Императора Александра II и Августѣйшихъ Его Дѣтей въ 1861 году.** А. Пахарнаева. . . . . 503—510
XIV. **Письмо Ѳ. Михайлова къ А. Ѳ. Лабзину** . . . 511—526
XV. **Матеріалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в.** Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину. Сообщ. А. Чебышевъ. 527—543
XVI. **Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 26 февраля по 6 апрѣля 1911 г.** . . 544—572
XVII. **Изъ записной книжки „Русской Старины“:**
а) **Гимназистъ, военноплѣнный.** (Изъ жизни М. Н. Муравьева Виленскаго). К. Н. Добровольскаго 400
XVIII. **Библіографическій листокъ** (на оберткѣ).

Приложеніе: Портретъ **Ивана Егоровича Забѣлина.**

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1911 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.
Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. т-ва п. ф. «Электро-Тип. Н. Я. Стойковой». Знаменская, 27.
1911.

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКАГО
ДВОРЯНСКАГО КЛУБА.

25367
19 г.

IX-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го сентября 1911 года.

Библіографическій листокъ.

Гр. П. С. Шереметевъ. Бонапартъ и русскіе въ 1789 году и о Заборовскомъ. М. 1910.

Хотя давно проникшее въ литературу извѣстіе о томъ, что въ 1789 г. будущій вождь „двѣнадцати языковъ", тогда молодой корсиканскій офицеръ, едва не сталъ офицеромъ русской службы, до сихъ поръ никакими прямыми документальными свидѣтельствами не подтверждено, но общая совокупность усердно собранныхъ и другъ съ другомъ сопоставленныхъ графомъ П. С. Шереметевымъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній о переговорахъ Наполеона съ вербовавшимъ корсиканцевъ въ русскую армію генераломъ Заборовскимъ—сообщаетъ этому преданію, если не несомнѣнную достовѣрность, то во всякомъ случаѣ значительную вѣроятность. Наполеонъ требовалъ себѣ въ русской арміи того же чина, который носилъ въ корсиканской, а русскій генералъ соглашался принять его однимъ чиномъ ниже, и договаривавшіяся стороны ни къ какому соглашенію не пришли... Можно различно гадать о рѣшавшихся во время этихъ переговоровъ міровыхъ судьбахъ, но нельзя не признать, что это былъ знаменательный моментъ, когда незримо колебались вѣсы исторіи въ рукахъ Провидѣнія. Но, какъ всегда было и будетъ въ жизни человѣчества, и здѣсь сказалась великая историческая необходимость, хотя подъ кажущимся покровомъ случайности и каприза.

„Русскій Библіофилъ". 1911 г. №№ II—IV.

Книголюбъ, книговѣдъ, историкъ, библіографъ, собиратель гравюръ не могутъ обойтись безъ этого замѣчательнаго изданія, судя уже по первымъ выпускамъ, расширяющаго свой планъ и быстро идущаго къ дальнѣйшему улучшенію. „Русскій Библіофилъ" становится не только поучительнымъ чтеніемъ для любителя гравюръ и книгъ, но и полезнѣйшимъ справочникомъ для всѣхъ занимающихся общегражданской, военной, бытовой и литературной исторіей. Русская библіографія, какъ извѣстно, и количественно, и качественно очень бѣдна, и тѣмъ выше приходится оцѣнить прекрасную попытку Н. В. Соловьева и пожелать ей укрѣпленія и бодраго роста. Журналъ, издаваемый такъ разносторонне, красиво и дешево, имѣетъ всѣ шансы на успѣхъ даже среди нашей малоотзывчивой публики. Лежащіе передъ нами три послѣдніе выпуска составлены богато и разнообразно и щедро иллюстрированы. Изъ библіографическихъ работъ особенно интересны и цѣнны описаніе библіотеки Д. М. Остафьева, „Замѣтки о русскихъ иллюстрированныхъ книгахъ" Н. А. Обольяниновa, „Рѣдкія изданія по исторіи освобожденія крестьянъ" А. Попельницкаго, начало труда І. Иваска „Частныя библіотеки въ Россіи", превосходно составленная А. Ермоловымъ и украшенная нѣсколькими портретами библіографія литературы объ А. П. Ермоловѣ. По исторіи искусства слѣдуетъ отмѣтить статьи В. Я. Адарюкова „Русскіе казаки въ Парижѣ" и Н. В. Соловьева о нѣсколькихъ французскихъ граверахъ XVIII вѣка, интересовавшихся русскими сюжетами. Хроника могла бы быть богаче и систематичнѣе.

Матушка Русь. Хрестоматія. Для учениковъ младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Ѳ. А. Тарапыгинъ. Редакція Ѳ. А. Витберга. Часть I. Стр. IV + 451. Цѣна 1 р. 10 к. — Часть II. Стр. III + 386. Цѣна 1 р.

Составленная г. Тарапыгинымъ, подъ наблюденіемъ извѣстнаго, опытнаго педагога Ѳ. А. Витберга, хрестоматія щедро и разнообразно знакомитъ дѣтей съ прошлымъ родной страны и съ религіозно-нравственными идеалами народа. Содержаніе ея главнымъ образомъ историческое. Жаль, что мало удѣлено вниманія русской природѣ, а въ литературѣ нашей найдется много прекрасныхъ описаній ея; въ слѣдующихъ изданіяхъ этотъ явный пробѣлъ слѣдовало бы восполнить. Выборъ матеріала въ общемъ очень удачный; издана хрестоматія дешево и красиво.

Мусикійская грамматика Николая Дилецкаго. Посмертный трудъ С. В. Смоленскаго. Изд. Имп. Общества любителей древней письменности. Спб. 1910.

Замѣчательный музыкальный теоретикъ XVII вѣка кіевлянинъ Н. П. Дилецкій, говоритъ Смоленскій, „долженъ считаться въ Россіи основателемъ новой музыкальной школы западнаго направленія... Ученики Дилецкаго повернули наше хоровое церковное пѣніе совершенно въ новую сторону еще въ концѣ XVII вѣка. Во всякомъ случаѣ дьяка Василія Титова, сочинившаго музыку къ стихотворной Псалтири Симеона Полоцкаго, оставившаго послѣ себя множество концертовъ и службъ Божіихъ, слѣдуетъ признать за отличнаго композитора изъ школы Дилецкаго. Точно такъ же слѣдуетъ признать, что лучшія изъ этихъ новыхъ композицій, попавъ въ народное обращеніе по дальнимъ монастырямъ, по уѣзднымъ городамъ, отшлифовались тамъ и своеобразно сохранились до сихъ поръ... Слѣдуетъ помянуть Дилецкаго, какъ учителя и пѣвца, пропѣвшаго со своими учениками множество новыхъ церковныхъ пѣсенъ, доступныхъ народной душѣ"... Таково значеніе Дилецкаго и его школы для православнаго церковнаго пѣнія, но и вообще въ исторіи музыки Дилецкій, не простой послѣдователь западныхъ композиторовъ, а самостоятельный педагогическій и теоретическій дѣятель и новаторъ,—очень почтенная величина.

Холера 1829—33 годовъ въ Оренбургскомъ краѣ. Историческое изслѣдованіе врача А. В. Попова. („Труды Оренбургской ученой архивной комиссіи", вып. XXI). Оренбургъ, 1910.

Составленное на основаніи бумагъ архива канцеляріи упраздненнаго оренбургскаго генералъ-губернаторства, изслѣдованіе А. В. Попова, помимо спеціально эпидеміологи-

Электростальский Рабочий
Библиотека-Читальня
Московского Совета
Профессиональных Союзов.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Воззваніе на сооруженіе Храма-Памятника надъ могилою 22-хъ тысячъ русскихъ воиновъ, павшихъ въ бою подъ Лейпцигомъ 4—7 октября 1813 г.

„Скажите народамъ: Господь царствуетъ! потому тверда вселенная, не поколеблется. Онъ будетъ судить вселенную по правдѣ и народы—по истинѣ Своей". (Пс. 95, ст. 10 и 13).

Сто лѣтъ тому назадъ народы Европы были объяты ужасомъ и смятеніемъ. Непобѣдимый завоеватель, императоръ французовъ Наполеонъ I, потрясъ своими насиліями едва не весь міръ, залилъ потоками крови цвѣтущія страны Запада, низринулъ престолы владѣтелей, отнялъ у однихъ и отдалъ другимъ короны и, наконецъ, съ неисчислимыми полчищами двадцати покоренныхъ народовъ вторгся въ Россію, чтобы подчинить своей волѣ и нашу Отчизну и ея Великаго Царя.

Много бѣдствій причинили на Руси незванные пришельцы, много городовъ и селеній разорили они, много жизней отняли; но — „Господь царствуетъ! Онъ судитъ народы по истинѣ Своей"! Разбилась несмѣтная сила о необъятно-могучую грудь русскаго народа, предводимаго Царемъ православнымъ, разбилась и растаяла на необозримыхъ поляхъ, въ лѣсахъ дремучихъ, рѣкахъ широкихъ, въ неустанныхъ бояхъ. А самъ Наполеонъ бѣжалъ изъ русской земли и снова собралъ великую силу изъ трепетавшихъ еще предъ нимъ народовъ, и никто на Западѣ не смѣлъ стать грудью противъ все еще страшнаго врага.

Тогда вложилъ Господь въ сердце Государя Александра Благословеннаго до конца сокрушить гордыню завоевателя и освободить угнетенные народы. Двинулись наши побѣдоносныя войска по пятамъ врага во главѣ съ Самимъ Царемъ: стали соединяться съ ними ободренные поляки, нѣмцы, австрійцы и шведы, стали совмѣстно разить общаго врага.

И завершилось геройское дѣло въ нѣмецкой землѣ у города Лейпцига *„великою битвою народовъ"*, какъ назвала ее исторія. Отъ 4 по 7 октября 1813 года бились тутъ союзники съ Наполеономъ. Русскіе одушевляли всѣхъ. Отъ стѣнъ сожженной Москвы пришли они сюда, чтобы свершить Божій судъ надъ тѣмъ, кто дерзнулъ осквернить великія московскія народныя святыни. Не могъ долѣе бороться Наполеонъ. Вскорѣ лишенъ онъ былъ своего престола и сосланъ на далекій островъ. Народы Европы вздохнули свободно и снова принялись за свой мирный трудъ, надолго прерванный многолѣтней борьбой.

22 тыс. русскихъ героевъ сложили свои головы на поляхъ Лейпцига. На чужой землѣ, вдали отъ Родины, нашли они себѣ вѣчный покой. Давно истлѣли ихъ тѣла, сравнялись съ землей высокія могилы, вывѣтрились кресты на нихъ. Пора было подумать русскимъ людямъ о достойномъ памятникѣ братьямъ своимъ, за свободу народовъ, за славу Отчизны отдавшимъ жизни свои!

И вотъ съ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія, подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Августѣйшаго Брата Государева, учрежденъ особый Комитетъ для сбора пожертвованій по всей Россіи и сооруженія храма-памятника на костяхъ 22 тыс. русскихъ храбрецовъ, павшихъ въ великой битвѣ народовъ подъ Лейпцигомъ въ 1813 г. Немного времени осталось до столѣтія битвы въ октябрѣ 1913 г., когда храмъ долженъ будетъ впервые открыть свои священныя двери. Надо спѣшить! Надо спѣшить тѣмъ болѣе, что германцы давно собрали громадныя средства и уже 12 лѣтъ строятъ тамъ величественный памятникъ своимъ павшимъ братьямъ; другіе народы озабочены тѣмъ же. Неужели же мы одни предадимъ забвенію нашихъ героевъ?

Нѣкогда ихъ, побѣдителей, благословляли освобожденные народы. Нынѣ мы осѣнимъ ихъ останки храмомъ святымъ. Да возносится въ немъ вѣчная молитва о нихъ къ Богу; да напомнитъ онъ народамъ Запада о великой жертвѣ, принесенной Россіей для прекращенія губительной смуты; да скажетъ онъ еще разъ народамъ: „Господь царствуетъ! потому тверда вселенная, не поколеблется! Онъ будетъ судить народы по правдѣ"!

Русскіе добрые люди! Храмъ-памятникъ въ средоточіи Европы, на глазахъ просвѣщенныхъ народовъ, долженъ отвѣчать величію подвига героевъ и славѣ нашей Отчизны. Для сего нужны немалыя средства. Съ благословенія Св. Синода ВЫСОЧАЙШЕ учрежденный Комитетъ обращается къ вамъ съ просьбой о жертвѣ. Сегодня болѣе чѣмъ когда либо побоимся, чтобы, какъ говоритъ Святое Писаніе, *„не явился кто либо предъ Лицемъ Господнимъ съ пустыми руками, но каждый съ даромъ въ рукѣ своей, смотря по благословенію Господа Бога твоего, какое Онъ далъ тебѣ"*. (Второзак. 16, ст. 16 и 17).

Щедро жертвуйте, православные, на святое русское народное дѣло, и Господь—Щедродатель воздастъ вамъ нескудно милостями своими. Аминь.

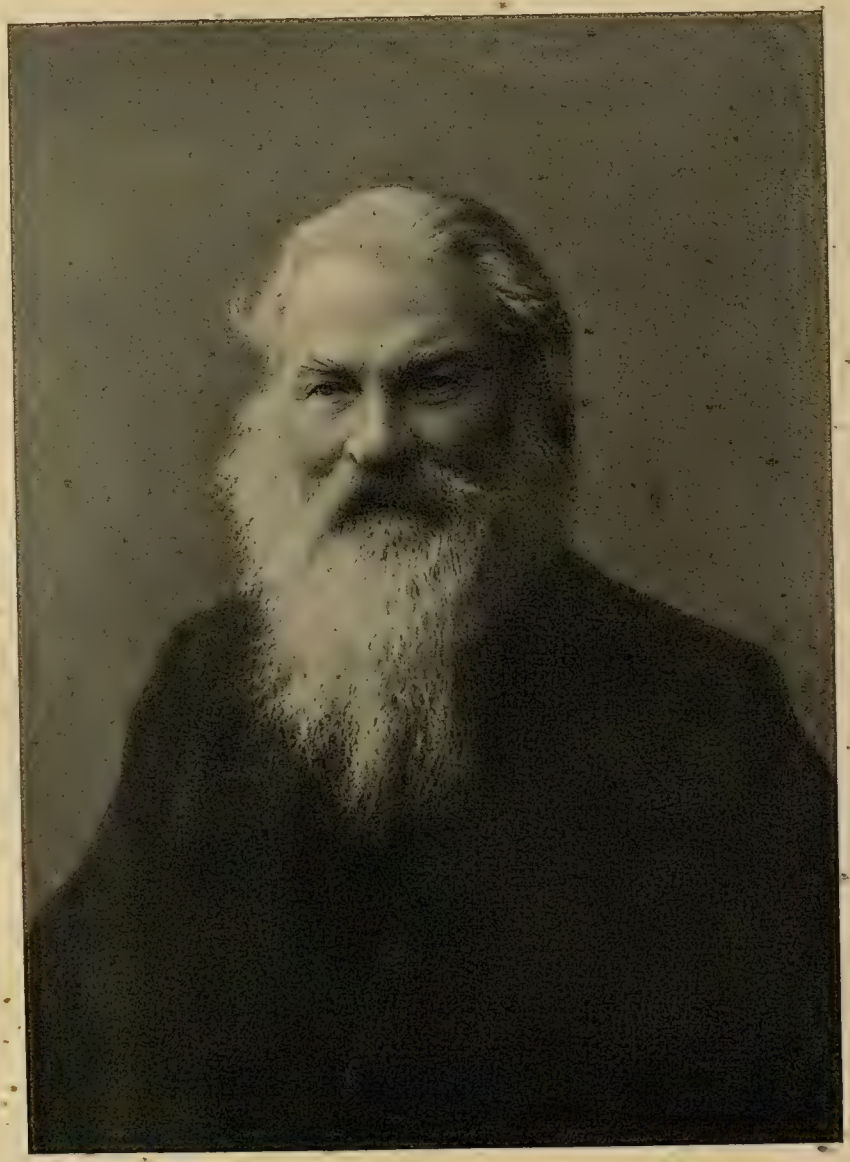
Согласно опредѣленію Святѣйшаго Правительствующаго Синода отъ 4-го іюля сего года разрѣшенъ сборъ пожертвованій во всѣхъ церквахъ Имперіи 26 октября сего года и 8 января 1912 года.

Пожертвованія направлять въ С.-Петербургъ, Главное Управленіе Генеральнаго Штаба, Дворцовая площадь 10, Предсѣдателю Лейпцигскаго Комитета.

Тип. Т-ва п. ф. «Электро-Типографія Н. Я. Стойковой». Спб. Знаменская, 27.

генераль-губернаторства, изслѣдованіе А. В. Попова, помимо спеціально эпидеміологи-

Архивный фонд
Московской обл. библиотеки



Иванъ Егоровичъ
Забѣлинъ

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКАГО
ДВОРЯНСКАГО КЛУБА.

Изъ Подольской старины[1]).

III.

Поступленіе въ Подольскую дух. семинарію. Жизнь казеннокоштныхъ семинаристовъ. Инспекторскій надзоръ. Ректоръ семинаріи Іоасафъ. Профессора. Постановка учебнаго дѣла. Экзамены внутренніе и публичные. В. И. Аскоченскій. Отношеніе къ семинаріи подольскихъ владыкъ. Путешествіе въ Почаевъ. Пріемъ у преосв. Арсенія.

По окончаніи курса въ духовномъ училищѣ полагалось держать экзаменъ при семинаріи. Онъ обыкновенно производился между 1 и 15 сентября и въ большинствѣ случаевъ въ присутствіи архіерея. Мы, помню, каждый день собирались въ классы, ожидая испытаній, но напрасно. И только предъ 14 сент. намъ объявили, что будетъ архіерей, и поэтому мы должны всѣ собраться въ семинарію. Несмотря на обѣщаніе, архіепископъ Арсеній все-таки не пріѣхалъ, а въ классъ пришелъ лишь одинъ инспекторъ Діонисій, который и произвелъ экзаменъ. Это собственно была одна проформа. Спросилъ онъ очень немногихъ и то кое-что. Мнѣ, напр., пришлось отвѣтить изъ катихизиса на вопросъ, „что есть вѣра?“ Катихизисъ митр. Филарета я зналъ отлично, а потому отвѣтилъ требуемое безъ запинки. А какъ это (т. е. указанный вопросъ) сказать по-латыни?“ снова спросилъ инспекторъ. „Quid est fides?“ бойко сказалъ я. „Довольно“. Послѣ меня вызваны были еще 3—4 ученика, и тѣмъ экзаменъ кончился.

[1]) См. „Русская Старина“, августъ 1911 г.

Я такимъ образомъ былъ принятъ въ Подольскую дух. семинарію (въ 1847 г.).

Семинаристы, имѣвшіе родителей и болѣе состоятельные, обыкновенно жили на частныхъ квартирахъ; намъ же сиротамъ, да дьячковскимъ сыновьямъ—бѣднякамъ приходилось ютиться тамъ, гдѣ отводила помѣщеніе семинарія, т. е. въ подворьѣ Троицкаго монастыря [1]). Здѣсь къ каменной стѣнѣ были пристроены глинобитные шалаши числомъ 7—8. Вѣроятно, это были базиліанскія келіи. Въ каждой изъ нихъ помѣщалось отъ 4—8 семинаристовъ. Обстановка была убогая: столъ, скамьи и кровати простой работы. Свѣтъ проникалъ сквозь небольшія окошечки, обращенныя во дворъ и затянутыя желѣзными рѣшетками. Воздуху въ комнатахъ было недостаточно, вентиляціи плохія, да онѣ не достигали своей цѣли, такъ какъ проводили воздухъ, зараженный міазмами изъ находившихся вблизи отхожихъ мѣстъ. Вообще же въ нашихъ комнатахъ было тѣсно, неуютно и сыро, и кромѣ того въ нихъ водилось множество мышей и крысъ, не дававшихъ иногда по ночамъ спать. Приходилось изощрять свою изобрѣтательность и изыскивать средства къ уничтоженію надоѣдливыхъ соквартирантовъ. Чаще практиковалась ловля въ голенище сапога. Бросимъ, бывало, туда намазанную свѣчнымъ саломъ бумажку, кусокъ хлѣба и т. п. и слѣдимъ. Крыса, почуявъ съѣстное, ускользнетъ въ импровизированную ловушку, а ловецъ подбѣгалъ къ „холявѣ“ и завязывалъ ее. Нѣкто Корничъ съ особеннымъ удовольствіемъ занимался ловлею крысъ. Разъ, когда онъ убивалъ свою добычу, подходитъ инспекторъ и спрашиваетъ: „Что ты дѣлаешь?“ „Анаѳтомирую“, невозмутимо пробасилъ тотъ. Съ того времени это слово и вошло у насъ въ употребленіе.

Кромѣ помѣщеній въ Троицкомъ монастырѣ существовали еще два „номера“ (комнаты) при самыхъ классахъ въ зданіи семинаріи, находившейся на Губернаторской площади. Эти комнаты были лучше во всѣхъ отношеніяхъ. Въ нихъ помѣщались „избранные“ воспитанники—родственники ректора, архіерея, нѣкоторые изъ письмоводителей, пѣвчихъ и т. п.

Не сладка была жизнь казеннокоштнаго семинариста. Ѣли мало, и пища была непитательная: капустнякъ да каша гречневая или ячменная на обѣдъ, кулешъ и каша ячменная на ужинъ; мясо давалось по праздникамъ. Чая и въ поминѣ не было.—Одежда была

---

[1]) Этотъ монастырь обращенъ изъ уніатскаго—базиліанскаго.

плохая и выдавалась рѣдко. За весь семинарскій курсъ я получилъ одинъ черный суконный сюртукъ, наглухо застегивавшійся.

Время семинаристы проводили однообразно—долбили только по запискамъ уроки, даваемые профессорами. Книгъ не читали, да ихъ и взять негдѣ было. Семинарская библіотека почти исключительно состояла тогда изъ латино-польскихъ учебниковъ, твореній Св. Отцевъ и старыхъ сборниковъ проповѣдей. Приходилось прибѣгать къ грубымъ развлеченіямъ, въ родѣ попоекъ на чердакахъ и боевъ съ гимназистами или мѣщанами—поляками, которые донимали насъ насмѣшками и прозвищами. Наиболѣе употребительной кличкой была „кнышъ“. Бывало, идешь по улицѣ въ самомъ благодушномъ настроеніи духа и вдругъ слышишь крикъ: „ядлымъ дзисей такэго смачнэго кныша зъ олеей и цибулею“ [1]). Смотришь, то мѣщанинъ или гимназистъ нагло смѣется по твоему адресу. Одинъ не осмѣливаешься, конечно, вступать въ препирательства и сносишь обиду. Если же шли въ компаніи нѣсколько семинаристовъ, то обыкновенно въ такомъ случаѣ завязывали драку. Иногда устраивали (преимущественно пѣвчіе) большіе бои надъ р. Смотричемъ.

За поведеніемъ и времяпрепровожденіемъ семинаристовъ наблюдали инспекторъ и субъ-инспектора. Отношеніе ихъ, особенно послѣднихъ, къ семинаристамъ было грубое и чисто формальное. Они придирались за всякую малость и часто несправедливы были къ намъ. Въ субъ-инспекторство проф. Виноградова произошелъ такой случай. Семинаристъ Брацлавичъ въ чемъ-то провинился предъ нимъ. Не довольствуясь объясненіями, Виноградовъ призвалъ служителей, чтобы тѣ наказали виновнаго. Брацлавичъ не давался, вырвался изъ рукъ, бѣгалъ по комнатѣ. Наказали его или нѣтъ, во всякомъ случаѣ онъ чрезъ нѣсколько дней неожиданно умеръ. Молва упорно обвиняла въ смерти Брацлавича субъ-инспектора. Отецъ умершаго затѣялъ дѣло, которое тянулось долго и ни къ чему не привело. Виноградовъ вскорѣ отказался отъ субъ-инспекторства и остался въ семинаріи профессоромъ исторіи. Но семинаристы не оставляли его въ покоѣ и постоянно досаждали ему надписями кирпичемъ на стѣнѣ: „Корокъ [2]) (такое было прозвище Виноградова) убилъ Брацлавича“. Виноградовъ иногда положительно плакалъ и просилъ учениковъ: Пишите уже „Корокъ“, а не пишите: „убилъ Брацлавича“. Непріятности эти сильно дѣй-

---

[1]) Я сегодня ѣлъ такой вкусный кнышъ съ масломъ и лукомъ.
[2]) Каблукъ.

ствовали на Виноградова, и онъ потомъ сильно опустился и распился. Зачастую онъ пьянымъ являлся въ классъ на уроки, гдѣ и бывалъ предметомъ насмѣшекъ и издѣвательствъ со стороны учениковъ. Такъ однажды семинаристы достали собаку, надѣли на нее фуражку и посадили между собою на парту. Приходитъ Виноградовъ и замѣчаетъ кого-то въ головномъ уборѣ.

— „Ты чего въ шапкѣ?“ напускается онъ. „Скажи урокъ“.

Конечно, по классу слышится смѣхъ. Виноградовъ горячится. „Скажи урокъ“... Эта комедія кончилась тѣмъ, что кто-то щипнулъ собаку, которая стрѣлою выбѣжала изъ класса.

Другой субъ-инспекторъ Войтковкій тоже позволялъ себѣ по отношенію къ семинаристамъ вызывающія выходки и часто несправедливо придирался къ тѣмъ, кого за что-нибудь не взлюбилъ. Въ числѣ подобныхъ былъ нѣкто Булгаринъ, сынъ военнаго священника. Онъ отличался способностями: хорошо пѣлъ, зналъ музыку, даже преподавалъ ее въ частныхъ домахъ, велъ знакомство съ чиновниками и всегда выглядѣлъ щеголемъ. Разъ идетъ Булгаринъ со спѣвки изъ монастыря расфранченный, въ шляпѣ и съ тросточкой въ рукахъ. Въ это время Войтковскій вышелъ изъ своей квартиры на корридоръ въ халатѣ и съ палкою и сбилъ у шедшаго Булгарина съ головы шляпу. Тотъ не выдержалъ и накинулся на обидчика, прижалъ къ дверямъ такъ сильно, что ручка ея врѣзалась въ щеку, и побилъ его. На крикъ выбѣжалъ проф. Оливницкій. Призвали полицейскихъ, которые схватили Булгарина и арестовали. Въ тюрьмѣ онъ пробылъ 2 года. Здѣсь ему жилось хорошо, чему способствовали прежнія связи съ чиновниками. Потомъ его судили, и хоть онъ былъ оправданъ, но карьера была испорчена. Порядочнаго мѣста не могъ найти и бѣдствовалъ. Потомъ онъ сильно распился и отъ пьянства умеръ.

Во главѣ семинаріи стояли ректора. Въ наше время ректоромъ былъ архимандритъ Іоасафъ, бывшій до того инспекторомъ Петербургской дух. академіи. Онъ прибылъ, какъ говорили, въ Каменецъ въ 1844 г. очень молодымъ еще человѣкомъ; былъ красивъ и уменъ, имѣлъ собственную, обширную библіотеку и считался ученымъ, хотя своей учености предъ нами и не обнаружилъ. Чрезъ годъ жизни въ Каменцѣ онъ опустился, обрюзгъ. Постоянно жаловался на свои яко-бы болѣзни, золотуху и еще какую-то; очень много ѣлъ и пилъ и отличался причудами. Въ качествѣ келейника онъ держалъ какого-то Ваню, хромого на одну ногу. Этотъ Ваня было повѣреннымъ его во всѣхъ дѣлахъ, но не всегда держалъ языкъ за зубами. Онъ разсказалъ, что Іоасафъ отличался неразсчет-

ливостію; получитъ онъ жалованье и кружку, такъ какъ пользовался монастырскими доходами, и бумажныя деньги обычно заложитъ въ какую-нибудь книгу и забудетъ. Келейникъ же замѣчалъ это. Проходитъ нѣсколько времени. У ректора всѣ деньги выходятъ, не съ чѣмъ и за водкой послать. Призываетъ онъ тогда своего келейника и съ сокрушеніемъ открываетъ: „Ваня, денегъ нѣтъ!“...

— „А вотъ, ваше высокопреподобіе, въ книгѣ есть“... беретъ уже извѣстную ему книгу и показываетъ ассигнаціи.

— „Ну хорошо... пошли“... только и скажетъ архимандритъ. Пилъ онъ много. Водка наливалась въ графинъ, какой обыкновенно употребляется для воды. И Іоасафъ не любилъ, когда видѣлъ графинъ неполнымъ. Выпьетъ, бывало, цѣлый стаканъ водки, а потомъ отвернется или выйдетъ въ другую комнату; Ваня въ это время незамѣтно долженъ долить графинъ. Зазѣвается Ваня, не дольетъ, о. ректоръ сердится.

Любилъ онъ и винцо. Намъ видно было изъ окошка, какъ онъ обѣдаетъ. Ѣстъ то или другое блюдо и время отъ времени черпаетъ ковшичкомъ, какіе употребляются въ церкви для теплоты изъ большой яндовы, наполненной виномъ, и запиваетъ.

Аппетитъ онъ имѣлъ очень большой и съѣдалъ все, сколько бы ему ни дали, но не жаловался и въ томъ случаѣ, если давали тѣсто съ сыромъ. Несмотря на то, что ректоръ былъ монахъ, онъ ѣлъ мясо, впрочемъ только телятину, индюковъ, куницъ и т. п. Воловьяго мяса не употреблялъ и вотъ по какому случаю.

Разъ онъ ѣхалъ по городу и видѣлъ, какъ еврей везъ туши говядины въ казармы и сидѣлъ прямо на мясѣ. Это возмутило о. Іоасафа, онъ долго не могъ успокоиться и все говорилъ: „а онъ сидитъ... а онъ сидитъ“... и съ тѣхъ поръ приказалъ, чтобы ему больше не подавали простого мяса.

Къ семинаристамъ этотъ ректоръ относился хорошо. По обыкновенію къ нему ежедневно ходили на репортъ дежурные. Онъ всегда разспрашивалъ ихъ, что даютъ ѣсть, и всегда неодобрительно отзывался о нашемъ меню, хотя и не могъ сдѣлать какихъ-либо измѣненій въ лучшую сторону. Въ наше время былъ обычай въ недѣлю говѣнія въ теченіе трехъ дней не давать обѣда—ѣли лишь плохую кислую капусту и огурцы съ хлѣбомъ. Ректоръ узналъ и раскричался: „Это что? Чтобы семинаристы не обѣдали?.. Что они монахи что-ли?“ И приказалъ тогдашнему эконому проф. Пашутѣ давать обѣдъ. Помнится еще, что Іоасафъ сократилъ чтеніе молитвъ утреннихъ и вечернихъ сравнительно съ тѣмъ, какъ полагается въ молитвословахъ.

Ректоръ по положенію долженъ былъ преподавать въ богословскомъ классѣ догматику, но Іоасафъ рѣдко бывалъ въ классахъ, а вмѣсто него читалъ догматику его помощникъ. Случилось разъ, когда я былъ въ первомъ богословскомъ классѣ, пріѣзжаетъ Іоасафъ въ своихъ крытыхъ дрожкахъ изъ монастыря въ классы. Привезъ онъ съ собою много книгъ, газетъ, которыя на силу втащилъ. Послѣ обычной молитвы началъ спрашивать учениковъ въ порядкѣ списка. Дошелъ до Бергера. Тотъ вышелъ и началъ отвѣчать о свойствахъ Божіихъ по догматикѣ Антонія. Бергеръ отвѣчалъ хорошо, но на какомъ-то текстѣ сбился и сталъ припоминать. Послѣ непродолжительнаго молчанія Іоасафъ заговорилъ: „Ты Бергеръ?.. Berg— гора... Herr — господинъ... Господинъ горы выходитъ... что, ты нѣмецъ?“

— „Нѣтъ, я православный и родился въ Подоліи“, говоритъ тотъ.

— „Ну, что-жъ, ты не знаешь?“...

А Бергеръ имѣлъ неосторожность сказать: „я, ваше высокопреподобіе, знаю; только одинъ текстъ позабылъ“.

Іоасафъ страшно разсердился и закричалъ не своимъ голосомъ:

— „Вонъ, вонъ... выгнать его... снять съ него казенный сюртукъ... лишить казеннаго содержанія... исключить его“...

Онъ долго нервно вскакивалъ съ своего мѣста, снова садился... Разбросалъ книжки, потомъ рѣзко сказалъ: „читайте молитву“ и пошелъ изъ класса. Въ корридорѣ къ нему подходитъ Бергеръ и проситъ прощенія. Іоасафу видимо понравилось это, и онъ уже мягко заговорилъ: „Ну, ну... хорошо... прощу... прощу... Они боятся меня... они испугались“... Такимъ образомъ, говорили, чрезъ весь городъ ѣхалъ и повторялъ: „они меня боятся“.

Вскорѣ послѣ этого случая онъ былъ переведенъ въ Могилевъ, гдѣ черезъ короткое время и умеръ.

Преемникомъ Іоасафа былъ архимандритъ Евѳимій, горькій пьяница. Пріѣхалъ онъ въ Каменецъ мѣсяцевъ чрезъ 8, когда мы занимались повтореніемъ. Въ классѣ на урокахъ былъ раза 2. Вообще дѣломъ не занимался, пьянствовалъ и надѣлалъ у евреевъ массу долговъ. Жизнь его сдѣлалась извѣстною начальству, и онъ вскорѣ послѣ нашего окончанія семинаріи былъ уволенъ къ великому прискорбію кредиторовъ, потерявшихъ всякую надежду на возвратъ долговъ. Говорили, что Евѳимія вынесли мертвецки пьянаго на „буду“ — повозку и вывезли изъ Каменца въ какой-то монастырь.

Изъ нашихъ профессоровъ лучшимъ былъ Лучицкій, преподававшій словесность въ риторическомъ классѣ. Прежніе воспитанники, характеризуя его, говорили, что это хорошій преподаватель но за то и отличный ругатель. То и другое, дѣйствительно, оказалось справедливымъ. Кто былъ ученикомъ Лучицкаго, тотъ прекрасно зналъ словесность. Къ слушателямъ своимъ онъ не всегда былъ справедливъ. Со мной случилась такая исторія. Разъ Лучицкій спрашиваетъ меня привѣтственную рѣчь архіеп. Георгія Конисскаго императрицѣ Екатеринѣ. „Пресвѣтлѣйшая императрица, оставимъ астрономамъ доказывать“... „Дуракъ... дуракъ“... оборвалъ онъ меня. „Какъ фамилія?“ Ты братъ Ксенофонта К? (который не за долго предъ тѣмъ по настоянію Лучицкаго былъ уволенъ)?“ „Нѣтъ, говорю, только однофамилецъ и даже не родственникъ“.

— „Смотрите; отъ роднаго брата отказывается... Да онъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на того... Пшелъ, дуракъ, на Кавказъ“ (такъ называлась послѣдняя парта).

Послѣ этого онъ какъ будто не замѣчалъ меня и въ теченіе полутора года не спрашивалъ, а снова обратилъ вниманіе по такому случаю. Разъ чрезъ Каменецъ по пути въ Австрію проходили уланы и дѣлали разводъ на Губернаторской площади предъ зданіемъ семинаріи. Уланы проходили поэскадронно: одни на черныхъ лошадяхъ, другіе на гнѣдыхъ, третьи на сѣрыхъ, въ красивыхъ мундирахъ съ пиками въ рукахъ. Невиданное зрѣлище отвлекло отъ занятій не только семинаристовъ, но и ихъ профессоровъ, которые столпились внизу и наблюдали. Я тоже прошмыгнулъ туда и изъ-за нихъ смотрѣлъ. Они не обращали, повидимому, на меня вниманія. Время летѣло незамѣтно. Одинъ изъ профессоровъ, взглянулъ на часы, сказалъ: „Господа, 12 часовъ, пора въ классы“. Всѣ тотчасъ же поднялись на верхъ. У насъ было классъ Лучицкаго, и я, будучи увѣренъ, что онъ не спроситъ меня, прошелъ на площадь и провожалъ улановъ до Тринитарскаго костела, а потомъ, сообразивъ, что скоро часъ обѣда, поспѣшилъ въ свое помѣщеніе. Между тѣмъ Лучицкій хорошо замѣтилъ мою продѣлку. Придя въ классъ, онъ по обыкновенію провѣрилъ запись отсутствующихъ въ классѣ по списку, подаваемому дежурнымъ. Я, конечно, тамъ не былъ внесенъ.

— „А Ковальскій“? спрашиваетъ профессоръ.

— „Нѣтъ“—отвѣчаетъ дежурный ученикъ Гарнишевскій, бывшій первымъ ученикомъ въ классѣ.

— „Гдѣ“?

— „Боленъ“, отвѣчалъ дежурный. Тутъ послѣдовалъ взрывъ ругани: „Ахъ ты, первая скотина! Ты смѣешь говорить, что онъ

боленъ, да онъ на моихъ глазахъ пошелъ за солдатами, должно быть туда и готовится"...

И досталось же мнѣ потомъ отъ Гарнишевскаго, котораго я подвелъ!..

На другой день прихожу въ классъ. Наканунѣ урокъ по словесности выучилъ, какъ слѣдуетъ. Приходитъ Лучицкій и вызываетъ. Назначено было о поэзіи. Отвѣчаю прекрасно. Онъ слушаетъ внимательно. „Сиди". Это была лучшая его похвала за отвѣтъ. Остался доволенъ мною и съ того времени снялъ съ меня опалу.

Впослѣдствіи онъ оставилъ службу въ семинаріи и перешелъ въ гимназію. Въ это время подольскимъ владыкою былъ Евсевій, съ которымъ Лучицкій былъ знакомъ еще по академіи. По пріѣздѣ своемъ въ Каменецъ, Евсевій сталъ заставлять профессоровъ семинаріи писать и произносить проповѣди. Лучицкій первый воспротивился новому распоряженію. „Что? Я буду подходить подъ благословеніе? одѣвать стихарь? Никогда"... Евсевій, узнавъ объ этомъ, разсердился, а Лучицкій, желая избавиться отъ непріятностей, поступилъ преподавателемъ въ гимназію.

Изъ другихъ профессоровъ Подольской семинаріи въ мое время наиболѣе опытнымъ и даровитымъ былъ Оливницкій („картофляный профессоръ"), читавшій естественную исторію и сельское хозяйство. Онъ свои лекціи демонстрировалъ на коллекціяхъ, которыя съ любовію составлялъ самъ.—Славился своимъ умомъ и ученостію Троепольскій, умершій въ санѣ епископа. Читалъ онъ у насъ философію и библейскую исторію. Рѣчь его лилась плавно и свободно; но любилъ онъ говорить высокопарно и темно, вслѣдствіе чего никто изъ слушателей его не понималъ, и мы мало получили пользы отъ его учености.

Другіе профессора представляли изъ себя посредственность, занимаясь исключительно чтеніемъ уроковъ по составленнымъ заранѣе запискамъ. Нѣкоторые изъ нихъ даже не трудились надъ самостоятельнымъ изложеніемъ своего предмета, а прямо буквально списывали съ книжки и не стѣснялись, когда ученики случайно узнавали, откуда ихъ профессоръ черпаетъ свою премудрость.

Изъ всѣхъ предметовъ семинарскаго курса въ большомъ загонѣ была математика. Ее почти никто не изучалъ и не зналъ. Древніе языки тоже не пользовались особымъ вниманіемъ семинаристовъ. Латинскихъ книгъ, напр., не выдавали на руки, и переводимый текстъ мы сами должны были переписать въ тетрадь.

Контроля за преподаваніемъ профессоровъ почти никакого не было.

Для провѣрки знаній учащихся существовали внутренніе экзамены. Они происходили дважды въ году—передъ Рождествомъ и передъ лѣтними каникулами. На этихъ экзаменахъ почти всегда присутствовали архіереи. Отвѣчать вызывали, впрочемъ, не всѣхъ учениковъ въ классѣ, а по нѣсколько человѣкъ изъ лучшихъ, среднихъ и худшихъ. Грозою для профессоровъ на этихъ экзаменахъ былъ проживавшій въ Каменцѣ извѣстный В. И. Аскоченскій.

Аскоченскій служилъ въ Каменцѣ совѣстнымъ судьею, а затѣмъ, когда эта должность была упразднена, онъ безъ всякихъ занятій проживалъ въ Каменцѣ вдовый, съ дѣтьми—и терпѣлъ во всемъ большую нужду. Аскоченскій близко стоялъ къ Камен. духовному міру и часто бывалъ у Подольскихъ владыкъ, изъ которыхъ преосвященный Евсевій былъ, кажется, его товарищемъ по академіи и взялъ было его къ себѣ на житье, но впослѣдствіи долженъ былъ разстаться съ Аскоченскимъ изъ-за злого языка послѣдняго. Аскоченскій очень непочтительно и рѣзко отзывался объ Евсевіи и говорилъ про него между прочимъ, что онъ пѣлъ у него въ академическомъ хорѣ, регентомъ котораго Аскоченскій состоялъ, „дрянной теноркой“. Аскоченскій поддерживалъ знакомство и съ городскими чиновниками, начиная съ губернатора, хотя и въ этомъ обществѣ его не терпѣли и относились къ нему съ высокомѣріемъ. Припоминаю и теперь еще кое-что изъ его злобныхъ эпиграммъ, пользовавшихся широкимъ распространеніемъ между всѣми слоями Каменецкаго общества и доходившихъ и въ нашъ замкнутый семинарскій мірокъ.

Нѣкто Альчаниновъ, жандармскій полковникъ, женился на дочери какой-то помѣщицы, и почему-то свадьба была въ губернаторской квартирѣ. Въ числѣ гостей на этой аристократической свадьбѣ былъ и Аскоченскій, у котораго вышелъ какой-то непріятный разговоръ съ прокуроромъ палаты, Готовцевымъ. Послѣдній, несмотря на то, что самъ былъ далеко не знаменитаго рода (дѣдъ его, кажется, даже былъ кабатчикомъ) въ разговорѣ презрительно обозвалъ Аскоченскаго кнышемъ, а тотъ отплатилъ ему эпиграммой изъ которой у меня въ памяти осталось нѣсколько слѣдующихъ стиховъ:

Да, я поповичъ, не полякъ,
Не шляхты хамское отродье.
Мой вѣчной памяти отецъ
Не назывался благородьемъ.
Былъ благороденъ по дѣламъ,
А не по шпагѣ и усамъ.

Да, я поповичъ, не полякъ
Мой дѣдъ виномъ не торговалъ,
Не разбавлялъ его водицей
И черезъ винный капиталъ
Не вышелъ въ люди важной птицей...
Мой родъ, мое происхожденье:
Прапрадѣдъ мой за голосъ свой
Попалъ въ его благословенье...

Дальше никакъ не могу припомнить. Въ ходу была и другая эпиграмма Аскоченскаго, сочиненная имъ на предсѣдателя суда. Фамиліи его я не помню. Знаю только, что онъ происходилъ изъ духовнаго званія и былъ изъ числа тѣхъ выслужившихся чиновниковъ, которые начинали свою службу починкою гусиныхъ перьевъ въ какой-нибудь грязной передней одной изъ канцелярій того добраго, стараго времени. Однакожъ этотъ господинъ также смотрѣлъ на Аскоченскаго сверху внизъ, а тотъ отплатилъ ему эпиграммой, которая начиналась такъ:

Что ты пыхтишь, какъ въ мѣшкѣ шило, и далѣе:
Отецъ твой, радѣя о благѣ своего прихода,
Сбиралъ съ него кныши и выкормилъ тебя урода.

Аскоченскій иногда заходилъ и къ намъ, семинаристамъ, запросто, поговорить. Бесѣды эти были очень интересны для насъ, такъ какъ отличались живостью, простотою и непринужденностью, почему мы всегда съ удовольствіемъ встрѣчали Аскоченскаго. Также рады мы были появленію его и у насъ на экзаменахъ, такъ какъ хорошо знали что непремѣнно начнется и надолго затянется какой-нибудь нескончаемый ученый диспутъ между самими экзаменаторами, и учениковъ будутъ спрашивать очень мало. Но совсѣмъ иначе встрѣчали появленіе Аскоченскаго на экзаменахъ сами профессора. Остроумный, находчивый, начитанный и отличавшійся тонкой діалектикой Аскоченскій часто въ спорахъ припиралъ ихъ къ стѣнѣ. Нѣкоторые изъ нихъ не хотѣли даже идти на экзаменъ.

Я помню, въ какомъ жалкомъ положеніи очутился, напр., нашъ профессоръ логики и психологіи Сирочинскій, который на доводы Аскочинскаго въ концѣ концевъ ничего не могъ возразить и принужденъ былъ замолчать. А дѣло было при архіереѣ. Аскоченскій диспутировалъ даже съ профессоромъ естественной исторіи Оливницкимъ. Такъ, у меня въ памяти остался споръ ихъ о полипахъ. Суть спора, впрочемъ, я забылъ.

Вообще же,—какъ и вездѣ,—такъ и въ средѣ семинарской корпораціи Аскоченскій не пользовался симпатіями за свой непостоянный, взбалмошный характеръ, за свои рѣзкіе отзывы, обидныя прозвища, за свою склонность къ насмѣшкѣ, остротамъ и шуткамъ, иногда довольно рѣзкимъ. Среди семинарскихъ профессоровъ былъ нѣкто Пашута, товарищъ Аскоченскаго по академіи, человѣкъ мягкій, скромный, сдержанный и деликатный. Его больше всѣхъ другихъ донималъ Аскоченскій своими шутками и остротами. Пашута страшно обижался, а тотъ не обращалъ никакого вниманія и продолжалъ при всѣхъ вышучивать его. Пашута былъ человѣкъ холостой, занималъ кромѣ профессуры и должность семинарскаго эконома, которая приносила ему 70 руб. въ годъ жалованья, квартиру и полное содержаніе. Какъ человѣкъ болѣе другихъ профессоровъ семинарскихъ обезпеченный и добрый, онъ однажды къ празднику Пасхи прислалъ Аскоченскому куличъ, сала, яицъ, кусокъ ветчины и проч. и 3 руб. денегъ.

На второй день Пасхи Аскоченскій пришелъ къ Пашутѣ съ визитомъ. Войдя въ комнату, онъ со слезами на глазахъ сталъ на колѣни, поклонился Пашутѣ и сказалъ: „друже, прости меня! Я виноватъ передъ тобой много, много. А между тѣмъ, въ то время, какъ всѣ отъ меня отвернулись, только ты меня одинъ поддержалъ“. Растроганный поднялъ Пашута Аскоченскаго. Товарищи разговорились по душѣ, чему не мало способствовало и угощеніе съ выпивкой. Впрочемъ, такое настроеніе продолжалось недолго. Къ концу визита своего Аскоченскій снова впалъ въ свой обычный тонъ по отношенію къ Пашутѣ, а тотъ снова началъ обижаться.

Въ качествѣ почетнаго гостя Аскоченскій бывалъ и на публичныхъ экзаменахъ, которые производились обыкновенно 15 іюля. На нихъ присутствовали архіерей, губернаторъ, многія свѣтскія лица, всѣ профессора и учащіеся симинаріи. Испытанію подвергались только „избранные“, лучшіе ученики и то по вопросамъ, заранѣе имъ извѣстнымъ. Публичные экзамены заканчивались пѣніемъ патріотическихъ пѣсенъ.

Главными мѣстными начальниками семинаріи были преосвященные владыки. Но они не одинаково относились къ ней. Архіепископъ Арсеній (Москвинъ) очень радѣлъ о семинаріи, при чемъ слѣдилъ какъ за постановкою учебнаго дѣла, такъ и за внѣшнимъ ея благоустройствомъ. Замѣтивъ, что въ семинаріи обращается преимущественное вниманіе на главные предметы, а второстепенные какъ бы игнорируются, онъ настоялъ на томъ, чтобы и послѣдними занимались, какъ слѣдуетъ. Въ то же время онъ позаботился объ

улучшеніи экономической части и достигъ того, что „семинарія въ первый разъ отъ своего существованія увидѣла щипцы для свѣчей при подсвѣчникѣ“.

Преемникъ его преосвященный Елпидифоръ (Бенедиктовъ) былъ въ Каменцѣ только два съ небольшимъ года. Человѣкъ онъ былъ болѣзненный и, очевидно, тяготился всякими дѣлами. Посѣщалъ семинарію исключительно во время экзаменовъ. Про него и его предшественника семинаристы сложили слѣдующее четверостишіе:

Арсенія за славу
Перевели въ Варшаву,
А Елпидифора за взятки
Сослали въ Вятку.

Носившіеся слухи подтверждали не лестный отзывъ объ Елпидифорѣ. Дѣло въ томъ, что при немъ жилъ родной его братъ Гаврилка (иначе его не звали), находившійся въ послѣднихъ градусахъ чахотки. Преосвященный Елпидифоръ старался всѣми мѣрами скрасить послѣдніе дни несчастнаго и потому всегда выполнялъ всѣ его прихоти. Что бы Гаврилка ни попросилъ, Елпидифоръ дѣлалъ. Этимъ, конечно, воспользовались люди, окружавшіе епископа, и злоупотребляли его слабостію. Пріѣдетъ какой-нибудь дьячекъ, желающій лучшаго прихода или даже домогающійся священническаго сана, является къ архіерейскому письмоводителю и даетъ ему 100 рублей или приводитъ корову, прося устроить дѣло. Письмоводитель дѣйствуетъ на Гаврилку, а послѣдній иногда со слезами умоляетъ брата, и тотъ не имѣетъ твердости отказать въ такой просьбѣ. Преосвященный Елпидифоръ возилъ съ собою Гаврилку и во время поѣздокъ по епархіи. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ по дорогѣ онъ и умеръ. Вскорѣ, говорятъ, по доносу преосвященный Елпидифоръ былъ переведенъ въ Вятку.

Слѣдующій епископъ Евсевій (Ильинскій) тоже часто не посѣщалъ семинарію. Извѣстенъ случай, когда онъ присутствовалъ на урокѣ помощника ректора іеромонаха Іаннуарія (Попова), читавшаго гомилетику и литургику. Іаннуарій (впослѣдствіи епископъ балтскій), хотя и былъ магистръ богословія, преподавалъ свои предметы неумѣло и плохо. Объ этомъ донесли преосвященному Евсевію. Послѣдній для провѣрки неожиданно явился на урокъ Іаннуарія. „О чемъ идетъ урокъ?“—обратился онъ къ нему. Тотъ сказалъ. „Къ слѣдующему дню урокъ заданъ?“. „Заданъ“. „Объясненъ?“ „Да“. „Ну, еще повторите объясненіе“. Іаннуарій долженъ былъ исполнить требованіе епископа, вытащилъ изъ кармана небольшой листочекъ бумажки, на которомъ были, вѣроятно, записаны главныя мысли урока, и, въ минуту прочитавъ написанное, остановился.

„Уже все?“ „Все, Ваше Преосвященство“. Евсевій, остался очевидно, недоволенъ такимъ объясненіемъ урока, нервно походилъ по классу и, не сказавъ ни слова, уѣхалъ.

При преосвященномъ Евсевіи я окончилъ курсъ семинаріи въ 1853 году.

По окончаніи курса въ семинаріи я и другіе пять человѣкъ товарищей моихъ сговорились сходить въ Почаевъ на богомолье. Взявши билеты изъ консисторіи, куда отосланы были наши аттестаты, мы въ первой половинѣ іюня отправились въ свое путешествіе. Пока мы были въ предѣлахъ Подольской губ., то, переходя изъ села въ село, встрѣчали повсюду почти самое патріархальное гостепріимство въ домахъ священниковъ, особенно тамъ, гдѣ были дочери невѣсты. Одной изъ первыхъ остановокъ нашихъ было село Скотыняне Каменецк. у. Мы зашли къ священнику Іосифу Сливычу. Здѣсь была моя нареченная, такъ какъ я засватался, будучи еще въ послѣднемъ классѣ семинаріи. Случилось это такъ. Въ послѣдній годъ пребыванія моего въ семинаріи о. Сливычъ предложилъ мнѣ заниматься съ его сыномъ, учившимся въ духовномъ училищѣ. Я согласился. Занятія наши продолжались успѣшно къ удовольствію родителей ученика, которые и пригласили меня, безпріютнаго, провести у нихъ рождественскія каникулы. Здѣсь я познакомился съ ихъ дочерью, которая очень понравилась мнѣ, какъ по наружности, такъ и по спокойному, ровному характеру и по хозяйственности. Задумавши сдѣлать ей предложеніе, я письмомъ вытребовалъ свою сестру, дьячиху Снѣжинскую, такъ какъ въ то время считалось неприличнымъ молодому человѣку самому объясняться съ дѣвицей или съ ея родителями насчетъ питаемыхъ къ ней чувствъ и своихъ матримоніальныхъ намѣреній. Сестра пріѣхала и сдѣлала предложеніе, и я объявленъ былъ женихомъ. Въ домѣ моей невѣсты меня съ товарищами по путешествію приняли очень радушно, угостили хорошо, да и на дорогу дали хлѣба, курицу и сала и вывезли за село.

Мы сдѣлали складчину по 3 рубля съ человѣка, выбрали изъ своей среды экономомъ Доценко и вручили ему всю свою казну. На его обязанности лежало покупать для насъ продукты: хлѣбъ, молоко и яйца. Въ Волынской губ. намъ также оказывали гостепріимство, хотя и не такое, какъ на родинѣ.

Причиною тому былъ, между прочимъ, и недородъ хлѣба въ томъ году. И вслѣдствіе этого мы иногда вынуждены были обращаться за оказаніемъ помощи къ мѣстнымъ священникамъ, такъ какъ въ иномъ селѣ ни за какія деньги нельзя было достать хлѣба или другого съѣстного. Въ с. Чашовкѣ мы не могли купить ни-

чего и отрядили одного изъ своихъ товарищей Корчинскаго къ батюшкѣ. Ждемъ, ждемъ... нѣтъ его. Проходитъ часъ, два, три... Ѣсть страшно хочется. Послали товарищи меня, и я застаю такую картину. Въ полутемномъ и прохладномъ амбарѣ сидятъ священникъ Прокоповичъ и нашъ Корчинскій, передъ ними недопитое „око“ водки („око“—штофъ), сало съ чеснокомъ и хлѣбъ.

Очевидно хорошо имъ было здѣсь сидѣть и угощаться, и они совершенно позабыли про пятерыхъ голодныхъ людей. Усадилъ о. Прокоповичъ и меня и началъ усиленно потчевать. Но я, выпивъ чарку, другую, сталъ просить отпустить насъ скорѣе и дать хлѣба. О. Прокоповичъ далъ намъ булку и сказалъ, что это послѣдняя у него.

Въ слѣдующемъ селѣ Бѣлозеркѣ судьба была къ намъ милостивѣе, и мы не только достали хлѣба, но и сметаны съ земляникой. Здѣсь собралось около насъ много народу, такъ какъ насъ приняли за чеховъ, странствующихъ музыкантовъ, благодаря волосянымъ, толстымъ чебукамъ, представившимися любопытной деревенской публикѣ музыкальными духовыми инструментами. Здѣсь же мы почувствовали страшное утомленіе отъ сдѣланнаго пути. На ногахъ, обутыхъ въ совершенно непринаровленные къ дорогѣ сапоги, оказались сильныя ссадины и мозоли. Поэтому наняли мы за 1 р. 50 к. до м. Вышневецъ длинный возъ („васагъ“), выстлали его хорошо соломой, усѣлись всѣ шестеро и поѣхали далѣе. А въ Вышневцахъ сдѣлали продолжительную остановку почти на сутки тѣмъ болѣе, что день былъ праздничный. Путешествовавшій съ нами сынъ майора Вефель куда-то пропалъ, но къ полудню возвратился и весело объявилъ намъ, что выигралъ 2 рубля и тутъ же угостилъ насъ хорошимъ обѣдомъ. Вышедши изъ Вышневецъ, мы вскорѣ увидѣли лавру. Радости нашей не было конца. Мы всѣ были юноши религіозные. Чувство глубокой вѣры—простой, безхитростной, но горячей—было прочно зажжено въ нашей душѣ. При всѣхъ недостаткахъ нашего воспитанія, оно отличалось тѣмъ, что велось людьми безусловно вѣрующими и любящими церковь православную и все церковное. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что при видѣ величественныхъ лаврскихъ церквей и колоколенъ, равныхъ которымъ мы доселѣ еще не видѣли, насъ захватило умиленно-восторженное религіозное настроеніе. Со слезами на глазахъ упали на колѣни и усердно начали молиться. Въ лавру мы поспѣли къ вечернѣ, за которой также молились съ сугубымъ усердіемъ, умиленные неспѣшною, чинною церковною службою и стройнымъ пѣніемъ лаврскаго хора. Вышедши отъ вечерни, мы не знали, куда дѣваться. Выручилъ насъ монахъ-землякъ, который очень обрадовался намъ. По его просьбѣ намъ отвели болѣе чистое помѣщеніе

въ частномъ домѣ „за дорогой“. Благодаря случаю о нашемъ прибытіи въ Почаевъ узналъ высокопреосвященный Арсеній, бывшій архіепископъ Подольскій, а теперь Варшавскій и Новочеркасскій, управляющій Волынской епархіей. Епархію эту дали въ управленіе высокопреосвященному Арсенію изъ личнаго уваженія къ нему и, такъ сказать, для кормленія, такъ какъ въ Варшавской епархіи епископъ кромѣ жалованья не имѣлъ никакихъ доходовъ. Въ Волынской же епархіи архіерей получаетъ третью часть лаврскихъ доходовъ, что составляетъ очень солидную сумму, особенно для того времени.

Владыка приказалъ намъ явиться къ нему на другой день, и во исполненіе этого приказанія мы въ назначенный часъ были въ архіерейскихъ покояхъ.

Большая пріемная комната архіерейскихъ покоевъ была наполнена просителями разныхъ возрастовъ и сословій, что было вполнѣ понятно, такъ какъ владыка только изрѣдка наѣзжалъ въ Волынь. Насъ скоро позвали въ другую комнату, куда къ намъ вышелъ владыка въ камилавкѣ и подрясникѣ. По обычаю того времени, мы поклонились ему въ ноги. Получивши отъ него благословеніе, мы съ удивленіемъ услышали отъ него ласковое: „садитесь“. Намъ не вѣрилось, что это говоритъ строгій владыка Арсеній, гроза и трепетъ подвѣдомственнаго духовенства. Мы не смѣли садиться и стояли. „Да садитесь же“—снова повторилъ владыка уже настойчиво и строго. Онъ началъ насъ разспрашивать обо всемъ съ большими подробностями. Съ удовольствіемъ вспоминалъ о службѣ своей въ Подоліи, которую (Подолію) называлъ „блаженною“. „Вы счастливцы, говорилъ онъ намъ, у васъ тамъ просторъ. Мѣстъ много, а кандидатовъ мало. А здѣсь меня все время осаждаютъ семинаристы изъ-за мѣстъ, а мѣстъ и нѣтъ“. Милостиво распростился съ нами владыка, далъ намъ по просфорѣ и приказалъ хорошо насъ кормить и содержать. На прощанье снова были у него—по его же приказанію. Владыка далъ каждому изъ насъ по литографированному своему портрету, а мы поклонились ему нѣсколько разъ въ ноги. Возвратившись съ богомолья, направился я въ домъ своей невѣсты. Скоро сыграли и свадьбу. Затѣмъ дали мнѣ 45 р. на рукоположеніе и отправили въ Каменецъ.

Въ сентябрѣ меня рукоположили къ церкви с. Иванковецъ Хребтіевскихъ Ушицкаго у. во священника.

В. Сл. и Ѳ. Ф—ко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Гимназистъ, военно-плѣнный.

(Изъ жизни М. Н. Муравьева Виленскаго).

По словамъ генерала Саранчова, бывшаго при графѣ Муравьевѣ полицеймейстеромъ, подчасъ Михаилъ Николаевичъ былъ и гуманенъ. Въ одной стычкѣ (1863 г.) былъ взятъ въ плѣнъ 15-тилѣтній юноша, гимназистъ 5-го класса Виленской гимназіи. При опросѣ, почему онъ рѣшился пуститься на такой рискованный путь, онъ чистосердечно сознался, что пошелъ въ банду не по собственному влеченію, а по желанію его матери, которая требовала отъ него этой жертвы. При обыскѣ у него нашли письмо матери, благословляющей его на войну съ врагомъ и совѣтующей сражаться съ нимъ до послѣдней капли крови. Обо всемъ этомъ доложили графу, и въ немъ промелькнуло чувство состраданія. Онъ велѣлъ сдѣлать у матери юноши обыскъ, разспросить ее о сынѣ и о послѣдующемъ ему доложить. Саранчовъ отправился туда. Въ убогой и тѣсной квартирѣ помѣщалось семейство, состоящее изъ матери и трехъ малолѣтокъ. На вопросъ Саранчова, гдѣ ея старшій сынъ? она отозвалась невѣдѣніемъ.

— Можетъ быть онъ въ шайкѣ повстанцевъ?

— О! нѣтъ! Я его воспитала въ принципѣ вѣрноподданнѣйшихъ чувствъ Царю и отечеству.

— И такъ, вы, положительно, не можете намъ сказать объ немъ?

— Не могу, полагаю, что онъ могъ утонуть.

Въ такомъ смыслѣ составленъ былъ протоколъ, который и подписала мать. Тогда Саранчовъ вынулъ собственноручное ея письмо и, предъявляя ей, сказалъ: „ваше заявленіе, сударыня, совершенно противорѣчитъ вашему письму“. Она пришла въ отчаяніе и на колѣняхъ умоляла Саранчова не губить ее. Саранчовъ обѣщалъ ей исходатайствовать полное прощеніе. Муравьевъ согласился не привлекать ее къ отвѣтственности и велѣлъ спросить юношу, не желаетъ ли онъ окончить гимназію? Юноша, внѣ себя отъ радости, заявилъ, что онъ былъ бы этому весьма радъ, но въ Виленской гимназіи и вообще въ Вильнѣ оставаться не можетъ, а желалъ бы забраться какъ можно подальше отъ Вильны; но, къ сожалѣнію, средства матери его для того недостаточны. Графъ Муравьевъ снесся съ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа, чтобы юношу помѣстить на казенный счетъ въ Казанской гимназіи; велѣлъ Саранчову озаботиться закупкой теплой одежды, снабдить необходимыми деньгами (дѣло было зимой) и отправить въ Казань. Сказано—сдѣлано.

К. Н. Добровольскій.

Изъ архива князя Л. А. Ухтомскаго[1].

10-е октября[2].

Говорятъ, что Нахимовъ ужасно разсердился, услыхавъ, что я хочу выйти въ отставку. Забавны, право, эти люди! Ежели они сдѣлались рабами, такъ хотятъ и другихъ лишить свободы. Напрасно называть это громкими именами неблагодарности и проч., и проч. За меня въ корпусѣ платили деньги, и я никому ничѣмъ не обязанъ. Въ этомъ заключается моя гордость. На прощанье цѣлую перчатку К. и ложусь спать.

25367

6 или 7 ноября.

„Много измѣнилось съ того времени. Я уже уѣхалъ изъ Севастополя. Теперь сижу дома, въ отпуску. Но все случилось какъ-то неожиданно. Послѣднее время я былъ въ разладѣ самъ съ собою, я былъ влюбленъ страшно и уѣзжалъ отъ К. Во мнѣ осталось на столько разсудка, чтобы понять, что пора было уѣзжать: иначе я надѣлалъ бы глупостей. А потому всѣ хлопоты, всѣ приготовленья къ дорогѣ шли какъ-то машинально. До послѣдней минуты я еще не зналъ навѣрное, поѣду ли. И потомъ, въ первые дни дороги, я еще не вѣрилъ, что это—дѣйствительность. Мнѣ казалось, что я гдѣ-нибудь за городомъ, что черезъ полчаса я ворочусь. Въ первое утро я задремалъ на перекладной. Открываю глаза: вдали горы; утренній туманъ, какъ море, разстилался у ногъ ихъ;

[1]) См. „Русская Старина“ апрѣль 1911 г.
[2]) 1851 г.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

изъ среды этого фантастическаго моря—хутора, съ ихъ тополями. Какъ я обрадовался, воображая, что ѣду назадъ!—Вся моя жизнь, мои воспоминанья, моя первая любовь, прощанье и нашъ послѣдній разговоръ были еще такъ живы въ моей памяти! Я былъ такъ тѣсно связанъ съ Севастополемъ, что до самаго Екатеринослава думалъ, что вернусь назадъ. Непривычка къ дорогѣ, поперемѣнные то холодъ, то жаръ, усталость мѣшали мнѣ думать о ней. Во все это время я почти не спалъ, потому что ѣхалъ день и ночь. Однажды, на станціи, я задремалъ. И вижу, что мы вмѣстѣ, что мы опять счастливы другъ съ другомъ.. Не буду говорить о всѣхъ непріятностяхъ въ дорогѣ. Погода дурная, холодно, скучно. Иногда я увлекался быстрой ѣздою; глаза горѣли, я весь оживалъ—и мы всѣ—съ ямщикомъ, лошадьми, экипажемъ были словно какое-то новое, оживленное существо, которое летѣло—легко, смѣло и свободно. И не видно было конца этому... Я помню, послѣднія сутки дороги я былъ счастливъ: мое желаніе было близко къ исполненію; мы ѣхали скоро. Тяжелыя, снѣжныя облака смѣнили дождь. Они тихо, неправильно толпились надо мною, какъ новыя дѣти Борея, готовыя упасть на землю и покрыть ее бѣлымъ саваномъ. Я всматривался въ ихъ движеніе; мнѣ казалось, что я понимаю ихъ жизнь. И мнѣ дѣлалось странно за себя, осыпаннаго мятелью. Но вотъ проглянулъ чистый, лазурный клочекъ южнаго неба—и явленіе его было такъ отрадно, какъ будто добрые ангелы явились тамъ и сдержали черныя тучи, готовыя упасть на меня. Дунулъ послѣдній холодный порывъ вчерашняго вѣтра, и страшныя облака, поднявшись выше, ушли на горизонтъ. Осеннее солнце проглянуло изъ-за тучъ и освѣтило всѣ предметы какимъ-то матовымъ, мягкимъ свѣтомъ,—представлявшимъ изъ себя нѣчто среднее между луннымъ и солнечнымъ: зелень хлѣбовъ, голыя березки, желтыя нивы озарились какимъ-то волшебнымъ блескомъ. Чѣмъ ближе я былъ къ дому—тѣмъ волненіе мое становилось больше. Мнѣ сдѣлалось дурно. Почувствовалъ холодъ, открываю глаза: звѣзды блестятъ надо мною (ночи передъ этимъ были дождливы и холодны). Но вотъ и конецъ адской, утомительной дороги. Колокольчикъ остановился у дома. И черезъ минуту я обнялъ своихъ родныхъ".

14 ноября.

„Что мнѣ описывать, какъ проводилъ это время! Давно я не жилъ настоящимъ и потому время прошло, какъ мигъ. Я даже ни разу не вспомнилъ о К. и только вчера скучалъ и грустилъ цѣлый вечеръ... Любовь моя охладѣла теперь... Говорятъ, послѣ моего отѣзда она бредила много, впала въ горячку; узналъ отецъ и были

страшныя сцены... Что же я намѣренъ дѣлать?—Въ перспективѣ у меня жизнь съ братомъ, котораго я люблю, который будетъ для меня другомъ. А дальше—свободная кочующая жизнь, въ которой только поэзія".

19 или 20 ноября.

„Что можетъ быть непріятнѣе—видѣть въ семействѣ женщину, злую, подъ конецъ жизни сумасшедшую [1]), отъ которой терпитъ весь домъ! Но это чувство усиливается, если прибавить, что то была моя мать. Вчера я слышалъ безконечные разсказы объ ея гадостяхъ, злости, и вижу теперь, что, несмотря на все отдаленіе отца отъ насъ, ежели есть въ насъ что-либо хорошее, то это отъ него... Право, моя участь, кажется,—всегда увлекаться мечтами и потомъ видѣть ихъ разрушеніе. Еще одной мечтою меньше. Давно ли я рисовалъ себѣ картины сельской жизни, въ кругу родныхъ, среди тихихъ занятій. Теперь я живу этой жизнью. И что же? Не прошло и двухъ недѣль, какъ она мнѣ уже надоѣла; я начинаю скучать, утромъ, послѣ чая, читаю какую-нибудь книгу—до завтрака; потомъ дѣлаешь что-нибудь до обѣда. Далѣе кое-какъ протянешь до чаю, а тамъ займешься чѣмъ-нибудь до ужина. Потомъ—и спать. Все—неопредѣленно, вяло, безжизненно донельзя. Осень на дворѣ; пасмурно, тихо; въ домѣ тоже нигдѣ не видать движенія. Всякое лицо, прошедшее мимо оконъ, возбуждаетъ всеобщее любопытство; всѣ мелочи извѣстны и не укроются, даже появленіе у крыльца чужой собаки. Мнѣ понятно теперь, отчего всѣ опускаются въ деревнѣ и ѣдятъ, ѣдятъ каждую минуту. Конечно, изъ этого не слѣдуетъ, что непремѣнно всѣ такъ же живутъ въ деревнѣ. Развѣ я занимался какими-нибудь сельскими работами, какъ предполагалъ прежде?! Развѣ я входилъ въ жизнь поселянъ, какъ думалъ прежде?! Имѣю ли я какое-нибудь понятіе о сельскомъ хозяйствѣ, ботаникѣ и прочихъ наукахъ, такъ отрадныхъ въ деревнѣ? А ежели бы я имѣлъ о нихъ понятіе, то развѣ я примѣнялъ бы ихъ къ дѣлу? Конечно, моя мечта потеряла уже много процентовъ отъ дѣйствительности".

30 ноября.

„Отецъ служитъ для меня живымъ примѣромъ. Сначала онъ дѣлалъ разныя упущенія, считалъ ихъ вздорными и которыя легко бросить, когда захочется. Но случилось иначе: онъ втянулся въ свои привычки и теперь, можетъ быть, сознавая ошибки и видя невозможность поправить ихъ, боится довѣриться кому-нибудь, а

[1]) Пропускаю еще одно, слишкомъ рѣзкое выраженіе князя.
А. Жиркевичъ.

также изъ страха, чтобы не выгнали изъ дому ее [1]). Всѣ мы (и я—въ особенности) питаемъ презрѣніе къ ней, ненависть; не могу говорить о ней хладнокровно. Конечно, на нее онъ (отецъ) тоже тратитъ и, слѣдовательно, обманываетъ насъ. Все это—непріятно, тяжело. Но я не жалѣю, что пріѣхалъ: неожиданно соберется все наше семейство и тогда будетъ окончательный взглядъ на все и всѣхъ. Да, я многаго жду отъ новаго года. Каждая изъ сестеръ говорила, что столько вынесла здѣсь, что рада бѣжать куда-нибудь и бросить все, чтобы не слыхать и не видѣть. Я съ ними согласенъ. Мое мнѣніе такое, что ежели домашнія дѣла не измѣнятся, то я тоже никогда не пріѣду домой. Наконецъ я сдѣлалъ предложеніе, что ежели все останется по-прежнему, то послѣ объясненія съ отцомъ, взять каждому брату по сестрѣ и уѣхать: пусть живутъ, какъ знаютъ, и дѣлаютъ, что вздумается, не марая насъ. Мое предложеніе принято. А очень можетъ быть, что все останется по-старому. Мы не можемъ защищать хорошо своего дѣла потому, что онъ (отецъ) знаетъ одинъ всѣ дѣла. Связь ихъ зашла, можетъ быть, также слишкомъ далеко. Какъ знать, можетъ быть, они уже обвѣнчаны тайно!... Исторія продажи лѣса, вообще управленіе, отчеты по опекѣ—все очень темно. Какъ мои мнѣнія измѣнились!—Давно ли я питалъ презрѣніе къ деньгамъ? А теперь эти дѣла возмущаютъ, огорчаютъ меня, потому, что кромѣ интереса, я потерялъ уваженіе и любовь къ человѣку, который достоинъ того и другого“.

2 декабря.

„Мнѣ пришла счастливая мысль описать всѣхъ, составляющія наше семейство. Начнемъ съ отца. Въ двадцатыхъ годахъ онъ вышелъ въ отставку изъ гусаръ; на 38 году жизни женился, но былъ наказанъ за то, что хотѣлъ богатства. Жена его была женщина злая, подверженная сумасшествію... мучила свое семейство, крестьянъ. Его характеръ—добрый, благородный, мягкій. А потому, онъ былъ вторымъ лицомъ въ домѣ. Не знаю, долго ли продолжался ихъ медовый мѣсяцъ; но, сколько я помню, у нихъ были безпрестанныя ссоры, сцены, которыя вредно вліяли на насъ. И потому, въ дѣтствѣ, никто изъ насъ не можетъ припомнить пріятныхъ минутъ. Но страхъ, наказанія, всевозможныя лишенія оставили на каждомъ изъ насъ свои слѣды. Домашній деспотизмъ матери былъ такъ силенъ, что до сихъ поръ содрогаешься при одномъ воспоминаніи. У отца были тоже свои недостатки, напримѣръ, его страсть къ картамъ. Сколько проиграно денегъ, какъ

[1]) Особу, которая смѣнила мать автора записокъ.

разстроено черезъ это наше состояніе—вообразить не трудно. Но вотъ умерла мать, и началось счастливое время для нашего семейства. Общая любовь, довѣріе другъ къ другу, веселье и радость не оставляли ихъ круга. Казалось, самъ ангелъ слетѣлъ, чтобы утѣшить ихъ за прежнія страданія. Но это счастливое время продолжалось недолго. Человѣкъ, привыкнувшій къ рабству, не въ состояніи былъ пользоваться свободой. То была гувернантка моей младшей сестры, женщина хитрая, ласковая, которая сумѣла вовлечь старика въ свои сѣти: трудно повѣрить искренности любви съ ея стороны—ему около 70, а ей—двадцать!—И чѣмъ мягче, нѣжнѣе эти сѣти—тѣмъ онѣ сильнѣе оковали его, особенно послѣ прежняго деспотизма матери.—Начало сдѣлано, и зло идетъ теперь скорыми и твердыми шагами. Положивъ пятно на свое семейство этой связью, онъ поневолѣ долженъ былъ удаляться отъ него. Къ тому же случились въ хозяйствѣ разныя несчастья, упущенія съ его стороны. Наконецъ, слабость здоровья и характера много способствовали разстройству дѣлъ. А тутъ надо заплатить дань новой страсти—и положеніе стало самое жалкое, непріятное.

Могутъ возразить мнѣ, что я здѣсь противорѣчу самъ себѣ, отвергая свободное соединеніе любящихъ. Нѣтъ, тутъ дѣло другое. Человѣкъ, у котораго есть семейство, долженъ забыть себя, свои потребности, прихоти и жить только для дѣтей. Ежели онъ устроилъ совершенно ихъ участь, ежели въ этомъ дѣлѣ совѣсть не говоритъ противъ него,—тогда дѣлай, что хочешь, тогда онъ свободенъ. Иначе онъ—должникъ, вѣчный и неоплатный. Не дай Богъ быть на его мѣстѣ! Поступки его скрыты, нерѣшительны; онъ видитъ, что ему не въ силахъ справиться и, въ то же время, боится довѣриться кому-нибудь изъ насъ—изъ ложнаго стыда, изъ опасенія, чтобы не прогнали ее.

Старшій братъ нашъ, отданный въ инженеры, оттуда попалъ въ юнкора, на Кавказъ, гдѣ натерпѣлся, какъ видно, разныхъ невзгодъ, былъ шесть лѣтъ юнкеромъ, участвовалъ въ сраженіяхъ, былъ въ Венгерской кампаніи. Недавно мы сидѣли за чаемъ. Вдругъ вбѣгаетъ какой-то неизвѣстный офицеръ, цѣлуется съ отцомъ и называется нашимъ братомъ. Никто изъ насъ не хотѣлъ вѣрить. Послѣ 12-и лѣтъ онъ перемѣнился. Мы считали его высокимъ, стройнымъ, а онъ оказался маленькимъ и неуклюжимъ. Однимъ словомъ, первое впечатлѣніе было не въ его пользу. Еще прежде, по письмамъ, мы видѣли въ немъ странности: какое-то отчаяніе въ жизни. Мы имѣли дурное понятіе объ его жизни, а потому, думая его оставить помощникомъ дома, намъ любопытно было посмотрѣть, что это за человѣкъ. Вдобавокъ, онъ уже подалъ въ отставку и волей-

неволей останется дома противъ желанія отца... Завтра мы ѣдемъ въ Калугу, на балъ къ губернатору, и онъ не шутя ищетъ себѣ въ невѣсты богатую купчиху. Я не могу понять, какъ можно жениться по заказу. Вотъ провожденіе моего времени. Утромъ, еще темно, всѣ спятъ. Сижу за Евангеліемъ. Потомъ политика. А вечеромъ—на балъ... Какія противуположности"...

И подобныхъ, искреннихъ, частью дѣтски—наивныхъ, страницъ не мало въ дневникахъ юнаго моряка. Дневникъ это—интимный другъ его, съ которымъ онъ ведетъ откровенныя, долгія бесѣды, которому признается даже въ такихъ мелочахъ, какъ встрѣча съ продажной красавицей въ захудалой Калугѣ... вызвавшая въ молодой душѣ разочарованіе, угрызенія совѣсти. Отъ этихъ признаній, исповѣдей вѣетъ неиспорченной, чистой, мечтательной, цѣломудренной натурою—вопреки тѣмъ страницамъ, гдѣ князь старается убѣдить себя въ томъ, что онъ падаетъ, даже погибъ уже, нравственно... И, по-прежнему, авторъ мемуаровъ имѣетъ въ виду будущаго ихъ читателя, уже вѣрнѣй сказать—читательницу...

До меня не дошли журналы кн. Ухтомскаго за 1852 годъ, а за 1853 годъ сохранилась въ его архивѣ лишь одна тетрадь. Изъ нее, однако, видно, что жизнь дѣлала—тоже свое дѣло, понемногу обращая барича-философа въ служаку, какъ-бы подготовляя его къ испытаніямъ, которыя ждали его вскорѣ при Севастопольской оборонѣ. Вдали раздавался уже громъ надвигающейся военной грозы, вспыхивали молніи орудійныхъ выстрѣловъ.... Начавшаяся Крымская кампанія заставляетъ молодого моряка чаще и чаще забывать личныя, минутныя увлеченія, оставлять близкихъ, друзей, любимую книгу—во имя болѣе высшихъ интересовъ—интересовъ Родины, флота, русскаго народа... Но и тутъ, со страницъ дневниковъ почившаго, постоянно выглядываетъ на читателя прежній мечтатель, поэтъ, вздыхающій объ уютномъ уголкѣ, о женской ласкѣ, объ интимной, дружеской бесѣдѣ съ интересной книгою, чуждый кровожадныхъ инстинктовъ войны, мягкій, гуманный и нравственно опрятный... А, между тѣмъ, начавшееся въ Черномъ морѣ крейсерство грубо напоминаетъ князю о прозѣ жизни, о звѣрскихъ инстинктахъ, о безпощадныхъ условіяхъ военнаго времени... И онъ старается забыться...

Приведемъ нѣкоторые отрывки дневниковъ князя за этотъ, 1853, годъ.

„Дѣйствительно, Черное море шумитъ и, къ нашему общему неудовольствію, шумитъ очень сильно. Три ночи сряду—гроза и проливной дождь. Огромный прибой разбивается о берегъ и разсы-

пается фонтанами водяной пыли, отчего на рейдѣ—страшный шумъ. Скучно. Даже окрестные виды, при дурной погодѣ, потеряли свою прелесть и нахмурились".

„Легкая полоса сѣверо-восточнаго вѣтра едва подвигаетъ насъ впередъ; море—спокойно; небо стало заволакиваться тучами; вершины прибрежныхъ горъ и ущелья покрылись туманомъ. Все тихо на небѣ и на землѣ, какъ въ сердцѣ ребенка во время утренней молитвы. Ни на землѣ, ни въ воздухѣ не видно живого существа: кажется, природа задремала. Такое состояніе располагаетъ къ мечтательности. Я склонился на бортъ и слѣдилъ за стадами морскихъ рыбъ, которыя, обгоняя нашъ бригъ, казалось, смѣялись надъ его неповоротливостью. А, между тѣмъ, услужливая фантазія переноситъ меня подъ мирный кровъ родного дома—и мнѣ тепло, хорошо, безопасно у домашняго очага. Но вотъ картина перемѣняется: небо покрыто черными тучами; молнія блещетъ; вѣтеръ рветъ воду и валъ набѣгаетъ на нашъ фрегатъ, грозя разбить его въ дребезги. Но онъ промчался. Промчались и многіе опасные валы. А нашъ фрегатъ—цѣлъ и невредимъ. Опять перемѣняется декорація. Небо чисто и ясно; солнце жжетъ своими лучами. Я на берегу. Я могу спрятаться отъ зноя въ кипарисовой рощѣ—и оттуда любоваться на зеркальную поверхность моря... Я вижу себя въ Италіи, въ странѣ, которая всегда составляла предѣлъ моихъ мечтаній. И много, много подобныхъ грезъ пронеслось въ моемъ воображеніи, не оставивъ ни малѣйшаго слѣда, какъ...

„Легкій паръ вечернихъ облаковъ:
Едва блеснутъ—ихъ вѣтеръ вновь уноситъ.
Зачѣмъ они? Откуда? Кто ихъ спроситъ?"...

Но я не намѣренъ сообщать вамъ моихъ сновидѣній, такъ какъ они были, по большей части, романтическаго свойства... Романтизмъ—на морѣ, на высотѣ Новороссійска, не можетъ имѣть мѣста"...

„Между тѣмъ, какъ я писалъ эти строки, горизонтъ покрылся сплошной массою сѣрыхъ тучъ, вѣтеръ, сначала ровный, сталъ замѣтно свѣжѣть; не болѣе, какъ въ полчаса развело зыбь; мракъ увеличивался съ каждой минутой. Усиливающіеся порывы вѣтра переходятъ въ штормъ. Зеленыя, пѣнистыя волны поднимаются выше борта нашего бѣднаго брига, который, скрипя и покачиваясь съ боку на бокъ, то ныряетъ и, кажется, хочетъ измѣрить глубину морскую, то поднимается гордо на самый хребетъ вала. Мы убавили парусовъ и, скрывшись въ Пицунду, бросили якорь на 17½ саженъ глубины... Пицунда! Пицунда! Я люблю этотъ маленькій мысъ, покрытый соснами: онъ такъ напоминаетъ мнѣ мою родную

страну! Теперь, впрочемъ, не до воспоминаній: вѣтеръ шумитъ, дождь льетъ ливнемъ,—море бурлитъ и укачиваетъ насъ, какъ разсерженная, нетерпѣливая мать, качающая своего капризнаго ребенка... На землю спустилась темная, мрачная ночь"...

Наканунѣ Троицы. (Крейсерство).

„Какъ ни говорите, а въ войнѣ и ея ожиданіи есть своего рода увлекательность—когда еще молодъ, когда силы еще свѣжи, и особенно при моихъ наклонностяхъ—вдаваться въ опасности и приключенія. И замѣтьте, въ какое чудное время мы живемъ, какъ обширна перспектива моряка! Тамъ—возрожденіе Сибири и ея портовъ подъ управленіемъ Муравьева. (Странно, къ нѣкоторымъ людямъ, не зная ихъ, чувствуешь довѣренность. Къ такимъ именамъ принадлежатъ: Муравьевъ, Воронцовъ, Долгорукій, Раевскій, Перовскій и еще немногіе). Дальше, на Аральскомъ морѣ,—описи, судоходство и въ виду—Индія. На Волгѣ и на другихъ рѣкахъ пароходство усиливается съ каждымъ годомъ. Тутъ нашъ фрегатъ въ крейсерствѣ у береговъ Турціи, отъ которой мы, кажется, не мало требуемъ. Между славянскими племенами мы увеличиваемъ свое вліяніе и заранѣе пріучаемъ ихъ къ своему владычеству. И какъ явно наше стремленіе къ осуществленію всемірной славянской имперіи!.. Чувствуешь особенную гордость, участвуя въ этихъ великихъ событіяхъ и своими трудами хоть сколько-нибудь содѣйствуя великой цѣли. Но пора бы сказать что-нибудь о нашемъ крейсерствѣ, о нашей жизни на морѣ, о командѣ и въ особенности о командирѣ.

„Теперь мы въ крейсерствѣ и караулимъ появленіе непріятеля. Время идетъ очень однообразно. Извѣстій — никакихъ. Объявлена ли война? Конченъ ли разрывъ? Никого не встрѣчаемъ, кромѣ иностранныхъ купцовъ, идущихъ за хлѣбомъ въ Одессу или Таганрогъ. Каждый день—ученье, играетъ наша музыка; вечеромъ юнкера иногда танцуютъ, изъ матросовъ наряжаются въ какіе-нибудь уродливые костюмы. Но мнѣ и всѣмъ уже это надоѣло. Въ самомъ дѣлѣ, въ продолженіе 50 дней ничего не видѣть, кромѣ воды и неба. Ходишь безъ цѣли: наскучитъ. И ежели бы не нашъ капитанъ, то жизнь была бы невыносима, хуже тюрьмы. Да, надобно сказать правду, что такого опытнаго и дѣльнаго командира и въ то же время такого прекраснаго человѣка, не скоро найдешь, какъ нашъ Николай Максимовичъ Гувеніусъ. Онъ достоинъ уваженія уже потому, что смотритъ на матросовъ, какъ на людей, съ которыми можно сдѣлать много хорошаго безъ палки. Вслѣдствіе этого

наша команда уже перемѣнилась во многомъ; люди сдѣлались веселѣе, развязнѣе противъ прежняго. По отношенію къ офицерамъ, надо сказать, самый взыскательный изъ насъ не нашелъ бы причинъ жаловаться на Николая Максимовича: столько деликатности въ его обращеніи, такое умѣнье держать себя, что, право, я его уважаю и люблю.

Только подъ его командою я испыталъ удовольствіе—стоять вахту (которая для меня до сихъ поръ была наказаніемъ), потому, что въ немъ столько еще жизни, что онъ безпрестанно дѣлаетъ разныя полезныя примѣненія: всегда чему-нибудь научишься. Это очень рѣдко между капитанами. Впрочемъ, на бригѣ имъ кажется, были недовольны. Конечно, нельзя хвалить человѣка, съ которымъ служилъ только три мѣсяца; но ежели онъ и носитъ маску, то все-таки человѣкъ удивительный, потому что до сихъ поръ очень мало измѣнилъ своей роли".

12 іюня.

„Съ нѣкотораго времени я замѣчаю въ себѣ значительную перемѣну: чувства, которыя такъ долго мучили, волновали меня, исторія которыхъ наполняетъ 17-ю тетрадь моего журнала, начинаютъ улегаться, или, вѣрнѣе, разсудокъ подавилъ ихъ. Чѣмъ же я успокоилъ ихъ? Занятіями, службою. Мнѣ даже кажется, что чувства мои волновались единственно отъ праздности. Уже давно я думалъ о своемъ переводѣ изъ флота, гдѣ служба мнѣ не нравится (такой, какою она есть) и къ которой я не нахожу въ себѣ способностей. Но куда же? Въ отставку. Деревенская жизнь, праздная и съ моей наклонностью къ лѣни убьетъ меня въ короткое время... Конечно, во флотѣ я не изъ лучшихъ офицеровъ"...

10 іюля.

„Вчера мы смѣнились съ крейсерства и легли на Севастополь. Попутный вѣтеръ. Всевозможные паруса. Все ожило; лица улыбаются. Уже не будетъ вокругъ только одна вода. Берегъ. Письма. Разнообразіе. Чудо что такое!!..

Послѣ обѣда я легъ спать; но сонъ, противъ обыкновенія, бѣжалъ отъ глазъ. Меня мучила мысль — описать наше плаваніе, дать понятіе о нашей морской жизни, гдѣ люди совершенно отдѣлены отъ остального міра. И мнѣ стало досадно на себя, зачѣмъ я не велъ ежедневнаго журнала, чтобы послѣдовательно изобразить ученія, занятія офицеровъ вечеромъ, взгляды ихъ на команду, ихъ способности, увеселенія, маскарадъ; музыка; приходъ парохода; встрѣча съ другимъ крейсеромъ; новости; предположенія; красота морскихъ видовъ; мысли, которыя родятся при этомъ; тихая поэзія,

мечты и проч.; ожиданіе писемъ изъ Россіи; воспоминанія о родинѣ; политическія извѣстія, мнѣнія. Мнѣ стало досадно, что я не обладаю способностями художника, чтобы вѣрно и легко схватить эти черты и передать ихъ на бумагу. Если бы послать статью въ какой-нибудь журналъ, я думаю, что многіе прочли бы ее съ интересомъ, особенно, когда флотъ дѣлается извѣстенъ, а у насъ, въ Россіи, имѣютъ о немъ почти отрицательное понятіе. Къ тому же чѣмъ мое письмо будетъ хуже „письма съ острова Мадеры“, гдѣ описаніе берега слишкомъ безцвѣтно и незанимательно, а самое описаніе морской жизни во многихъ мѣстахъ даже жалко!“...

9 октября.

„Сегодня, въ 8 час. утра, при ровномъ и попутномъ вѣтрѣ, мы снялись[1]) и до 6 ч. вечера—увы!—не дошли даже до Новороссійска. Около него по берегу горы идутъ волнообразными холмами; на нихъ видны обработанныя поля горцевъ, ихъ сакли, окруженныя садами, и стада. Мы были противъ ущелья Дюрзгое.

— „Вотъ здѣсь—сказалъ нашъ шкиперъ—живетъ какой-то князь и сюда, года два тому назадъ, зашелъ нашъ донской казакъ, сочтя это мѣсто за Геленджикъ. Лодка его была небольшая, съ грузомъ 400 четв. овса. Къ несчастію, наши купцы такъ мало знаютъ берегъ, что хозяинъ совершенно спокойно съѣхалъ. Но его заблужденіе продолжалось недолго: горцы схватили его, судно взяли, вытащили на берегъ, овесъ выгрузили; людей взяли въ плѣнъ, а лодку сожгли. „Это намъ Богъ послалъ подарокъ“, говорили они.

— И они не заступились?—спросилъ я.

— „Да гдѣ же!—отвѣтилъ онъ—ихъ было всего четверо человѣкъ, вооруженія никакого. Извѣстно, что они и на Кавказѣ, около непріятельскаго берега, также безпечны, какъ около Дона“.—„Изъ нихъ спасся—продолжалъ онъ—одинъ только жидъ. Когда горцы стали дѣлить желѣзо, то онъ развѣшивалъ имъ поровну на контарѣ. Они за это не только отпустили его на волю, но даже проводили до Анапы; а остальныхъ выкинули послѣ“.

— „Другой, тоже нашъ донецъ, шелъ изъ Сухума въ Керчь. У него было 27 человѣкъ плотниковъ. Вѣтеръ былъ противный и, желая спуститься въ Геленджикъ, онъ попалъ въ фальшивый Геленджикъ. Ну, сильный прибой, открытое мѣсто: его выкинуло на берегъ. А тутъ ужъ горцы не зѣваютъ: всѣхъ забрали. Потомъ уже нѣкоторыхъ выкупили“.

— „Что же они тамъ дѣлали?“

---

[1]) На купеческомъ суднѣ „Св. Николай“.

— „Да что дѣлали! Дрова рубили, воду носили. Куда-нибудь пошлютъ на работу и дадутъ въ провожатые мальчишекъ, чтобы кто не убѣжалъ".

— „И много пропало ихъ—прибавилъ онъ, махнувъ рукою—о, да лѣтъ 20 тому назадъ эти разбойники далеко заходили въ море, на вооруженныхъ галерахъ, человѣкъ по 60-ти или 70-ти, и нападали на наши суда, такъ что за доставленіе провіанта въ редуты брали по 12 р. съ четверти, а въ Николаевъ—по 15 р. Покойный графъ Ланжеронъ и предложилъ Государю купить 16 купеческихъ судовъ, посадить на нихъ матросовъ, и такимъ образомъ доставляли уже провіантъ изъ Керчи. И то, на первыхъ порахъ, горцы захватили три изъ нихъ: одно около Новороссійска, другое въ Варданѣ, а третье пропало неизвѣстно гдѣ".

Идя въ море, я сдѣлалъ большую ошибку, что не запасся провизіей, и потомъ раскаявался, что понадѣялся на шкипера, а онъ, какъ оказалось, былъ человѣкъ неприхотливый. Со мной былъ самоваръ, чашка; сахаръ и чай были у него, но чайника не было, и мы принуждены были пить чай, кладя его прямо въ самоваръ! просто—хохотъ! Нашъ обѣдъ въ первые четыре дня состоялъ изъ щей и каши. Какъ то, такъ и другое было самаго негастрономическаго приготовленія и даже недоваренное. Со мною было нѣсколько бутылокъ вина, и тѣ, по неосторожности, разбили. Остались всего двѣ бутылки, которыя я берегъ, какъ рѣдкость. Обыкновенно около полдня, на широкой и низенькой скамьѣ, накрывали вмѣсто скатерти кусокъ грязной парусины; мы садились втроемъ за столъ и начинали свою скромную трапезу. По средамъ и пятницамъ щи варились съ постнымъ масломъ, а каша—съ саломъ. Сначала я не могъ привыкнуть къ этой грязной обстановкѣ, но потомъ морской воздухъ и аппетитъ выздоравливающаго взяли свое. Завтракъ состоялъ изъ вяленой тарани, жесткой и крѣпкой, какъ подошва.

Во время перехода много разсказывалъ нашъ старикъ (шкиперъ), говорилъ о томъ, какъ населился Новороссійскій край бѣглыми изъ Россіи; особенно много бѣжало въ двѣнадцатомъ году къ Дунаю. Всѣ камыши были полны ими. Отъ одного помѣщика бѣжало шесть тысячъ крѣпостныхъ и въ числѣ ихъ двѣ горничныя, которыя унесли съ собою 7 тысячъ червонцевъ и много дорогихъ вещей. Онѣ явились въ Измаилѣ. Помѣщикъ обратился къ военному генералъ-губернатору и, получивъ отъ него открытый листъ, отправилъ 6 человѣкъ надежныхъ, для арестованія ихъ. Люди его, послѣ долгаго розыска, нашли этихъ дѣвокъ въ Измаилѣ и посадили ихъ въ полицію. Тѣ отдавали всѣ деньги, чтобы отпустили ихъ; но посланные отказались и, взявъ ихъ съ собою, отправились. Секре-

тарь же подослалъ людей, которые за городомъ напали на нихъ, переломали имъ руки и ноги, а женщинъ освободили. На другой день несчастныхъ мужиковъ нашли на дорогѣ, привезли въ госпиталь. „Теперь будете знать, какъ брать у меня людей!“ сказалъ секретарь, увидѣвъ ихъ“.

Вечеръ, 13 октября.

„Увы! мы напрасно думали, что довольно будетъ нѣсколькихъ часовъ для окончанія нашего плаванья. Теперь мы еще дальше отъ редута, чѣмъ были. Стремительная боковая качка, противный вѣтеръ и сильное теченіе не дали намъ покоя ни днемъ, ни ночью. Удары въ корму, недостатокъ воды принудили насъ спуститься въ какое-нибудь укрѣпленіе. Отъ Пицунды насъ отнесло еще дальше, и мы, пройдя Гагры, бросили якорь въ Адлерѣ. Съ утра, какъ нарочно, сдѣлался штиль—и мы едва-едва дошли до якорнаго мѣста ко второму часу. Досадно, что стихъ тотъ вѣтеръ, отъ котораго мы уходили.

Наконецъ, часа въ три, мы съѣхали на берегъ и, разговорясь съ воинскимъ начальникомъ, я узналъ, что военныя дѣйствія уже начались, и что турки, измѣннически, до объявленія войны, напали на нашъ постъ [1]) и вырѣзали казаковъ.

— „А у васъ покойно?“

— „Не совсѣмъ. Вчера была перестрѣлка и сегодня цѣлое утро“.— „Вы не туда пристали“ продолжалъ онъ: „и ежели бы это было утромъ, вы бы какъ разъ попали въ средину непріятеля, и мы не въ состояніи были бы спасти васъ, потому что горцевъ было человѣкъ 150, и всѣ конные“.

Погулявъ въ крѣпости и около огорода, я зашелъ въ лавку имеретина, купилъ фруктовъ и спрашивалъ цѣну оружія. Но за пару обыкновенныхъ пистолетовъ и шашку просили 50 цѣлковыхъ. По правую сторону крѣпости живутъ мирные джигиты. Они, окруживъ меня, съ любопытствомъ осматривали мое двухличное пальто, удивляясь этому изобрѣтенію, его цѣнѣ, разспрашивали о войнѣ съ турками.

— „А вы боитесь войны?“ спросилъ я.

— „Съ убитыми—нѣтъ, а съ турками боимся“.

— „А мы-то на что?“ возразилъ я: „Будьте спокойны!.. Нашъ флотъ защититъ васъ“.

И они, сознавая справедливость моихъ словъ, съ гордостью смотрѣли на одного изъ своихъ защитниковъ.

Пока наши люди наливали воду, я сѣлъ около двухъ сол-

[1]) Приморскій постъ св. Николая, въ Грузіи, близъ турецкихъ границъ.

датъ, рубившихъ дрова. Лица ихъ были блѣдны и зелены. Я разспрашивалъ ихъ, куда они возятъ лѣсъ, весело ли имъ здѣсь, бываютъ ли стычки, много ли у нихъ больныхъ?

— „Мы лѣсъ рубимъ у мирнаго князя Гичъ; онъ намъ преданъ душою. И умный какой! Ежели бы не онъ, то негдѣ было бы и дровъ взять. Пришлось бы драться за каждое полѣно. Теперь хуже. Вотъ при З.[1]) было лучше. Онъ изъ ихнихъ. Умѣлъ ладить. А теперь что ни день, то стычка. Нельзя безъ оружія выйти за крѣпость. Больныхъ у насъ лихорадкой много, а въ іюлѣ и августѣ были смертные случаи. Ужъ тутъ такое мѣсто: чуть оцарапаешь палецъ, сейчасъ прикинется гнить, ничѣмъ не залѣчишь. Бываетъ и цинга. У насъ весною умерло 50 чел. Да и въ другое время умираетъ довольно“.

Это ужасно! Изъ 250 человѣкъ каждый годъ здѣсь умираетъ 1/4 жителей. И никто не кричитъ объ этомъ, между тѣмъ какъ въ Россіи 2, 3 человѣка больныхъ холерою, и всѣ газеты уже говорятъ объ этомъ.

Во время нашего разговора въ воротахъ крѣпости показалась толпа горцевъ. Впереди шелъ князь Гичъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, небольшого роста, худой, смуглый. Походка его была медленна, важная, глаза опущены внизъ. Остальные горцы, составляя свиту князя, шли сзади, подражая ему въ манерахъ.

— „Что это они? Вѣрно пришли просить о чемъ-нибудь?“

— „Нѣтъ! Должно быть посовѣтоваться съ комендантомъ. Его (Гича) братъ въ прошломъ году былъ убитъ въ дѣлѣ противъ убыховъ, и онъ остался единственнымъ владѣтелемъ огромнаго племени джигитовъ“.—„Это самая древняя и знатная фамилія“, прибавилъ здѣшній священникъ.

Черезъ полчаса послѣ этого я уже былъ на суднѣ и въ раздумьи смотрѣлъ на Адлеръ. Крѣпость — красива, каменная, съ четырьмя башнями; окружена тополями. Окрестности прекрасны, богаты растительностью, источниками. И все это можетъ исчезнуть въ одинъ день при нападеніи горцевъ: камня на камнѣ не останется отъ этихъ красивыхъ зданій и роскошныхъ тополей. И мнѣ стало грустно...

Однако, досадно, если война уже объявлена, а я не участвую... Дорого бы я далъ, чтобы быть теперь на фрегатѣ Коварна. Можетъ быть я еще поспѣю во-время. То-то будетъ славно!..“

---

[1]) Слово неразобрано.

22 октября.

„Боже мой! Боже мой! Подумаешь, какимъ разнообразіямъ не подвергается человѣкъ! Чего не случается съ нимъ! А ежели онъ—военный, да еще морякъ, то невольно удивишься.

Напримѣръ, я вчера и третьяго дня гулялъ въ абхазскомъ лѣсу, за Кадоромъ, гдѣ рвалъ виноградъ и грецкіе орѣхи; сегодня въ Сухумѣ пишу рапорты и къ армейскому вѣдомству, нахожу участіе и гостепріимство у людей, мнѣ незнакомыхъ, съ гнуснаго купеческаго судна переѣзжаю на военную шкуну—обѣдать, гдѣ встрѣчаю людей, родныхъ по службѣ и воспитанію. На дняхъ чуть не попался въ плѣнъ къ туркамъ и былъ сегодня зрителемъ горестнаго и бѣдственнаго возвращенія парохода „Колхида“! Гдѣ взять словъ, чтобы выразить мою горесть при этомъ видѣ!.. Гдѣ найти красокъ, для изображенія несчастной и печальной картины постыднаго дѣла подъ Никольскимъ! Куда отвратить глаза отъ посрамленнаго флотскаго мундира! Чѣмъ закрыть уши, чтобы не слыхать справедливыхъ укоровъ постороннихъ людей!..

И такъ, слушай и плачь: третьяго дня пароходъ „Колхида“ съ десантомъ въ 250 человѣкъ солдатъ вышелъ изъ Сухума, чтобы осмотрѣть и, ежели можно, взять обратно нашъ пограничный постъ св. Николая. Вечеромъ того же дня, запеленговавъ редуты, они подошли ночью къ непріятелю. На ихъ опросъ, имъ отвѣчали ядрами. Боясь ошибиться, на пароходѣ проиграли три сигнала, на которые съ берега—на первый отвѣчали какъ слѣдуетъ, второй проиграли хуже, въ третьемъ горнистъ сбился совсѣмъ, что было живымъ доказательствомъ, что здѣсь—непріятель. Желая еще болѣе удостовѣриться, посланъ былъ казачій баркасъ, чтобы переговорить съ ними или услыхать перекличку часовыхъ. Но онъ былъ прогнанъ картечью. Оставя дальнѣйшія дѣйствія, провели ночь въ морѣ и къ утру опять поворотили къ берегу. Въ разстояніи одной мили видѣли лагерь и красныя фески турецкихъ войскъ, но командиръ пошелъ еще ближе, желая разсмотрѣть знамена, и въ 30 саженяхъ, во время поворота.

Пароходъ сталъ на мель. Дали задній ходъ: стоитъ на мѣстѣ. Еще флагъ не былъ поднятъ, и турки нѣсколько минутъ не открывали огня. Мы какъ разъ попали затѣмъ подъ непріятельскій огонь двухъ батарей. Кормовое бомбическое орудіе не могло дѣйствовать, а главное было снято по случаю перевозки войскъ изъ Севастополя. Выждавъ немного, непріятель далъ залпъ изъ 12 орудій, который положилъ много убитыхъ и раненыхъ. На пароходѣ всѣ легли на палубу, чтобы скрыться отъ мѣткаго ружейнаго огня, которымъ осыпали всякаго, кто показывался выше борта. Въ это время мы

только что открыли крюйтъ-камеру и зарядили орудіе; наши штуцерные расположились на бакѣ и ютѣ, чтобы отвѣчать непріятелю. Въ это время на пароходѣ былъ безпорядокъ ужасный, въ особенности между солдатами и армейскими офицерами, которые, при этомъ случаѣ, отрекомендовали себя дурно. Во все это время лейтенантъ Степановъ распоряжался вездѣ, и молодцемъ. Для облегченія парохода пришлось бросить якоря, выбросить уголь, завозить верпъ [1])—и все это подъ безпрерывнымъ огнемъ. Капитанъ ходилъ по площадкѣ, ища смерти, и, тяжело раненый, былъ унесенъ назадъ. Къ ихъ несчастію они забыли свой верпъ въ Сухумѣ. Срубили фокъ-мачту—и пароходъ немедленно тронулся въ часу двѣнадцатомъ. Уже на берегу были спущены двѣ лодки съ десантомъ, чтобы завладѣть пароходомъ; но наши удачные выстрѣлы разбили ихъ. Въ это время лейтенантъ Степановъ былъ сильно контуженъ. Ему мы обязаны спасеніемъ парохода и тѣмъ, что нѣсколько поправили дѣла, разбивъ приготовленный десантъ непріятеля, и другими, значительными для него, уронами. Наша потеря простиралась до 50 человѣкъ убитыми и ранеными. Удивляешься, какъ еще остались живы другіе! Меня радуетъ, что наши матросы дѣйствовали прекрасно, и офицеры тоже. Рѣшено было, въ случаѣ крайности, взорваться. Въ это время, около Николаева должна была крейсировать эскадра Синицина (состоящая изъ двухъ фрегатовъ и двухъ пароходовъ). И—о позоръ!—ея не было. Наши суда были такъ далеко, что даже не слыхали выстрѣловъ. Говорятъ, что они были тогда около Пицунды. Нашего адмирала обвиняютъ въ нерѣшительности и трусости. Такъ погибаютъ наши силы, наша честь, такъ начались дѣйствія нашего флота, на который еще далеко не обращено должнаго вниманія! Долго ли мы будемъ осуждать въ этомъ наше правительство? Или мы сами виноваты въ этомъ упадкѣ? Или все то, что не вылилось изъ жизни народа и только привито другими, такъ твердо пускаетъ корни? Пускай другіе рѣшаютъ эти вопросы, а намъ остается повѣсить голову и сожалѣть о томъ, что нами управляютъ такіе люди...

Послѣ этого извѣстія грусть все время страшно давила и мучила меня. Мнѣ было такъ больно и стыдно, какъ будто-бы я самъ это сдѣлалъ. Въ это же время, спрашивалъ я себя, сдѣлалъ ли бы я лучше, будучи на его мѣстѣ? Къ несчастью, не могу дать положительнаго отвѣта — такъ мало моихъ знаній и такъ велика моя нерѣшительность... Можетъ быть, я надѣлалъ бы другихъ глупостей.

---

[1]) Верпъ—маленькій якорь.

Теперь остается одно утѣшенье, какъ древнимъ римлянамъ: это—смерть, потому что жизнь при такой обстановкѣ невыносима.

P. S. Пароходъ потерпѣлъ значительныя поврежденія: признаютъ приблизительно до 120 или 200 пробоинъ. Три раза тушили пожаръ. Къ счастію, что машина осталась цѣла, что пароходъ былъ деревянный, и что непріятельскія ядра были малаго калибра (12 фунт.), а, главное, что тамъ (на нашемъ пароходѣ) былъ Степановъ, молодецъ, право, молодецъ и безспорно герой этого дня. Я его видѣлъ съ подвязаннымъ лицомъ, израненаго, утомленнаго. Все-таки мнѣ пріятно было посмотрѣть на него. Это первый видѣнный мною человѣкъ, осѣненный славою".

1854 г., 26 января.

„Но судьба какъ будто готовила мнѣ утѣшеніе, за мои прежнія страданія. Возвратясь въ Севастополь (15-го декабря), мнѣ пришлось видѣть еще другого героя этой войны, лицо, конечно, болѣе замѣтное, какъ по прежнимъ заслугамъ, такъ и по положенію въ свѣтѣ, человѣка, котораго я всегда уважалъ, чувствуя къ нему особое расположеніе. Это былъ П. С. Нахимовъ. Едва мы вошли въ Севастопольскую бухту, какъ вѣсть объ истребленіи турецкаго флота на Синопскомъ рейдѣ [1]) немедленно дошла до насъ".

Апрѣля 27.

„Все это время нашъ флотъ стоитъ на рейдѣ. Война съ Англіей и Франціей объявлена [2]). Соединенные флоты, послѣ неудачныхъ опытовъ въ Одессѣ, около мѣсяца крейсируютъ передъ Севастополемъ. Я думаю, что они навѣрное не войдутъ; но трудно угадать, на что они рѣшатся. Наша армія въ мартѣ перешла Дунай, но далеко ли подвинулась—не знаю. Говорятъ, что Австрія, Пруссія и Швеція тоже объявили намъ войну. Если это — правда, то намъ будетъ тяжело".

Нельзя не согласиться, что мы живемъ въ интересное время. Жаль, что мы не можемъ имѣть вѣрныхъ свѣдѣній; было бы любопытно. Въ это время, по большей части, я скучалъ; но были и пріятные дни, напримѣръ, наши встрѣчи съ К. Да больше, кажется, не было. Я удивляюсь своей слабости. Въ это время я проигралъ довольно денегъ, и все еще не могу бросить картъ. Всѣ мои предположенія на счетъ будущаго едва-ли когда-нибудь сбудутся, и что со мною будетъ—я самъ не знаю. Мѣсяцъ тому назадъ, я бросился на брандеръ, ища хотя временной свободы, а потомъ—смерти.

---

[1]) 18 ноября 1853 г.

[2]) 15 марта 1854 г.

Очень многіе удивлялись моему намѣренію. Одни говорили, что я хочу отличій. Другіе удивлялись, спрашивали,—что за цѣль?!—Конечно, я не сказалъ настоящей причины. Да и не къ чему!.. А время идетъ да идетъ. Неужели для меня не будетъ той жизни, какой я хочу?!. Неужели мы такъ слабы, что не въ силахъ добиться того, о чемъ думаемъ всю жизнь"?!.

19 мая.

„Я люблю Севастополь вечеромъ, въ лѣтнее время, когда графская пристань, на берегу моря, полна гуляющими. Военные пѣсельники, хорошая музыка развлекаютъ общество. Иногда видишь хорошенькія лица. Здѣсь всѣ знаютъ другъ друга—ежели незнакомы, то въ лицо. Тутъ можно встрѣтить всѣхъ, кого хочешь; всевозможныя новости мгновенно узнаются, начиная съ политики, службы до семейныхъ включительно. Потомъ компаніями идутъ въ клубный садъ—ужинать. Столы—на открытомъ воздухѣ; зажженныя свѣчи; шумъ приборовъ; общій говоръ; смѣхъ; запахъ цвѣтовъ и свѣжесть зелени. Все это—очень пріятно. И, ежели я, со временемъ, оставлю Севастополь, то буду жалѣть только это и здѣшнюю библіотеку [1]). Это — недавно возрождающееся зданіе, снаружи украшенное прекрасными статуями, сфинксами и садомъ. Внутри—отдѣлка безукоризненна. Книгъ будетъ до 40 тыс. экземпляровъ; литературныхъ рѣдкостей—мало, выборъ выписываемыхъ книгъ несовсѣмъ удаченъ (больше всего здѣсь романы). Зато всевозможные газеты и журналы—на всѣхъ языкахъ—составляютъ истинное удовольствіе. Сколько часовъ я провелъ здѣсь, слѣдя за какой-нибудь прочитанной идеей! Сколько спокойныхъ минутъ, сидя въ удобныхъ креслахъ, задумавшись о многомъ—среди общей тишины газетной комнаты! Да, о библіотекѣ я тоже буду жалѣть, оставляя Севастополь! Жаль, что она становится мала для всѣхъ вещей, которыя помѣщены въ ней. И со временемъ она превратится въ разнообразный музеумъ, который потребуетъ новаго зданія. Тутъ все есть: модели кораблей, пароходныхъ машинъ, картины морскихъ битвъ, турецкое оружіе, взятое въ Синопѣ, модели рангоута, коллекція окаменѣлостей, собранія древнихъ медалей, металловъ, минераловъ (крымскаго мрамора 10 сортовъ), обдѣлка лѣсовъ, употребляемыхъ для кораблестроенія. Все очень любопытно и занимательно для многихъ посѣтителей. Библіотека построена на возвышенной точкѣ города, откуда далеко видно кругомъ: внизу, на горахъ, разбросанъ городъ, прорѣзанный южной бухтой, гдѣ стоятъ разрушенныя суда; лѣвый—рейдъ, на которомъ стоитъ весь

[1]) Основана адмираломъ Грейгомъ.

нашъ флотъ, готовый, по первому сигналу, вступить въ дѣло. На этихъ корабляхъ не одно сердце горитъ желаніемъ—помѣряться силами съ англичанами, которые такъ долго были нашими учителями. Еще лѣвѣе—рядъ батарей, столь грозныхъ для непріятелей, и въ то же время составляющихъ укрѣпленія рейда. А тамъ, пройдя Новую Землю, языкомъ вдающуюся въ море, виденъ Херсонскій маякъ—предметъ всеобщаго вниманія судовъ, возвращающихся изъ Сухума или дальнихъ плаваній. Но теперь онъ осиротѣлъ, ночью наши моряки не видятъ его отраднаго огня; онъ какъ будто не ждетъ гостей; даже самые створные маяки надѣли трауры, какъ бы раздѣляя грусть своего товарища.

А намъ развѣ не обидно быть запертыми, когда самые маяки скучаютъ! Развѣ насъ не трогаетъ за живое видъ тридцати судовъ подъ аглицкимъ, турецкимъ, французскимъ флагомъ, дерзко крейсирующихъ въ виду рейда и нарушающихъ наше плаваніе въ шумную Одессу, гдѣ мы тратимъ столько денегъ на безчисленные предметы роскоши и на итальянскую оперу! Кто-то оживляетъ теперь ея пристани? Вѣрно Захаръ Юрьичъ скучаетъ безъ насъ. Уже не приходятъ изъ Николаева транспорты, везя лѣсъ, смолу, такелажъ парусину; уже не видать въ домахъ маринованной рыбы, рѣчныхъ раковъ и другихъ домашнихъ продуктовъ, составляющихъ предметъ вѣчныхъ хлопотъ маменекъ и тетенекъ. Николаевъ, родной городъ Севастополя, разлученъ съ нами! Уже не видать по пятницамъ пакеботнаго парохода на рейдѣ, около котораго толпятся ялики съ пассажирами и товарами. Прекрасные букеты цвѣтовъ, привозимыхъ изъ Ялты, уже не украшаютъ нашихъ оконъ. Бывало, какъ пріятно было видѣть нашу дивизію на Ялтинскомъ рейдѣ; моряки на коняхъ кавалькадами спѣшатъ, кто въ Масандру, кто въ Алупку; на рынкѣ—толпы матросовъ шумятъ около грудъ черешенъ, вишень, арбузовъ, дынь; татары кричатъ, предлагая верховыхъ лошадей, крымскій табакъ; вездѣ видны дамы, пріѣхавшія издалека подышать воздухомъ русской Италіи. Потомъ, возвратясь на корабли, сколько разсказовъ, анекдотовъ! Чудо, какъ весело!... Теперь уже не то. Мы на время прикованы къ Севастопольскому рейду цѣпями. И какъ тяжело, какъ невыносимо! Кто сыметъ эти цѣпи! Когда подымутся паруса и корабли пойдутъ въ свои милые порты, напримѣръ, въ Ѳеодосію,—этотъ цвѣтникъ хорошенькихъ женщинъ? А кто не знаетъ Ѳеодосію по картинамъ Айвазовскаго—съ древними его стѣнами! Въ настоящее время и она приняла грозный видъ. На бульварѣ вмѣсто дамъ видны орудія, готовыя встрѣтить незванныхъ гостей... А Керчь! А весь Кавказскій берегъ!... Увы, прекратилась на время наша кавказская практика и грузинское довольствіе! Прощай, Су-

хумъ со своими духанами и чихиремъ, прощай, собраніе, гдѣ мы веселились, и наши кавалькады въ Киласуры и въ Марамбу! Прощайте, береговыя укрѣпленія, гдѣ пріятно было встрѣчать постоянное радушіе и вниманіе къ нашимъ крейсерамъ!

Но ужели мы оставили безнаказано эти проклятые соединенные флоты? Неужели намъ не дадутъ съ ними помѣряться и сказать синопцамъ, что не вы одни умѣете бить непріятеля и хвастаться вашими наградами, что и мы сумѣемъ перещеголять васъ!... Неужели мнѣ придется умереть, не видавъ англійскаго флота, взятаго съ бою? Нѣтъ, это—ужасно, это невозможно! Мы не хотимъ этому вѣрить"...

20 іюня.

„На-дняхъ я былъ въ монастырѣ [1]). Мы вышли изъ Севастополя часу во второмъ, и было довольно жарко. Всѣ поля цвѣтутъ. Прекрасный ароматъ. Жаль, что я не знаю ботаники! Мы пришли къ вечернѣ. Странно, что я молюсь только здѣсь. Это—дикая природа, прибой волнъ, зелень и всеобщая тишина невольно располагаютъ къ молитвѣ. Мои просьбы, мольбы были тѣ же, что и прежде. Въ это время въ церкви были только два лица: какія-то дамы очень усердно молились. Одна изъ нихъ высокая, стройная, молодая женщина, въ траурѣ, особенно привлекла мое вниманіе. Мнѣ кажется, что я гдѣ-то видѣлъ это смуглое и выразительное лицо. Но мнѣ никто не могъ сказать, кто это такая. Потомъ мы пошли пить чай къ отцу Михаилу. Я всегда любилъ бывать у него. Сколько кротости и набожности въ этомъ человѣкѣ! Мнѣ кажется, что сердце его совершеннно чисто. Иногда, когда я оставался ночевать у него, то онъ вечернія молитвы читалъ вслухъ—и въ его голосѣ было столько убѣжденія, столько искренности, что какъ будто-бы каждое слово произносилось отъ сердца!... Я невольно становился на колѣни и также молился.

Вообще въ этотъ вечеръ я былъ въ хорошемъ расположеніи духа, если бы не испортилъ всего о. Макарій. Этотъ человѣкъ—вѣчно съ жалобами; у него постоянные процессы и непріятности съ нашимъ начальствомъ, и я, поневолѣ, долженъ былъ его слушать.

Въ тотъ же день мы воротились въ городъ".

17 іюля.

„Давно я не говорилъ откровенно съ своимъ журналомъ. Но что я скажу ему отраднаго? что я схожу съ ума отъ скуки; что я не знаю, за что взяться и на чемъ остановить свое внима-

---

[1]) Вѣроятно, въ Георгіевскомъ монастырѣ.

ніе. Боже! Куда я только не бросался, чего я только не задумывалъ! Занимался я ботаникою, химіей, физикою, философіей, итальянскимъ языкомъ, литературою, исторіею, механикой—и все это бросилъ, не кончивъ, не видя цѣли своимъ занятіямъ. Какихъ не было у меня плановъ. То думалъ я бросить службу и жить съ родителями въ деревнѣ, усталый отъ суеты, изъ которой ничего не вынесъ кромѣ утомленія. То я хотѣлъ снова жить, отправиться за границу, чтобы все видѣть, все знать. Ужасно видѣть возможность всѣмъ этимъ пользоваться и быть въ то же время прикованнымъ къ этой проклятой морской жизни, видѣть столько хорошаго и не имѣть силъ привести въ исполненіе сотой доли, не видѣть никакого утѣшенія впереди и нигдѣ, быть постоянно одному и въ разладѣ съ самимъ собой!... Все это—ужасно, невыносимо!... Боже, зачѣмъ мнѣ данъ умъ?—чтобы понимать то, чего бы желалъ никогда не знать. Зачѣмъ далъ мнѣ сердце?—чтобы чувствовать вездѣ и всегда тоску. Зачѣмъ у меня способности?—чтобы убить ихъ. Зачѣмъ я живу и почему не исполняется моя единственная надежда—смерть, объ которой я такъ часто и такъ искренно прошу?! И на мое несчастье нѣтъ ни одного сраженія, ни одного случая, гдѣ бы кончилась моя жизнь!...

Многимъ это покажется малодушіемъ; но они должны согласиться со мною, что жалѣть многаго, предпринимать многое и видѣть свое безсиліе, отсутствіе терпѣнія—это наказаніе страшное, и не дай Богъ никому этого испытать. Въ то же время я еще молодъ: мнѣ 25 лѣтъ. И нѣтъ жизни!“.

„Не разъ я слышалъ о развалинахъ генуэзской крѣпости Мангунъ въ окрестностяхъ Севастополя. Говорятъ, тамъ есть много любопытнаго, но все нѣтъ свободнаго времени“.

„Вчера я былъ на вахтѣ, на фрегатѣ Коварна: мы вооружались. Вечеромъ работы приходили къ концу. Вся эта морская галиматья и пустота мнѣ надоѣла страшно“.

Въ бумагахъ покойнаго сохранилась записочка (отъ 18 ноября 1854 г.), слѣдующаго лаконическаго, но краснорѣчиваго содержанія:

„Въ случаѣ моей смерти прошу эту тетрадь (дневниковъ) и всѣ мои бумаги передать сестрамъ.

Лейтенантъ 44-го флотскаго экипажа князь Ухтомскій“.

Сообщ. А. В. Жиркевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Страничка изъ исторіи крѣпостного права наканунѣ его отмѣны.

(Къ 50 лѣтію освобожденія крестьянъ)[1]).

Въ 1843 г. 26 января въ Указѣ Правительствующаго Сената было постановлено, что съ изданія Манифеста о производствѣ осьмой ревизіи, 16 іюня 1833 года, дворяне, не имѣвшіе собственнаго имѣнія, не могли пріобрѣтать дворовыхъ людей и крестьянъ безъ земли. Поэтому Гражданскимъ палатамъ и Уѣзднымъ судамъ было предписано не совершать „крѣпостей“ безъ означенія въ нихъ того имѣнія, куда приписываются пріобрѣтаемые люди. Было запрещено передавать крестьянъ безъ земли по наслѣдству и по дарственнымъ записямъ. Владѣніе не заселенной землей не давало этого права.

Въ виду этого Сенатъ заявляетъ, что всѣ купчія крѣпости, совершенныя послѣ манифеста объ 8-ой ревизіи, не дѣйствительны, если у дворянъ нѣтъ заселеннаго помѣстья. Эти купчія должны быть уничтожены, а „люди, въ купчихъ значущіеся“ обращены къ прежнимъ своимъ владѣльцамъ. Покупщики, не подвергаясь суду за покупку, могли взыскивать стоимость людей съ ихъ прежнихъ владѣльцевъ.

Что же дѣлать, если эти настоящіе владѣльцы не желаютъ возвращать своихъ дворовыхъ, а даютъ имъ вольныя? Казалось, что тутъ нѣтъ и не можетъ быть затрудненія! Утвердить такія отпускныя, потому что нельзя же вмѣшиваться въ личныя намѣренія владѣльца. Но такое рѣшеніе слишкомъ простое, и вотъ кавказское

---

[1]) По архивнымъ даннымъ. (Дѣла №№ 4753—4757).

областное правленіе, которому попало какъ разъ такое дѣло объ отпускѣ титулярной совѣтницей Суржковой,—дѣвки Аграѳены Савельевой, отказываетъ засвидѣтельствовать отпускную „такъ какъ купчая крѣпость на эту дѣвку, по неимѣнію Суржковою населеннаго имѣнія, на основаніи указа Правительствующаго Сената отъ 29 января 1843 года и заключенія Кизлярскаго Окружного Суда, должна быть уничтожена съ обращеніемъ Савельевой къ прежней владѣлицѣ, пріобрѣвшей ее до изданія манифеста 16 іюня 1833 г.“.

Дѣвкѣ Савельевой въ засвидѣтельствованіи отпускной было отказано.

Дѣло переходитъ въ Кавказскій Областной Совѣтъ, по слѣдующимъ мотивамъ, что, давъ дѣвкѣ А. Савельевой свободу, ея владѣлица уничтожаетъ этимъ неправильность своего владѣнія.

Кавказскій Областной Совѣтъ не можетъ рѣшить этого дѣла, потому что, соглашаясь съ законностью желанія отпустить крѣпостную на свободу, онъ находитъ, что буква закона не исполняется этимъ [1]). Онъ возбуждаетъ принципіальный вопросъ: „слѣдуетъ ли свидѣтельствовать отпускныя, выданныя владѣльцами, отъ которыхъ крѣпостные акты на людей, коимъ они желаютъ дать свободу, должны быть отобраны и уничтожены?“

При этомъ указывается, что Сенатъ не предусмотрѣлъ того, что неимѣющіе населенныхъ имѣній дворяне могли освобождать пріобрѣтенныхъ людей, вмѣсто возвращенія ихъ прежнимъ владѣльцамъ. Дѣло переходитъ къ намѣстнику Кавказа.

Въ концѣ концовъ дѣло заканчивается указомъ Его Императорскаго Величества изъ Правительствующаго Сената, въ общемъ собраніи первыхъ трехъ Департаментовъ котораго слушалось это дѣло, предложенное графомъ Панинымъ, Министромъ Юстиціи. Рѣшено было, что „невладѣющая населеннымъ имѣніемъ титулярная совѣтница Суржкова, давъ отпускную пріобрѣтенной ею по купчей послѣ манифеста о 8 ревизіи дѣвкѣ Савельевой, тѣмъ самымъ выполнила цѣль закона, состоящую въ устраненіи отъ владѣній крѣпостными людьми лицъ, неимѣющихъ населенныхъ имѣній и потому уничтожившаго такія купчіи (указъ 26 января 1848 г.), но вмѣстѣ съ тѣмъ лишила себя возможности отыскивать заплаченныя за Савельеву прежней ея владѣлицѣ деньги, а сію послѣднюю домогаться по силѣ означеннаго закона возвращенія къ ней дѣвки Савельевой, какъ получившей уже свободу“. „Не усматривая за симъ, чтобы указъ 26 января 1843 г. могъ служить препятствіемъ къ засвидѣ-

---

[1]) При этомъ цитируется 65 ст. I т. Свод. Осн. Зак. „Законы должны исполняться буквально“.

тельствованію данной Савельевой отпускной, если къ тому не встрѣтится другихъ законныхъ препятствій, такъ и о поступленіи, на семъ же основаніи во всѣхъ одинаковыхъ съ настоящимъ случаяхъ". „На ономъ мнѣніи, говорится далѣе въ указѣ, написано: Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить". 4 декабря 1846 года.

На основаніи этого масса крестьянъ получили вольныя, и въ Архивѣ мы видимъ много дѣлъ по утвержденію отпускныхъ. Этотъ указъ имѣлъ громадное значеніе; онъ подготовилъ общее освобожденіе крестьянъ.

Примѣняя указъ Сената, Кизлярскій окружной судъ донесъ, что въ немъ со времени изданія манифеста о 8 ревизіи до срока подачи ревизскихъ сказокъ, который по высочайшему указу отъ 10 сент. 1833 г. былъ отложенъ для кавказской области до 1 сентября 1854 года (по случаю голода и неурожая), повелѣно прекратить до наступленія срока дѣйствіе IX главы правилъ 16 іюня 1833 г., воспрещающихъ переходы изъ одного состоянія въ другое, переуступку крѣпостныхъ людей и отпущеніе ихъ на свободу. Окружной судъ поэтому нашелъ другой поводъ къ неутвержденію отпускныхъ и спрашиваетъ, подлежатъ-ли уничтоженію эти акты или оставить ихъ въ силѣ, такъ какъ срокъ ревизіи на Кавказѣ начался съ 1-го сентября 1834-го года.

Областной совѣтъ рѣшилъ изъятія не дѣлать и указъ Сената исполнить. Всѣ ходатайства владѣльцевъ крестьянъ, не имѣющихъ земли, были отклонены.

С. Фарфоровскій.

Труды того же автора:

I. Историческія работы.

1) Белтинъ, какъ историкъ. (Удост. почетнымъ членомъ Импер. Юрьевскаго Университета въ 1902 г.). 2) Изъ дневника И. Д. Попко. (Русскій архивъ 1909 г. VI). 3) Дневникъ и біографія И. Д. Попко. Русскій архивъ 1909 г.). 4) Дворянство въ Черноморіи и по Кубани. („Лѣтопись историко-родослов. Общества"). 5) Завоеваніе Кавказа въ воспоминаніяхъ современниковъ. (Русскій архивъ). 6) Сборникъ матеріаловъ по русской исторіи. (Русь до-Петровская. Тифлисъ 1909 г.). 7) Гоголь въ новѣйшей русской критикѣ. (Юбилейная рѣчь).

II. Историко-методическія работы.

1) Къ вопросу о наглядности въ преподаваніи исторіи. (Обзоръ о нагляд. пособ. по рус. исторіи, прилож. къ циркул. Попеч. Кавказ. Учеб. Округа 1908 г.). 2) Наглядное преподаваніе всеобщей исторіи. (Прилож. къ

цир. Попеч. Кавказ. Учеб. Округа 1908 г.). 3) Опытъ нагляднаго преподаванія исторіи. („Наглядное обученіе“ 190/8 г. IV). 4) Опытъ пропедевтическаго курса исторіи.

I. Взгляды на исторію. (Прилож. къ цирк. Попеч. Кавказ. Учебнаго Округа). 5) Необходимость знакомства съ русскимъ искусствомъ на урокахъ русской исторіи. (Прилож. къ циркул. Попеч. Кавказ. Учебнаго Округа). 6) Необходимость знакомства съ западно-европейскимъ искусствомъ на урокахъ всеобщей исторіи.

III. Историко-географическія и историко-этнографическія работы.

1) Легенды объ Эльбрусѣ. (Сбор. матер. по опис. мѣстност. и племенъ Кавказа XXXVIII выпускъ. 2) Пѣсни послѣднихъ кобзарей на Кубани. (Филологическія записки 1909 г.). 3) Измѣненіе этническихъ праздниковъ у осетинъ. (I т. XX ч. извѣстій Кавказ. Отд. Импер. Рус. Географ. Общества). 4) Народное образованіе среди кочующихъ народовъ Сѣвернаго Кавказа въ связи съ ихъ исторіей и современнымъ бытомъ. (Журн. Мин. Народнаго Просв. 1909 г. IX.). 5) Народное образованіе у ногайцевъ въ связи съ ихъ исторіей и бытомъ. (Журналъ Мин. Народнаго Просвѣщенія). 6) Народное образованіе у калмыковъ въ связи съ ихъ исторіей и бытомъ. (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 7) Пѣсни кубанскихъ казаковъ (Филологическія записки). 8) Были на Кубани. (Филологическія записки). 9) Ногайцы Ставропольской губерніи. (Историко-этнографическій очеркъ. Извѣстія Кавказ. Отд. Импер. Рус. Географическаго Общества). 10) Караногайцы Терской области. (Извѣстія Кавказ. Отд. Импер. Рус. Географ. Общества). 11) Калмыки Ставропольской губерніи. (Извѣстія Кавказ. Отдѣл. Импер. Рус. Географ. Общества). 12) Туркмены Ставропольской губерніи. (Извѣстія Кавказ. Отд. Импер. Рус. Географ. Общества). 13) Народы мусульмане въ полуномадномъ состояніи. (Докладъ на XII съѣздѣ общ. рус. истествоиск. и врачей). 14) Майкопъ и Майкопскій Отдѣлъ. (Сбор. мат. по опис. мѣстн. и племенъ Кавказа). 15) Калмыцкій бытъ и исторія. (Сбор. матер. по опис. мѣстн. и племенъ Кавказа). 16) Упованіе духовныхъ скопцовъ.

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКАГО
ДВОРЯНСКАГО КЛУБА.

Могила одного изъ участниковъ войны 1812 года.

На юго-восточной окраинѣ Вильны, въ глухой отдаленной мѣстности, расположено римско-католическое Бернардинское кладбище. Среди украшенныхъ дорогими и изящными памятниками гробницъ одиноко ютятся старыя, заброшенныя, обветшавшія могилы прежнихъ обывателей Вильны, образующія длинныя стѣны изъ дикаго камня или плитняка, такъ называемые колумбаріи.

Въ колумбаріи вдѣланы металлическія, рѣже мраморныя доски съ надгробными надписями.

Въ самомъ большомъ изъ этихъ колумбаріевъ, находящемся по лѣвую сторону отъ входа, недалеко отъ кладбищенской церкви, обращаетъ вниманіе небольшая квадратная доска изъ матоваго бѣлаго мрамора, свидѣтельствующая о томъ, что подъ ней погребенъ Жозефъ Лефевръ, графъ Данцигскій, бригадный генералъ великой арміи, умершій въ Вильнѣ 15 декабря 1812 года въ возрастѣ 27 лѣтъ.

Молодой графъ былъ сыномъ герцога Данцигскаго Франсуа Жозефа Лефевра и его жены, извѣстной Санъ-Женъ. Отецъ недолго пережилъ сына, онъ скончался въ 1820 году.

Въ заброшенномъ уголкѣ обширнаго живописнаго кладбища, среди гробницъ заурядныхъ виленскихъ обывателей, лежитъ этотъ, алкавшій лавровъ Марса юноша, такъ печально нашедшій свою безвременную кончину.

Приводимъ текстъ надписи. Кромѣ необходимыхъ датъ она заключаетъ еще стихотвореніе, въ которомъ нѣсколько сентиментально оплакивается судьба умершаго на чужбинѣ молодого французскаго воителя.

Ici repose le corps de Joseph Lefebvre, comte de Dantzick, general de brigade, officier de la Légion d'honneur, chevalier de l'ordre Royal de Saxe et de Bade etc, décedé à Wilna le 15 déc. 1812. âgé de 27 ans.

Sous les yeux d'un Heros enfant de la victoire
Cent fois au champ d'honneur il brava le trépas.
Fils d'un guerrier fameux il aimait les combats,
Il aimait comme lui son pays et la gloire,
Mais la parque fatale au printemps de ses jours
De ses nobles travaux vint arreter le cours.
Si loin de siens, si loin de sa patrie
Finir hélas si tristement sa vie
Emule de Turenne il enviait son sort;
Ah! pourquoi n'a-t-il pas trouvé la même mort.

Самая доска находится ближе къ церкви; она немного больше аршина. Колумбарій расположенъ на возвышенномъ мѣстѣ. Противъ надгробной плиты Лефевра, по другую сторону дорожки, растутъ два высокихъ клена, а за ними находится сложенная изъ дикаго камня пирамида съ полуобвалившейся верхушкой, увѣнчанной широкимъ четырехконечнымъ чернымъ крестомъ съ позолоченными краями.

Адр. Круковскій.

Воспоминанія.

Предлагаемыя воспоминанія о первыхъ шагахъ службы моего отца и годахъ пребыванія его въ административной ссылкѣ въ Вологодской губерніи записаны мною со словъ моей матери и, мнѣ кажется, не лишены общественнаго интереса, такъ какъ въ нихъ рисуются нравы того времени и описывается знакомство съ Шелгуновымъ и его семействомъ.

Мой отецъ Альфонсъ Францовичъ Коссовскій, окончивши курсъ юридическихъ наукъ въ Кіевскомъ университетѣ въ 1862 г., 21 года отъ роду, получилъ мѣсто судебнаго слѣдователя въ г. Ростовѣ-на-Дону, мѣсто, котораго многіе добивались, такъ какъ городъ былъ богатый, а въ доброе старое время это играло не послѣднюю роль.

Прибывъ къ мѣсту служенія, отецъ мой энергично принялся за дѣло, не разбирая ни состояній, ни сословій.

На первыхъ порахъ своей служебной дѣятельности онъ наткнулся на рядъ возмутительныхъ вещей. Такъ, напримѣръ, бывшій въ то время городскимъ головой нѣкто Б. способствовалъ одному лицу сдѣлать подложное завѣщаніе. Этотъ подлогъ былъ обнаруженъ, и дѣлу данъ законный ходъ. Производство дознанія поручено было моему отцу.

И вотъ, когда этотъ городской голова, игравшій значительную роль въ городѣ, помимо занимаемой должности еще и благодаря связямъ и богатству, въ одинъ грустный для него день, получилъ изъ камеры судебнаго слѣдователя повѣстку съ приглашеніемъ явиться туда для допроса, то страшно этимъ возмутился и въ

письмѣ къ отцу выразилъ удивленіе, что какой-то слѣдователь осмѣливается требовать его къ допросу, тогда какъ къ нему, городскому головѣ, являются по дѣламъ службы даже городничій и исправникъ и стоятъ передъ нимъ на вытяжку.

Надо тутъ сказать, что въ описываемую эпоху, должность судебнаго слѣдователя была только что учреждена, и многіе не знали, какими правами пользуется судебный слѣдователь и какую ступень занимаетъ эта должность на лѣстницѣ прочихъ судебныхъ и административныхъ должностей.

Изливъ свое негодованіе въ письмѣ, довольный урокомъ, даннымъ юному слѣдователю, городской голова и не подумалъ явиться въ указанный ему день и часъ въ камеру для допроса, послѣ чего ему была послана вторичная повѣстка съ предупрежденіемъ, что въ случаѣ неявки и по этой повѣсткѣ, онъ будетъ приведенъ подъ конвоемъ, а такъ какъ онъ и послѣ этого не прибылъ, то и былъ доставленъ въ камеру моего отца подъ конвоемъ.

Здѣсь онъ въ негодованіи обратился къ отцу:

— Какъ, вы, молодой человѣкъ, рѣшились меня, уважаемаго всѣмъ городомъ голову, привести подъ конвоемъ.

— Простите, возразилъ отецъ, я для васъ не молодой человѣкъ, а судебный слѣдователь, а вы подсудимый, съ васъ я долженъ снять показаніе, для чего и принужденъ былъ, въ виду вашего нежеланія явиться добровольно, привести васъ подъ конвоемъ.

Снявши съ злополучнаго городского головы и свидѣтелей допросъ, отецъ перваго отправилъ въ заключеніе, такъ какъ за совершенное преступленіе ему грозило лишеніе правъ и ссылка въ Сибирь.

Этотъ небывалый случай въ лѣтописяхъ города взволновалъ весь Ростовъ. Конечно сейчасъ же не дремавшіе друзья и пріятели Б. забили тревогу. Приняты были всѣ мѣры и способы, чтобы добыть свободу городскому головѣ. Но, не добившись положительныхъ результатовъ, эти господа предложили отцу крупную сумму, только бы онъ выпустилъ Б. на поруки.

Конечно таковое предложеніе было съ негодованіемъ отвергнуто, но черезъ нѣсколько дней отецъ все-таки отпустилъ Б. на поруки въ виду его болѣзни. Отношенія между отцомъ и приверженцами Б. на столько обострились, что послѣдніе угрожали даже убить отца, что̀ съ предмѣстникомъ его, который тоже не пришелся ко двору, и было сдѣлано. Отцу пришлось просить о переводѣ. Къ его счастью оказалась свободной вакансія въ Новомосковскомъ уѣздѣ Екатеринославской губ., куда его и перевели.

На новомъ мѣстѣ служенія, своей независимостью и неподкупностью отецъ въ скоромъ времени нажилъ тоже не мало враговъ.

Служебная дѣятельность его началась вскорѣ послѣ уничтоженія крѣпостного права. Помѣщики, пропитанные еще духомъ крѣпостничества, непривыкшіе къ новому своему положенію, при всякихъ столкновеніяхъ съ крестьянами хотѣли быть правыми, въ томъ смыслѣ, чтобы всякій споръ, всякая тяжба, кончались въ ихъ пользу, а не крестьянъ, а такъ какъ у отца постоянно встрѣчались въ производствѣ подобнаго рода дѣла и велись они съ полнымъ безпристрастіемъ, то частенько и выходило такъ, что дѣло рѣшалось не въ пользу помѣщика.

Однажды отца вызвали въ уѣздъ, для производства слѣдствія по поводу обнаруженнаго мертваго тѣла.

Отецъ собрался уже ѣхать, какъ привели подъ конвоемъ въ кандалахъ крестьянина. Отложить поѣздку нельзя было, почему отецъ распорядился, впредь до своего возвращенія, отправить приведеннаго крестьянина въ тюрьму.

Вернувшись изъ уѣзда, онъ сейчасъ же распорядился о приводѣ арестанта и началъ допросъ. Что же оказалось?

Этотъ крестьянинъ былъ крѣпостнымъ кузнецомъ помѣщика, жандармскаго полковника Р., который хотѣлъ его оставить у себя на службѣ и послѣ уничтоженія крѣпостного права, но на невыгодныхъ для кузнеца условіяхъ, почему тотъ и отказался отъ чести служить у своего прежняго господина.

Этотъ дерзкій отказъ недавняго раба возмутилъ Р., который рѣшилъ ему отомстить.

Черезъ нѣсколько времени кто-то пустилъ слухъ, что будто бы этотъ кузнецъ убилъ коробейника, проходившаго черезъ имѣніе Р., но кромѣ этого слуха, никакихъ уликъ противъ кузнеца не было.

Никто не заявлялъ о пропажѣ коробейника, и нигдѣ никакого трупа найдено не было.

Причиной же пущеннаго слуха послужило слѣдующее:

Однажды, во время отсутствія кузнеца изъ дому, пришелъ къ нему сосѣдъ по какому-то дѣлу и, въ ожиданіи хозяина, прилегъ на скамью. Хозяйскія дѣти, мальчики 4 и 5-ти лѣтъ, играя, шумѣли и мѣшали ему заснуть. Когда этотъ сосѣдъ, желая ихъ усмирить, сказалъ, что если они будутъ шалить, такъ онъ ихъ зарѣжетъ, на что бѣдовые мальчишки отвѣчали:

— А нашъ батько тебя тоже зарижитъ.

— А хиба вашъ батько кого вже заризавъ?—спросилъ сосѣдъ.

— Эге-жъ, заризавъ коробошника.

— А гдѣ жъ онъ поховалъ его?

— А въ ричку бросилъ,—нисколько не смущаясь, отвѣчали мальчики.

— А товаръ?.—

— Товаръ мамка поховала у скрыню, а коробку у печи спалила.

Выйдя отъ кузнеца, сосѣдъ о своемъ разговорѣ съ ребятами разсказалъ односельчанамъ. Слухъ дошелъ до Р., который, обрадовавшись случаю напакостить кузнецу, сейчасъ же вызвалъ станового и исправника, которые составили протоколъ о происшедшемъ.

Допрашивали только однихъ дѣтей кузнеца, какъ единственныхъ свидѣтелей, при чемъ призвали священника увѣщевать ихъ гововить правду, обѣщали дать пряниковъ и выпустить отца на свободу, если они еще разъ разскажутъ, какъ ихъ отецъ убивалъ коробейника. Дѣти опять повторили то же, что сказали сосѣду своего отца.

И вотъ, на основаніи этихъ дѣтскихъ показаній, кузнеца заковали въ кандалы и прислали къ моему отцу. Выяснивъ, въ чемъ дѣло, отецъ отослалъ кузнеца снова въ тюрьму, а самъ отправился на мѣсто предполагаемаго преступленія.

Виновность кузнеца никто не подтвердилъ. Вся деревня, какъ одинъ человѣкъ, дала о кузнецѣ самые лучшіе отзывы.

Мертваго тѣла не обнаружено, но, несмотря на это, жандармъ-помѣщикъ настаивалъ на преданіи кузнеца суду, такъ какъ по его словамъ не „сомнѣвается въ его виновности“.

За отсутствіемъ уликъ, злополучнаго кузнеца отецъ освободилъ, чѣмъ, конечно, пріобрѣлъ въ лицѣ полковника Р. новаго недоброжелателя.

Другое дѣло было такого рода:

Умеръ одинъ помѣщикъ, послѣ котораго остались малолѣтніе сынъ и дочь съ психически разстроенной матерью.

Дѣти были приняты на воспитаніе въ казенныя учебныя заведенія, и пока они тамъ воспитывались, ихъ опекунъ и предводитель дворянства генералъ Г., подъ опекой котораго тоже находились дѣти, какъ дворянскія, продали ихъ имѣніе, и когда сынъ, выйдя въ офицеры, возвратился домой, то ни имѣнія, ни денегъ, вырученныхъ отъ продажи такового, не оказалось.

На вопросъ, гдѣ же деньги? ему отвѣтили „опекатели“, что деньги израсходованы на его и его сестры воспитаніе.

Зная, что они воспитывались на казенный счетъ и тратить, слѣдовательно, на ихъ воспитаніе цѣлаго состоянія не было надобности, молодой офицеръ возбудилъ дѣло.

Для выясненія этого дѣла, назначили комиссію подъ предсѣдательствомъ моего отца, а членами въ нее вошли: предводитель дворянства Г., исправникъ и его помощникъ. Въ день открытія засѣданія, отецъ замѣшкался, явился въ комиссію послѣднимъ

и засталъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ Г., открывшаго уже засѣданіе. Отецъ потребовалъ отъ него уступить ему предсѣдательское кресло, составилъ протоколъ объ удаленіи изъ состава комиссіи генерала Г., какъ лицо заинтересованное въ дѣлѣ, разбираемомъ этой комиссіей, и предложилъ протоколъ подписать прочимъ членамъ, но ни одинъ изъ нихъ этого не рѣшился сдѣлать, дабы не возстановить противъ себя генерала. Тогда отецъ, единолично подписавшись, объявилъ засѣданіе закрытымъ и отправилъ протоколъ губернатору, прося назначить новаго члена комиссіи, взамѣнъ предводителя.

Предсѣдательствовать въ новой комиссіи моему отцу больше не пришлось, такъ какъ онъ, до назначенія ея, былъ административно сосланъ въ мѣста не столь отдаленныя подъ надзоръ полиціи, обвиненный въ политической неблагонадежности.

Родители мои были очень поражены этимъ обстоятельствомъ и не могли никакъ догадаться, что̀ послужило поводомъ къ такому обвиненію моего отца, который за собой никакой вины, въ этомъ отношеніи, не чувствовалъ.

Спустя много времени это объяснилось такъ:

Такъ какъ описываемыя событія происходили въ 60-хъ годахъ, во время польскаго возстанія, то, конечно, не трудно было недоброжелателямъ моего отца возвести на него, какъ на поляка и католика, какое-либо преступленіе на политической подкладкѣ.

И вотъ что придумали:

Изъ Новомосковска, гдѣ служилъ отецъ, была послана телеграмма на имя врачебнаго инспектора, тоже поляка, отъ имени „Народового Жонда“ съ требованіемъ 3.000 рублей. Инспекторъ заявилъ объ этомъ полиціи, началось разслѣдованіе, и когда запросили предводителя дворянства Г., не подозрѣваетъ ли онъ кого-нибудь, то тотъ указалъ на моего отца, въ увѣренности, что такимъ образомъ дѣйствія ему удастся избавиться отъ нежелательнаго для него человѣка.

Г. не ошибся въ своихъ разсчетахъ: 20-го января 1864 г., когда отецъ и мать гостили у родителей моего отца въ деревнѣ, явились туда исправникъ, становой и два жандарма, арестовали и увезли моего отца, увѣривъ мать и его родителей, что его требуютъ въ губернскій городъ, для дачи какого-то показанія, послѣ чего его сейчасъ же отпустятъ. Но прошла недѣля, другая, а объ отцѣ ни слуху, ни духу.

Въ мучительной неизвѣстности, что съ нимъ, гдѣ онъ, бѣдная мать пробыла болѣе 6-ти недѣль. Наконецъ дѣдъ мой получилъ

анонимное письмо, въ которомъ неизвѣстный авторъ сообщалъ, что отецъ благополучно доставленъ въ Симбирскъ и шлетъ поклонъ.

До полученія этого письма услужливыя кумушки бѣгали чуть не каждый день и передавали всякіе невозможные слухи, въ родѣ того, напримѣръ, что отца уже разстрѣляли въ Харьковѣ, или гдѣ-то повѣсили и т. д. На возраженіе же имъ, что эти слухи вздоръ, такъ какъ ни разстрѣливать, ни вѣшать отца не за что, потому что онъ не совершилъ ничего преступнаго, онѣ говорили, что были случаи, когда казнили по ошибкѣ невинныхъ, а потомъ родныхъ, въ утѣшеніе, награждали.

Послѣ долгихъ дней душевныхъ терзаній, получилось наконецъ отъ отца письмо, въ которомъ онъ описывалъ свое невольное путешествіе и пріѣздъ въ Симбирскъ, по прибытіи куда его представили губернатору, который его очень любезно принялъ и спросилъ, за что отецъ сосланъ.

Но это отецъ отвѣчалъ, что онъ самъ хотѣлъ спросить объ этомъ у губернатора. Губернаторъ распечаталъ представленный ему жандармами пакетъ и сказалъ отцу, что онъ сосланъ за политическую неблагонадежность.

Въ Симбирскѣ отецъ устроился въ компаніи съ нѣсколькими другими ссыльными, съ которыми онъ здѣсь познакомился.

Каждому изъ нихъ полагалось казеннаго содержанія 6-ть рублей въ мѣсяцъ, на которые, при тогдашней дешевизнѣ продуктовъ, можно было кое-какъ существовать.

Отецъ еженедѣльно писалъ матери и убѣждалъ пріѣхать къ нему, но здоровье ея настолько разшаталось отъ перенесенныхъ потрясеній, что, несмотря на горячее желаніе, она не могла пуститься въ путь за 4.000 верстъ, при тогдашнемъ отсутствіи желѣзныхъ дорогъ. Кромѣ того и средствъ на дорогу не было.

Пришлось, пока что, ждать у моря погоды и утѣшаться надеждой, что можетъ быть, по случаю предполагаемаго бракосочетанія Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, будетъ скоро манифестъ, по которому могутъ помиловать административно ссыльныхъ. Но надежда эта скоро, со смертью Августѣйшаго жениха, рушилась. Въ довершеніе бѣды, мать перестала вдругъ получать отъ отца письма. Сколько она ему ни писала, отвѣта не было. Изъ газетъ же стало извѣстнымъ, что какъ разъ въ этотъ періодъ прекращенія переписки, въ Симбирскѣ былъ сильный пожаръ, городъ былъ подожженъ со всѣхъ сторонъ и что, подозрѣвая въ поджогѣ, почему-то, ссыльныхъ поляковъ, разъяренная толпа одного изъ нихъ разорвала на куски.

Прочитавъ это извѣстіе и вообразивъ себѣ, что эта ужасная

участь постигла моего отца, мать заболѣла нервной горячкой. Къ счастью во время ея болѣзни получилось наконецъ отъ отца письмо, но не изъ Симбирска, а изъ Вологды. Небезъинтересно здѣсь указать на любопытное совпаденіе:

За нѣсколько дней до полученія этого письма, матери моей приснилось, что она получаетъ письмо, на конвертѣ котораго она прочла отчетливо на штемпелѣ „Вологда". Это совпаденіе тѣмъ болѣе удивительно, что у нея не было никакого повода предполагать, что отецъ можетъ попасть въ Вологду, куда онъ попалъ, дѣйствительно, случайно.

Въ присланномъ письмѣ отецъ сообщалъ слѣдующее:

Какъ извѣстно, вся переписка, состоящихъ подъ надзоромъ полиціи, должна была проходить черезъ цензуру исправника. Исправникъ же того уѣзда, въ которомъ находился мой отецъ, не только читалъ самъ его корреспонденцію, но и давалъ прочесть своимъ пріятелямъ тѣ изъ писемъ отца, которыя находилъ, почему-либо, представляющими для тѣхъ интересъ.

Возмущенный такимъ образомъ дѣйствія исправника, отецъ потребовалъ отъ него объясненій и заявилъ, что будетъ на него жаловаться. На это исправникъ сказалъ:

— Жаловаться вы, конечно, можете, но врядъ ли кто-нибудь обратитъ вниманіе на жалобу какой-то ссыльной дряни.

Едва исправникъ успѣлъ сказать это, какъ покатился подъ столъ отъ сильнаго удара по физіономіи, нанесеннаго ему моимъ отцомъ.

Этотъ инцидентъ повлекъ за собою немедленное арестованіе отца.

Въ это время въ Симбирскѣ пребывалъ флигель-адъютантъ баронъ В., производившій слѣдствіе о причинахъ Симбирскаго пожара. Когда ему доложили о происшедшемъ, онъ потребовалъ къ себѣ отца и спросилъ его:

— Развѣ допускается въ благоустроенномъ государствѣ говорить начальству дерзости?

На это отецъ отвѣтилъ, что не онъ говорилъ дерзости начальству, а оно его оскорбило, и онъ только вступился за свою честь и нанесъ пощечину оскорбителю.

Баронъ В. былъ очень удивленъ такимъ откровеннымъ объясненіемъ моего отца и, замѣтивъ, что исправникъ о нанесенномъ ему оскорбленіи скромно умолчалъ, рекомендовалъ ему не взводить на себя преступленіе, за которое можно сильно пострадать. Несмотря на такое предупрежденіе, отецъ продолжалъ настаивать

на своемъ заявленіи. Тогда его арестовали при полицейскомъ управленіи.

Черезъ нѣсколько часовъ непривѣтливая камера, въ которую былъ заключенъ мой отецъ, обратилась въ уютный будуаръ, прекрасно меблированный и украшенный цвѣтами и коврами. Все это было устроено Симбирскимъ обществомъ, въ которомъ отецъ былъ очень хорошо принятъ.

Такъ какъ посѣтители къ нему допускались свободно, то его постоянно навѣщали добрые знакомые и развлекали.

Черезъ нѣсколько дней отецъ телеграфировалъ о случившемся въ Ш-е отдѣленіе, и его приказано было немедленно освободить.

Послѣдствіемъ этой исторіи былъ переводъ отца въ г. Яренскъ Вологодской губерніи.

Вотъ эта-то исторія и была причиной долгаго молчанія его, т. к. ему не хотѣлось подвергать цензурѣ цѣлой компаніи свою корреспонденцію.

Оправившись отъ болѣзни, мать моя задалась цѣлью заработать и скопить денегъ на дорогу. Ей удалось достать урокъ у своихъ хорошихъ знакомыхъ и собрать въ теченіе года нужную сумму на дорогу, которую надо было совершить на лошадяхъ, такъ какъ желѣзная дорога существовала тогда только Николаевская.

Мѣстный губернаторъ принялъ участіе въ матери и посовѣтовалъ ей ѣхать въ обществѣ офицера, командируемаго въ Ораніенбаумъ съ партіей солдатъ.

Мать съ радостью воспользовалась этимъ предложеніемъ, такъ какъ ей хотѣлось предварительно побывать въ Петербургѣ и похлопотать, если не объ освобожденіи, то хоть о переводѣ куда-нибудь поближе отца.

Попутчикъ офицеръ оказался прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, всячески хлопотавшимъ объ удобствахъ матери въ пути.

Они отправились въ собственномъ экипажѣ моей матери, нанявъ лошадей подъ него, и благополучно добрались къ мѣсту назначенія.

Въ Петербургѣ матери удалось выхлопотать переводъ отцу въ г. Кадниковъ, всего въ 45 в. отъ Вологды. Сообщивъ объ этомъ ему, она отправилась туда же. Въ Кадниковѣ матери моей пришлось ждать прибытія отца еще мѣсяца полтора. Здѣсь нашлись добрые люди, которые приняли въ ней участіе и помогли кое-какъ устроиться до пріѣзда отца. Наконецъ пріѣхалъ и онъ.

Вскорѣ у нихъ завязались знакомства съ мѣстной интеллигенціей, нашлись уроки, благодаря которымъ родители мои не испытывали острой нужды.

Среди добрыхъ людей, каковыми оказались Кадниковскіе жители, имъ жилось хорошо и даже весело.

Здѣсь же они познакомились и съ Николаемъ Васильевичемъ Шелгуновымъ и его семействомъ. По словамъ матери, дни знакомства съ Шелгуновымъ лучшіе въ ихъ жизни.

Несмотря на непредставительную наружность, этотъ человѣкъ очаровывалъ каждаго, кто имѣлъ удовольствіе побесѣдовать съ нимъ часъ, другой.

Въ немъ поражала его удивительная способность вести съ кѣмъ бы то ни было бесѣду такъ, что она была всегда полна интереса и глубокаго содержанія, какъ для слушателей, такъ и для его собесѣдника, не взирая на то, кѣмъ онъ былъ: интеллигентный ли человѣкъ, или простой крестьянинъ, дама или деревенская баба.

Съ прибытіемъ Шелгуновыхъ, и матеріальное положеніе моихъ родныхъ улучшилось, такъ какъ Николай Васильевичъ предложилъ моей матери давать уроки его старшему сыну, а отецъ писалъ подъ диктовку его сочиненія и переводы его жены.

Вечеръ они проводили, обыкновенно, вмѣстѣ. Николай Васильевичъ читалъ что-нибудь вслухъ, или аккомпанировалъ на корнетѣ своей женѣ, которая играла на рояли.

Мнѣ мой покойный отецъ разсказалъ, когда-то, слѣдующій комичный эпизодъ:

Какъ-то Николай Васильевичъ заявилъ, что ему слѣдуетъ постричься, такъ какъ у него сильно отросли волоса. Мой отецъ, который никогда не выступалъ въ роли парикмахера, вполнѣ увѣренный въ легкости этого дѣла, предложилъ Николаю Васильевичу свои услуги. Шелгуновъ довѣрчиво вручилъ свою голову искусству отца, и послѣдній отважно принялся его стричь и такъ остригъ, къ своему полному смущенію, что когда добродушнѣйшій Николай Васильевичъ взглянулъ на себя, послѣ стрижки, въ зеркало, то только и могъ сказать отцу:

— Ну, это, знаете, Альфонсъ Францовичъ, съ вашей стороны, можно сказать, даже недобросовѣстно!

Черезъ два года Шелгунова перевели, по его просьбѣ, въ Вологду, и родители мои должны были съ ними разстаться, что было для нихъ большимъ лишеніемъ.

Но разлука эта не была продолжительна, такъ какъ отецъ тоже исхлопоталъ себѣ, въ скоромъ времени, переводъ въ Вологду, гдѣ родители мои снова зажили въ тѣсной дружбѣ съ Шелгуновыми вплоть до 1871-го года, когда отца моего освободили изъ подъ надзора полиціи и онъ уѣхалъ на родину, а Шелгуновъ выѣхалъ въ Тверь.

А. Коссовскій.

На абордажъ.

Въ дежурной комнатѣ неранжированной роты, на клеенчатомъ диванѣ, въ полной формѣ, сидѣлъ дежурный офицеръ. Передъ нимъ на столѣ стоялъ высокій киверъ съ чернымъ буйволовымъ султаномъ и плетеными кутасами. Офицеръ читалъ романъ Дюма „Монтекристо“ и, несмотря на то, что его очень занимало повѣствованіе талантливаго французскаго писателя, время отъ времени прислушивался къ шуму, который шелъ изъ рекреаціонной залы, гдѣ оставшіеся на воскресный день воспитанники играли въ „казаки-разбойники“ и другія подвижныя игры. Офицеръ часто выходилъ изъ комнаты и прохаживался между играющими.

Это былъ недавно зачисленный въ Энскій Кадетскій Корпусъ герой Севастопольской кампаніи, во время которой, на какомъ-то бастіонѣ, онъ былъ раненъ осколкомъ разорвавшейся бомбы въ мякоть задней части, вслѣдствіе чего онъ ходилъ „ковыляя“.

Это былъ храбрѣйшій и добрѣйшей души человѣкъ, но безъ смѣха на него нельзя было смотрѣть. Маленькаго роста, съ рыжими взъерошенными волосами на головѣ, въ веснушкахъ, съ оттопыренными ушами и немного косыми глазами, при его ковыляніи, онъ видомъ своимъ вызывалъ невольный смѣхъ у каждаго видѣвшаго его въ первый разъ.

Такъ вотъ этотъ-то офицеръ, страстно полюбившій за время обороны вылазки и восхищавшійся подвигами пластуновъ и самъ участвовавшій не разъ въ ихъ отважныхъ походахъ, не могъ еще привыкнуть къ монотонному режиму казеннаго заведенія и въ день своего дежурства изобрѣталъ для своего и кадетскаго развлеченія разные, какъ онъ называлъ, „фортели“. Въ настоящее время онъ углубился въ чтеніе и жадно слѣдилъ за разсказомъ заключеннаго монаха, который разсказывалъ о скрытыхъ сокровищахъ, и нервно перебиралъ въ карманѣ своихъ брюкъ тощій кошелекъ, въ которомъ лежало нѣсколько мелочи.

Между тѣмъ набѣгавшіеся мальчуганы усѣлись по уголкамъ зала на табуретахъ, а нѣкоторые, по двое, ходили обнявшись и „лясничили“ о „страшномъ“ или о „домашнемъ“. Вдругъ вокругъ всего зала, подбѣгая къ каждой группѣ, промчался шустрый смуглый крѣпышъ и пробѣгая вполголоса говорилъ: „Кто хочетъ на вылазку; ко мнѣ“. Вскорѣ около него собралось человѣкъ десять, и они стали бросать жребій. Пятерымъ достались билеты съ надписью „попасться“. Въ это время барабанъ пробилъ на молитву ко всенощной.

Рота выстроилась во фронтъ и подъ предводительствомъ дежурнаго офицера и унтеръ-офицера, замыкавшаго фронтъ, стройно пошла въ корпусную церковь.

Ни дежурный офицеръ, ни унтеръ-офицеръ не подавали виду, что они замѣтили, что нѣкоторыхъ воспитанниковъ во фронтѣ не доставало.

Придя въ церковь и простоявъ четверть часа, офицеръ сталъ какъ бы пересчитывать приведенныхъ воспитанниковъ и затѣмъ, обращаясь къ унтеръ-офицеру, сказалъ: „А вѣдь у насъ недостаетъ нѣсколькихъ. Вы тутъ присмотрите за порядкомъ, а я пойду ихъ поищу“.

Спустившись внизъ, онъ взялъ изъ служительской нѣсколько барабанщиковъ и отправился по длинному корридору, ведущему въ столовый залъ.

Въ этомъ залѣ, поперекъ, у задней стѣны, стояла громадная модель фрегата, занимавшая почти всю ширину комнаты, и вотъ къ этому-то пункту и направлялась охотничья команда подъ предводительствомъ офицера. Чѣмъ ближе подходили къ дверямъ зала, тѣмъ шагъ офицера дѣлался осторожнѣе и къ самой двери онъ подкрадывался, какъ индѣецъ, по разсказамъ Майнъ-Рида.

Войдя въ залъ, онъ разставилъ свою команду въ линію, а самъ

всталъ въ средину и кошачьими шагами, дѣлая знаки служителямъ, крался къ модели по столовому залу, освѣщенному единственной тускло горѣвшею масляною лампою.

Но помѣстившіеся въ пустой модели не зѣвали. Завязавъ около шеи два конца носового платка и перекинувъ съ затылка на лицо другой конецъ платка, т. е. сдѣлавъ „фурку“, шалуны, съ крикомъ „на абардажъ!“ полѣзли по скользкимъ отполированнымъ бортамъ модели, цѣпляясь за деревянныя заклепки (и нынѣ употребляемыя), и мигомъ выскакивали на просторъ обширнаго зала. Начиналась травля, но конечно шустрые мальчуганы безъ труда прошмыгивали между барабанщиками, и только тѣ, которымъ выпалъ жребій, какъ бы нечаянно, наталкивались поочередно на офицера, и онъ съ торжествомъ ихъ улавливалъ, сдавалъ ближайшему барабанщику, и переловивъ отдавшихся, съ тріумфомъ возвращался въ церковь; а пойманныхъ отправлялъ подъ конвоемъ въ карцеръ.

Карцеромъ служилъ „старый арсеналъ“, въ которомъ лежали запасные матрацы, одѣяла и т. п. Шалуны сейчасъ же размѣщались на тюфякахъ и засыпали вплоть до прихода роты отъ ужина, хорошо зная, что за голенищами товарищей будетъ имъ вынесено въ изобиліи хлѣба, гречневой каши или картофеля.

Распустивъ фронтъ, дежурный офицеръ входилъ въ комнату, примыкавшую къ карцеру, изъ котораго дверь, съ фрамужнымъ окномъ безъ переплета и стеколъ, вела въ дежурную комнату. Войдя въ комнату и ослабивъ нѣсколько бандальеръ, на которомъ висѣлъ палашъ, онъ сѣлъ на диванъ и крикнулъ: „Никитка!“ Никитка, малый лѣтъ шестидесяти, мрачнаго вида, съ серебряной серьгой въ одномъ ухѣ, крѣпостной дворовый человѣкъ офицера, мигомъ являлся съ подносомъ, на которомъ стояли чайныя принадлежности и въ корзинкѣ для булокъ лежало много 3-хъ копѣечныхъ саекъ.

Офицеръ налилъ себѣ стаканъ чая, съѣлъ сайку и затѣмъ какъ бы вспомнивъ очень важное, требующее его присутствія, вышелъ изъ комнаты.

Какъ только затихли его шаги, то изъ дверной фрамуги съ ловкостію акробатовъ стали выпрыгивать арестованные, и одинъ изъ нихъ сталъ считать сайки, лежавшія на подносѣ. Оказывалось саекъ столько же, сколько было и арестованныхъ. Захвативъ по штукѣ, шалуны скрылись за фрамугою.

Чрезъ нѣсколько минутъ приходилъ офицеръ, наливалъ себѣ второй стаканъ чая и, улыбаясь, поглядывалъ на дверь карцера.

Выпивъ стаканъ чая, онъ, вставъ и отворивъ дверь въ карцеръ, громко и какъ бы сердито сказалъ: „Ну! выходите, школяры, да другой разъ не попадайтесь!“ Выпущенные мигомъ разбѣгались и соединялись съ тѣми изъ товарищей, которые участвовали въ вылазкѣ. Происходилъ дѣлежъ. Сайки дѣлились поровну, а изъ-за голенищъ вываливалась на тетрадки чистописанія всякая снѣдь, принесенная съ ужина.

Д. Перскій.

Адмиралъ гр. Н. С. Мордвиновъ и его „способъ вспомоществованія“ участникамъ Отечественной войны.

(Матеріалы для войны 1812 г.).

Близость столѣтней годовщины Отечественной войны заставляетъ насъ относиться съ особеннымъ интересомъ къ тому литературному матеріалу, который, впервые появляясь на столбцахъ повременной печати, въ состояніи пролить „новый“ свѣтъ на это выдающееся событіе нашей отечественной исторіи.

Въ этомъ отношеніи не лишено интереса, на нашъ взглядъ, печатаемое ниже письмо адмирала гр. Н. С. Мордвинова къ Императору Александру I, которое намъ удалось найти въ бумагахъ покойнаго директора департамента иностранныхъ исповѣданій, В. А. Иванова, переданныхъ по завѣщанію (послѣ смерти В. А., въ 1904 г.) въ библіотеку С.-Петербургскаго университета.

Письмо это было отправлено авторомъ изъ Пензы, куда, какъ извѣстно, онъ удалился по выходѣ въ отставку. Изъ второго письма на имя друга гр. Мордвинова, адм. А. С. Шишкова, видно, что первое (отъ 17-го февраля) не дошло по назначенію; и слѣдовательно, то, которое мы печатаемъ ниже, по всей вѣроятности, было его черновикомъ. Такое предположеніе мы рѣшаемся высказать, основываясь на томъ, что, во-первыхъ, въ этомъ письмѣ нѣтъ обращенія, во-вторыхъ, въ немъ имѣются помарки, что врядъ-ли могло быть въ письмѣ, адресованномъ къ Государю [1]).

[1]) Мы печатаемъ оба письма съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника, измѣняя лишь знаки препинанія и начертаніе буквъ (въ подлинникѣ прописныя буквы имѣются только въ началѣ красной строки). *В. П.*

„По совершеніи великаго подвига огражденіемъ цѣлости Имперіи знаменитыми побѣдами [1]), вниманіе В. И. В. обращено къ уврачеванію ранъ, нанесенныхъ внутри [2]) непріятелемъ, проложившимъ до самаго сердца Россіи широкій слѣдъ опустошенія. На пространствѣ тысячи верстъ позжены града и селы, Москва лежитъ подъ пепломъ, и миліонъ изъ поданныхъ Вашихъ отыскиваютъ чуждый и скудный покровъ и пропитаніе въ отдаленіи отъ мѣстъ ихъ рожденія, Многія годы суждены они скитатся, если не будетъ имъ оказано скорое и щедрое пособіе. Въ постигшемъ ихъ бѣдствіи погибли сокровища несчетныя: погибли богатства, стяжанныя работою, бережливостью, раченіемъ, трудами вѣковъ.

Отеческое сердце В. И. В. болѣзнуетъ, взирая на многочисліе страждущихъ, и болѣзнуетъ тѣмъ вящще, чѣмъ способы утѣшенія и вспомоществованія менѣе соотвѣтствуютъ изяшности усердія Вашего. Россія обширна [3]) землями, но деньгами скудна. Государственные доходы не столь избыточны, чтобы могли что-либо отъ себя удѣлить. Частныя сокровища, достаточныя токмо на прожитіе, умалились отъ внутренняго повсемѣстнаго ополченія и отъ многоразличныхъ пожертвованій, на потребности войны содѣланныхъ. Введеніе новыхъ бумагъ, подъ какимъ бы то наименованіемъ ни было, впредь оказаться можетъ пагубнѣйшимъ, нежели мечь и огнь кратковременно настигшаго на Россію непріятеля. Помощь сострадательныхъ, милостыню дающихъ, едва можетъ быть достаточною для пособія терпящимъ голодъ и наготу. По таковымъ соображеніямъ непредвидится возможность найти внутри Имперіи соразмѣрные способы, могущіе устроить, воздвигнуть древнее каждаго достояніе и возвратить прежнее благолѣпіе Россіи.

По существующей нынѣ дружественной связи съ Англіею вѣроятно, что народъ, пріемлющій искреннее участіе въ благосостояніи Россіи, неоткажетъ пособія своего. Англійское правительство почти каждый годъ на годовые расходы занимаетъ по 20 миліоновъ фунтовъ стерлинговъ, содѣлываетъ заемъ безсрочный изъ 5 и 4 процентовъ и совершаетъ оный въ нѣсколько часовъ подпискою, открытою въ Л'лойдовомъ кофейномъ домѣ. По сему пріобрѣтеніе со стороны Россіи займа 20 миліоновъ ф. с. изъ 6 процентовъ и на срочное время не можетъ быть сумнительно.

---

[1]) Въ подлинникѣ слова „цѣлости Имперіи помѣчены цифрой „1“ и поставлены послѣ словъ „знаменитыми побѣдами“, надъ которыми стоитъ цифра „2“.

[2]) Это слово вписано въ текстъ рукою автора.

[3]) Слово „обширна“ поставлено надъ словомъ „преизобилуетъ“, которое зачеркнуто авторомъ.

Но по употребленіи сихъ 20 мил. ф. с., кои при нынѣшнемъ курсѣ, по 16 рублей въ ф. с., составляютъ 320 миліоновъ рублей, представляются различные виды; и разумъ хозяйства требуетъ разчисленій, по коимъ бы возможно было усмотрѣть и убрать тѣ раздѣленія и назначенія, кои принести могутъ превосходнѣйшія пользы.

Основывая мысль мою на таковыхъ расчисленіяхъ, нахожу я, что изъ 320 мил. рублей отдѣлена должна быть первоначально такая часть, которая при возвышеніи курса могла бы уплатить весь долгъ. Сія часть при курсѣ 16 рублей въ ф. с. должна состоять изъ 100 миліоновъ рублей.

Сіи 100 миліоновъ рублей надлежитъ назначить подъ учеты векселей и заемныхъ писемъ для пособія нуждающимся въ оборотахъ денежныхъ, въ коихъ нынѣ существуетъ чрезвычайный недостатокъ.

Для разоренныхъ, коихъ имущества погибли отъ меча и огня непріятельскаго, щедрымъ пособіемъ можетъ быть раздача 60 мил. рублей, безъ процентовъ, а токмо съ ежегоднымъ возвращеніемъ изъ капитала по 6 на сто въ продолженіи 16 лѣтъ, въ 17 же[1]) годъ 4[2]) на сто, чѣмъ[3]) весь капиталъ выплаченъ будетъ. А дабы заемъ содѣланный не былъ бременемъ ни въ настоящее время, ни въ будущія времена, но, напротивъ того, оказался благотворнымъ всей Имперіи вообще и каждому лицу особенно, то необходимо нужно изъ сихъ 320 миліоновъ въ теченіе 8 лѣтъ истребить 160 мил. рублей, сжигая по 20 мил. въ годъ. Таковымъ истребленіемъ достоинство ассигнацій, составляющихъ доходы государственные и частные, постепенно возвышаясь, возвеличитъ доходы общіе и частные.

Но неостанавливаясь на выгодахъ настоящихъ токмо времянъ и взирая на благо родовъ будущихъ, открывается возможность отъ сего самаго займа учредить еще и военный запасный капиталъ, коего проценты могли бы впредь удовлетворять чрезвычайно во время войны издержкамъ. Сей назначенный[4]) для военныхъ издержекъ капиталъ явится по разчисленію почти въ 100 мил. рублей[5]) пріобрѣтеннымъ.

Во всѣхъ земляхъ и по всѣмъ вѣкамъ исторія показываетъ, что отъ неимѣнія таковаго запаснаго капитала государства принуждены

---

[1]) Слово „же“ вписано въ текстѣ рукою автора.

[2]) Послѣ слова „годъ“ зачеркнуто слово „по“.

[3]) „Чѣмъ“ переправлено авторомъ изъ „чемъ“.

[4]) Это слово въ текстѣ неясно.

[5]) Передѣлано изъ „рубляхъ“.

были жертвовать казенными имуществами, налагать тягостныя подати, вынуждать обременительныя отъ частныхъ людей пожертвованія, истощевать въ краткое время тѣ сокровища, кои служатъ къ поддержанію народнаго благосостоянія, къ пріумноженію богатствъ, къ сохраненію неущербно силъ и крѣпости Царствъ, и для малаго числа лѣтъ жертвовать благосостояніемъ будущихъ вѣковъ, лишая потомковъ праведнаго ихъ наслажденія.

Сей военный капиталъ во времена мирныя служитъ къ распространенію промышленности и торговли: всегда дѣйствующь, или на защиту Имперіи, или на внутреннее благоустройство и обогащеніе.

Но всѣ предложенія, здѣсь начертанныя, и выгоды, отъ оныхъ ожидаемыя, необходимо зависятъ отъ постояннаго выполненія началъ, принятыхъ Государственнымъ совѣтомъ, въ 1810 и 1811 годахъ для управленія финансовъ.

Хотя и назначается изъ заемной суммы истребить 160 мил. руб., хотя количество сіе весьма значительно, но истребленіе 20 мил. въ годъ можетъ оказаться недостаточнымъ для возвышенія курса по той мѣрѣ, какъ въ нижеслѣдующемъ разчисленіи показано. Разность въ доходахъ Государственнаго Казначейства, происходящая отъ возвышенія достоинства ассигнацій истребленіемъ 160 мил., вознаградить можетъ избыточно сей недостатокъ.

Представляемыя здѣсь разчисленія основаны на возвышеніи курса до 5 рублей въ ф. с. въ теченіи 8 лѣтъ; но неизмѣнится [1]) въ существѣ своемъ планъ сей, если бы возвышеніе курса и непослѣдовало въ полагаемыя здѣсь 8 лѣтъ. Неизмѣнится оный ниже отъ количества денегъ, какое возможно будетъ занять въ Англіи.

Чѣмъ же за меншія проценты заемъ содѣланъ будетъ, тѣмъ превосходнѣйшія отъ онаго послѣдовать могутъ выгоды:

За 20 мил. ф. с. слѣдуетъ платить по 6 проц. въ годъ . . . . . 1.200.000 ф. с.

Съ 320 мил. рублей по 6 проц. получаемо будетъ . . . . . 19.200.000 рубл.

При возростающемъ курсѣ изъ сихъ 19.200.000 рублей остатки оказываться будутъ:

При курсахъ.	Процентная сумма платимая Англіи.	Остатокъ.
14 рубл. въ ф. с.	16.800.000	2.400.000

Здѣсь слѣдуетъ разсчетъ на 12, 10, 9, 8, 7, 6, 5 рубл.

---

[1]) Передѣлано изъ „неизмѣняется“.

Но за истребленіемъ по 20 мил. въ годъ остатокъ уменьшаться будетъ суммами.	Дѣйствительное пріобрѣтеніе изъ процентной суммы.
въ 1 годъ 1.200.000	1.200.000
до 8 года показано . —	и того 25.200.000

По окончательномъ истребленіи 160 мил. останутся подъ учетами векселей и заемныхъ писемъ 100 мил., съ коихъ 6 проц. составляютъ 6.000.000 рублей, ровныхъ при курсѣ 5 руб. въ ф. с. 1.200.000 ф. с. платимымъ процентамъ Англіи.

Останутся 60 мил., розданныхъ разореннымъ, съ коихъ по 6 на сто и 4 въ послѣдніи 17 лѣтней ссуды получаемо будетъ:

въ 9 году . . . . . 3.600.000 „
и далѣе до 17 году . . . . 31.200.000 рубл.

Сіи 31.200.000 съ пріобрѣтенными отъ возвышенія курса 25.200.000 составятъ 56.400.000, кои при самомъ началѣ должны быть отсылаемы въ банкъ: отъ обращенія въ ономъ изъ 6 проц. возрастутъ они въ 96.877.894 рубля, какъ явствуетъ въ нижеслѣдующей таблицѣ.

Здѣсь помѣщена таблица [1]).

Но, во уваженіе пользъ, тѣсно сопряженныхъ съ существованіемъ (?) В. В. [2]), естлибы за благо разсуждено было отдѣлять ежегодно по 1-му проценту изъ государственныхъ доходовъ для присоединенія къ симъ 96.877.894 рублямъ, то въ нѣсколько десятковъ лѣтъ капиталъ сей возвеличился бы до той степени, что могъ бы процентами своими удовлетворять всѣмъ чрезвычайнымъ во время войны издержкамъ.

Въ предлагаемомъ начертаніи нетребуется ни какихъ пожертвованій, ни отъ Государственнаго Казначейства, ни отъ частныхъ людей; открываются щедрое пособіе разореннымъ и избыточная ссуда нуждающимся въ недостаткѣ денежныхъ оборотовъ; Государственные и частные доходы возвышаются въ достоинствѣ своемъ; оживотворяется промышленность и торговля; уготовляется благо-

---

[1]) Упущеніе „таблицы“ подтверждаетъ наше предположеніе, будто печатаемое письмо является черновикомъ того, которое было отправлено авторомъ императору Александру I.

[2]) Слова: „тѣсно сопряженныхъ съ существованіемъ В. В.“ вписаны въ текстъ рукою автора; послѣднія три слова сокращены: „суще В. В.“, при чемъ второе „В“ неясно: можно читать и „К“. Въ такомъ случаѣ, подъ „В. К.“ авторъ, быть можетъ, разумѣлъ слова: „Ваше Казначейство“ или „Ваша Казна“.

творный капиталъ [1]) для будущихъ временъ; крѣпость и безопасность Россіи, со стороны финансовъ, утверждаются на прочныхъ основаніяхъ.

Безъ сильныхъ же способовъ и щедрыхъ пособій Россія долго томиться будетъ отъ нанесенныхъ ей глубокихъ ранъ.

Совершая начертаніе сіе для блага отечества моего и во остереженіе Всемил. Госуд. отца отечества, не долженъ я умолчать здѣсь, что изъ всѣхъ бумагъ извѣстныхъ пагубнѣйшія суть тѣ, кои предложены были въ мартѣ мѣсяцѣ прошлаго году, и для введенія коихъ манифестъ читанъ былъ въ совѣтѣ, подъ наименованіемъ облигацій поземельныхъ: они не иное что суть, какъ списокъ съ мандатовъ поземельныхъ (Mandats territoriaux), существовавшихъ во Франціи нѣсколько мѣсяцевъ, въ самое лютѣйшее время ея революціи, и давшихъ послѣдній смертельный ударъ финансамъ во Франціи. Съ оными изчезли и цѣна монеты, и способы исправленія оной. Правительство принуждено было объявить себя банкрутомъ; обогатились токмо хитрые выдумщики мандатовъ поземельныхъ, коими, по упадшей ихъ цѣнѣ отъ 100 до 3, присвоили себѣ за малыя деньги великія Казенныя имущества. Воспрещеніемъ выпуска облигацій поземельныхъ Россія спасена была отъ подобнаго бѣдствія, и постановлена была преграда похищенію за безцѣнокъ казенныхъ имѣній, на коихъ основывалось исправленіе финансовъ.

18 февраля 1813 г.
Пенза.

Письмо адм. Н. С. Мордвинова къ своему другу, адм. А. С. Шишкову.

Письмо твое, другъ мой, отъ 9-го ноября изъ Франкфурта [2]) я получилъ, и сіе было единственное, которое я получилъ. Я къ тебѣ писалъ 4 письма; изъ твоего вижу, что дошли токмо (?) два, и сіи были маловажны. Первыя два письма, кои отправилъ я черезъ С.-Петербургъ, были тетради, и при оныхъ было письмо къ Государю Императору. Но потому что были они тетради, то и недошли къ тебѣ. Руки, черезъ которыя переходили они, неутерпѣли нераспечатать толстое [3]) писаніе предсѣдателя [4]) къ Государствен-

---

[1]) Въ подлинникѣ надъ словомъ „благотворный“ стоитъ цифра „2“; слово „капиталъ“ помѣчено цифрой „1“.

[2]) Адм. Шишковъ въ это время находился при Государѣ за границей.

[3]) передѣлано авторомъ изъ: „толъстое“.

[4]) Какъ извѣстно, съ учрежденіемъ Государственнаго Совѣта М. былъ

ному секретарю [1]). Первое письмо было отъ 17 февраля. Въ оном изложены были способы спомогательные для разоренныхъ и пострадавшихъ отъ войны. Вспомоществованіе сіе основано было на мысли со всемъ новой, и нетребовалось никакого пожертвованія ни отъ частныхъ людей, ни отъ казны. Похитители моей мысли, можетъ быть, покусятся выдать оную за свою выдумку; но я укрѣпилъ оную приложеніемъ къ важнѣйшему предмѣту. Я сочинилъ къ возвращенію вашему бумагу, которую надеюсь, что признаютъ полезною. Тебѣ, другу моему, первому я прочитаю оную, и когда одобришь, то понесу далѣе. Скажу только теперь, что она лучше голоса, который ты удостоилъ назвать золотымъ. Переводъ манифеста Генріеты [2]) 25 [3]) декабря полученъ былъ въ Англіи и читанъ съ восторгомъ; въ отвѣтъ къ Генріетѣ Александровнѣ пишутъ, что, прочитавъ тотъ манифестъ, воскликнули: не будетъ побѣжденъ народъ, который умѣетъ сочинять таковой манифестъ. Я читалъ французскій переводъ и нашелъ его весьма худо переведеннымъ.

Ты пишешь ко мнѣ, другъ мой, что нечего ко мнѣ писать. Но ты у меня одинъ на землѣ сей другъ, и всякая строчка отъ тебя сладка сердцу моему. Возвратись, другъ мой, и мы будемъ копать гряды вмѣстѣ подъ землянику, а дотолѣ терпѣливо пройдемъ участь нашу; все учреждается Промысломъ Божіимъ: тебѣ суждено проѣзжать поля кровавыя въ настоящее время, а мнѣ сидѣть въ углу, въ селѣ Столыпинѣ [4]), гдѣ желалъ бы я и тебя видѣть, потому что я очень доволенъ своимъ угломъ.—Мнѣ пріятно было читать въ твоемъ письмѣ сужденіе о богемскихъ крестьянахъ. Подобная мысль помѣщена въ бумагѣ моей, въ которой я прохожу всѣ сословія и вопреки мнѣнію многихъ утверждаю, что рускій крестьянинъ щастливѣе равнаго съ нимъ состоянія въ другихъ странахъ.—Вѣсною мы намѣрены ѣхать въ подмосковную нашу [5]) для основанія въ старости жизнь нашу [6]). Дай Боже, чтобы и вы всѣ возвратились къ тому же времени въ Россію. Пора Наполеону умереть: а безъ того не будетъ миру на сей землѣ. Прошу поклонится Василью

назначенъ его членомъ и предсѣдателемъ департамента государственной экономіи.

[1]) Ш. былъ назначенъ на должность государств. секретаря 9 апр. 1812 г. (на мѣсто удаленнаго Сперанскаго).

[2]) Генріетта Александровна, урожд. Коблей (Cobley), дочь англійск. консула въ Ливорно, супруга адм. Н. С. М. съ 1784 г.

[3]) Вторая цифра неразборчива.

[4]) Въ 100 верстахъ отъ Пензы.

[5]) Село Знаменское, 40 в. отъ Москвы, на Клязьмѣ.

[6]) Передѣлано авторомъ изъ „жизни нашей“.

Федоровичу. Генріета моя свидѣтельствуетъ тебѣ свое почтеніе и дружбу. Вчерашній день, перебирая свои бумаги, она прочитала переводъ свой манифеста и тронута была онымъ до слезъ. Правда, что не уступила она въ переводѣ ни одной мысли, ни слова изъ драгоцѣннаго сего манифеста. Прощай, другъ мой, будь здоровъ, веселъ или (?) терпѣливъ. Всему есть конецъ. Преданнѣйшій тебѣ Мордвиновъ.

12 Генваря 1814.
Село Столыпино
Саранскъ.

Будь, другъ мой, веселъ духомъ, воспоминая два изреченія, кои опредѣлили спасеніе отечества нашего и Европы.—1-е. Не опущу меча моего доколѣ единъ изъ враговъ на землѣ моей пребудетъ.—2-е. Да познаемъ въ дѣлѣ семъ Провидѣніе Божіе [1]).—Сіи два изреченія дали основаніе всѣмъ великимъ подвигамъ: направили всѣхъ умы и одну душу составили изъ всѣхъ. Цѣлую руку, написавшую оныя: ими изощрилися мечи.

Сообщилъ В. Пасенко.

[1]) Эти слова переданы авторомъ письма не вполнѣ точно; въ Высоч. рескриптѣ на имя фельдм. гр. Салтыкова отъ 13 іюня 1812 г. говорится: „Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ Царствѣ Моемъ“!.. „Провидѣніе благословитъ праведное Наше дѣло“.

Гимназія 60-хъ годовъ.

(Метаморфоза).

Я поступилъ въ гимназію въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ. За протекшее съ тѣхъ поръ полустолѣтіе многое, конечно, основательно забылось, но нѣкоторые факты и лица такъ глубоко врѣзались въ память, что и теперь встаютъ предъ глазами, какъ живые. Полагаю, что повѣствованіе о нихъ не будетъ лишено интереса для людей, не пережившихъ того періода, но любящихъ вообще „смотрѣть назадъ“ и интересующихся узнать, что и какъ происходило за предѣлами ихъ собственной памяти.

Однимъ изъ отзвуковъ „вѣяній“ той эпохи для нашей гимназіи, какъ и для другихъ учебныхъ заведеній, было между прочимъ то, что приливъ новыхъ учениковъ сталъ быстро превышать емкость зданій, и пришлось спѣшно приступить къ постройкѣ новыхъ зданій.

Наша гимназія стояла въ раіонѣ Чернаго моря и если-бы не случайная близость черноморской столицы, Одессы, съ ея школами, она должна была бы удовлетворять выросшимъ потребностямъ цѣлой губерніи.

Но вмѣстѣ съ перестройкою школьныхъ зданій эпоха эта вызвала необходимость также и во внутренней перестройкѣ людей, составлявшихъ школу. Объ одной такой перестройкѣ человѣка я и затѣялъ настоящее повѣствованіе.

Я подготовлялся у ученика какой-то другой гимназіи, который случайно заѣхалъ въ нашъ городъ отдохнуть за каникулы и не прочь былъ покрыть свои расходы случайнымъ заработкомъ. Учи-

тель и ученикъ были одинаково усердны, и къ концу занятій, длившихся мѣсяца 2—3, первый заявилъ, что второй можетъ поступить прямо во второй классъ.

И дѣйствительно, экзамены у меня пошли блистательно вплоть до экзамена по географіи. Меня готовили по учебнику Одосовскаго (или Ободовскаго?) изданія Министерства Нар. Просв. Первая глава этой книги, дававшая краткое понятіе о космосѣ и носившая подзаголовокъ „физическая географія“, предназначалась для маленькихъ учениковъ низшихъ классовъ, а послѣдняя—для взрослыхъ учениковъ послѣдняго класса.

Разница между первыми и послѣдними главами была не въ манерѣ изложенія, которая была одна и та же для приготовительнаго и для послѣдняго класса, а по своему содержанію. Первая глава была даже серьезнѣе, чѣмъ послѣдняя (описаніе тогда еще очень мало обслѣдованной Австраліи), и способъ ученія былъ для всей книги одинъ и тотъ же—зубрячка, но почему-то нумерація главъ возрастала вмѣстѣ съ нумераціей класса.

Космосъ меня чрезвычайно заинтересовалъ, и я усвоилъ его такъ быстро и такъ основательно, что ввелъ своего юнаго учителя въ заблужденіе: вообразивши, что я все могу учить такъ же успѣшно, онъ задалъ мнѣ и изъ слѣдующей главы такой же большой урокъ. Но эта глава, по подзаголовку именовавшаяся „общимъ описаніемъ частей свѣта“, не поддавалась никакому пониманію и даже не требовала такового: нужно было только вызубрить и помнить, что въ Азіи имѣются Янъ-дзе-Кіангъ, Бендеръ-а-Басъ и еще что-то и еще что-то, а въ другихъ частяхъ свѣта имѣются Гвадалквивиръ, Попокатепель и еще какія-то „трудныя слова“.

У меня все время ушло на то, чтобы научиться читать эти слова по книгѣ безъ рѣзкихъ запинокъ, а ужъ о томъ, чтобы помнить ихъ наизусть, да еще знать, что такое Попокатепель: гора, рѣка, островъ... или знать, въ какой именно части свѣта онъ или она находится,—объ этомъ конечно не могло быть и рѣчи, а между тѣмъ такихъ названій тамъ было нѣсколько таблицъ, вродѣ: „Пекинъ, Нанкинъ и Кантонъ“ или... простите, ей Богу, не помню больше!..

Кончилось тѣмъ, что я къ экзамену никакъ не могъ поручиться, что именно Везувій дышетъ огнемъ, а не Пекинъ или Янъ-дзе-Кіангъ. Усердныя же старанія мои приготовиться къ отвѣтамъ на такіе вопросы привели лишь къ тому, что я на вѣкъ возненавидѣлъ переплеты, оклеенные такою бумагою (мраморною), какою оклеивались изданія Мин-ва Нар. Пр. Меня этотъ рисунокъ прямо раздражалъ...

На экзаменѣ же стряслась еще одна бѣда.

Люди въ нашей мѣстности вообще не отличаются бѣлизною кожи, а моя смуглость превосходила даже мѣстную норму, особенно—къ концу лѣта (а вступительные экзамены вѣдь и бываютъ въ началѣ августа). Прозвище мое, даже среди моихъ земляковъ, было „цыганъ“, къ экзамену же я явился совсѣмъ обугленный.

Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ, экзаменаторъ вздумалъ спросить меня, что я знаю о „черныхъ людяхъ“ (неграхъ). Я принялъ это за намекъ на меня самого, за насмѣшку и, будучи болѣзненно самолюбивъ и стыдливъ, такъ растерялся и надулся, что самъ экзаменаторъ опѣшилъ: посмотрѣлъ на меня съ изумленіемъ и вывелъ себя изъ затрудненія тѣмъ, что поставилъ мнѣ „колъ“.

Экзаменаторъ этотъ былъ гимназическій учитель Николай Николаевичъ Ш.—герой моего разсказа.

Онъ былъ великороссъ, которыхъ у насъ и называютъ и дразнятъ „кацапами“, и говорилъ на распѣвъ, произнося на о и нѣсколько въ носъ.

Въ городѣ у насъ было очень мало „кацаповъ“ съ такимъ выговоромъ, а тѣ, которые были, почти всѣ занимались бочарнымъ ремесломъ („бондари“) и повязывали голову ремешкомъ.

У меня въ умѣ настолько сплелись понятія о „кацапѣ“ и о „бондарѣ“, что я и Н. Н. Ш. счелъ за бондаря, сбросившаго ремешокъ съ головы и перемѣнившаго клепки и обручи на карты и глобусъ

Этотъ взглядъ на учителя Ш. еще болѣе утвердился во мнѣ впослѣдствіи, когда я услышалъ, какъ Н. Н. размашисто ругается въ классѣ и вообще мало въ чемъ себя стѣсняетъ.

Въ городѣ всѣмъ было извѣстно, что только тѣ навѣрняка выдерживаютъ вступительный экзаменъ, которые „готовились“ у Ш., и что большинство провалившихся обязаны своимъ проваломъ экзамену именно по географіи, а потому—какъ ни бѣдны были мои родные,—они и меня послали „взять урокъ у Ш.“, снабдивъ меня синенькой бумажкой, которую тогда называли „ассигнаціей“, которая мнѣ казалась цѣлымъ капиталомъ, и которая мнѣ причинила такъ много заботъ, пока я ее несъ, что я поспѣшилъ сунуть ее Ш—у въ руки еще до урока, хотя мнѣ приказано было отдать ее послѣ урока.

Дома „бондарь“ меня поразилъ своею привѣтливостью, которая была тѣмъ поразительнѣе, что напоминала улыбку медвѣдя, если только вы можете себѣ представить улыбающагося медвѣдя...

За этотъ урокъ (единственный) я ничего новаго не услышалъ, однако въ гимназію, во второй классъ, я попалъ, и даже—безъ переэкзаменовки... Вѣроятно „единицы“ для того и существовали, чтобы „пятерки“ ихъ передѣлывали въ „четверки“...

(Извините, я не хотѣлъ скаламбурить, это само написалось...)

Дидактическій пріемъ этого добраго и иначе милаго человѣка, но—сына своего, дореформеннаго времени—такъ же отдавалъ обломовщиной, какъ его невыпрямленная, хотя и красивая фигура, его апатичный, хотя и отчетливый говоръ въ носъ и все пр. Пріемъ этотъ состоялъ въ слѣдующемъ.

Николай Николаевичъ, совсѣмъ еще молодой человѣкъ, совершивши обрядъ записыванія въ журналъ отсутствующихъ учениковъ и извергнувши всѣ тѣ ругательства, которыя требовались для успокоенія класса, еще не пришедшаго въ порядокъ послѣ игръ во время перемѣны, опирается обѣими руками въ столикъ, чуть не кряхтя подымаетъ свою довольно замѣтно уже оплывающую большую фигуру и направляется къ доскѣ. Но по обыкновенію изъ лѣни не выпрямляется во весь ростъ, а потому онъ не сходитъ, а будто—сбрасываетъ самъ себя съ каѳедры. При этомъ онъ каждый разъ забываетъ, что нужно захватить съ собою также и каблуки отъ сапогъ, вслѣдствіе чего каблуки задѣваютъ край каѳедры и Н. Н. не подходитъ, а валится къ доскѣ. Упершись въ нее руками, чтобы не клюнуть носомъ, онъ сердито, но безъ злобы (таковой у него въ душѣ вовсе не было) оглядывается на виноватую во всемъ этомъ каѳедру, отпускаетъ по ея адресу одно изъ выраженій своего интимнаго словаря, „плюетъ ей въ рожу“ (заимствую изъ того же словаря) и берется за мѣлокъ.

Ученики, за его спиной, принимаются за свое: втихомолку играютъ въ „тѣсную бабу“, лазятъ по партамъ, швыряютъ другъ въ друга книгами и увѣшиваютъ потолокъ чертиками.

На доскѣ за это время выростаетъ цѣлая страна (недурно начерченная отъ руки карта), съ горами, рѣками, морями, городами и проч.

Какая бы страна на доскѣ ни появилась, это безразлично, разсказъ о ней неизмѣнно слѣдуетъ все одинъ и тотъ же: съ сѣвера граничитъ... Поверхность ея... Орошеніе составляютъ и т. д. вплоть до перечня городовъ, которыхъ дается отъ одного до десяти (смотря по странѣ).

Послѣ этой „лекціи по шаблону“ слѣдуетъ обрядъ спрашиванія предыдущаго.

— „Ну, восклицаетъ глава класса, не безъ досады на необходимость выбрать жертву, „кто тамъ?“ „Ну, ты, что-ли!“

„Ты“, указанный пальцемъ бѣлой, красивой, но далеко не холенной руки, подымается съ мѣста, и напутствуемый щипками и толчками вылѣзаетъ изъ промежъ партъ, отправляется къ доскѣ и стираетъ ее. Дается тема, и начинается у доски черченіе, а на

Библиотека-Читальня
московскаго союза

партахъ возня подъ учительскимъ глазомъ. Возня не малая, ибо „глазъ“ углубленъ въ безцѣльное созерцаніе журнала, при чемъ голова лѣниво покоится на сложенныхъ рукахъ, которыя также лѣниво покоятся съ растопыренными локтями на столѣ.

Отъ времени до времени, впрочемъ, „глазъ“ подымается, но лишь на такое короткое мгновеніе, какое требуется для произнесенія одного изъ тѣхъ словечекъ, которымъ приписывалось магическое свойство усмирять расходившійся классъ.

Чертежъ на доскѣ оконченъ. „Ты“, стоящій у доски, начинаетъ свой разсказъ по шаблону: „съ сѣвера граничитъ“ и „жаритъ“, жаритъ, жаритъ безъ остановки, а съ каѳедры все это время раздается ровное сопѣніе, сначала piano, потомъ crescendo, crescondo. Но вотъ „Ты“ дошелъ до послѣдняго города и замолкъ: сопѣніе моментально обрывается, голова пожимается, прописывается баллъ и къ доскѣ отсылается другой „Ты“...

Этотъ „Ты“ знаетъ, что баллъ всецѣло зависитъ отъ степени crescendo, до котораго дойдетъ каѳедральное сопѣніе: если дойдетъ до forte assai, будетъ пятерка, а то—и съ плюсомъ, при piano-pianissimo будетъ двойка и т. д., съ этимъ онъ и соразмѣряетъ свой разсказъ. Если послѣ послѣдняго города на каѳедрѣ все еще довольно piano, онъ вслѣдъ за городомъ безъ перерыва продолжаетъ: „съ сѣвера граничитъ“ и слѣдуетъ опять вся панорама Da Capo al Fine... Если это наскучитъ, то вмѣсто „съ сѣвера граничитъ“ начинается: „по улицамъ слона водили“ и т. д., пока не достигнется цѣль, т. е. пока съ каѳедры не послышится легкое всхрапываньe. Тогда ораторъ можетъ оборвать на любомъ мѣстѣ въ увѣренности, что балъ будетъ хорошій. Забавно выходило, если ораторъ удачно подбиралъ слово, на которомъ обрывать „урокъ“. Особенно ловко продѣлывалъ это Бѣлунъ, отличный ученикъ, но дерзкій и необычайно смѣлый шалунъ. Оборветъ напр. на возгласѣ „услужливый дуракъ“ и заставитъ голову поднять какъ-бы въ откликъ на призывъ.

Визави съ домомъ моихъ родныхъ стоялъ трехъ-оконный домикъ, типичной провинціальной постройки.

Домикъ этотъ, съ садомъ позади и просторнымъ палисадникомъ на улицу, утопалъ въ листвѣ деревъ и кустовъ, такъ-что проникнуть глазамъ сквозь эти живыя жалюзи во внутренность дома не было никакой возможности. Не видалъ я также, чтобы когда-нибудь отпирались ворота у этого домика или расхлебяшилась бы калитка, и я, знавшій всѣхъ лошадей, всѣ экипажи, всѣхъ кучеровъ и водо-

возовъ въ городѣ, не могъ бы сказать, есть ли во дворѣ этого домика телѣга или лошадь и пр.

Тѣмъ не менѣе отъ домика съ акуратненько убраннымъ садикомъ не несло мертвечиной: отъ него пахло уютной тишиной, старческимъ покоемъ: въ немъ жила „бабушка".

Былъ ли кто-нибудь изъ нашей многолюдной семьи знакомъ съ „бабушкой", имѣлъ ли кто-нибудь съ нею дѣла,—не знаю, но занимала она нашихъ и разговоровъ о ней у насъ было не мало; изъ частыхъ разговоровъ этихъ я узналъ, что кромѣ „бабушки" существуетъ еще и „внучка". Эта внучка уѣхала: она учится въ институтѣ. Вотъ все, что я могъ бы тогда сообщить объ обитателяхъ трехъ-оконнаго домика, а теперь имѣю сообщить нѣчто, совсѣмъ иное...

Въ одинъ прекрасный день многолюдная дамская половина нашего дома пришла въ необыкновенное волненіе:—пріѣхала бабушкина внучка!

Кого это касалось, кромѣ „бабушки" и почему касалось—сказать не могу, но цѣлый день бабушкину внучку и ея возвращеніе окончившею курсъ наукъ склоняли и спрятали въ домѣ въ нѣсколько голосовъ, безъ умолку и съ большимъ оживленіемъ.

Во мнѣ эти усиленные толки лишь заронили мысль, что „бабушкина внучка" должно быть не просто дѣвица, а какое-то совсѣмъ необыкновенное существо. Внушить себѣ такое убѣжденіе для меня было тѣмъ легче, что я собственно никогда не видѣлъ ни „бабушки", ни „бабушкиной внучки", да и не любопытствовалъ увидѣть ихъ, а то, что о нихъ говорили, я или не слушалъ или еще не понималъ.

Прошло сколько-то времени, и до моего слуха дошло, что „бабушкина внучка" поступила преподавательницей въ школу барышенъ Г. Это была частная и единственная въ то время русская средняя школа, которая впрочемъ впослѣдствіи получила и формальныя права женской гимназіи.

Поступленіе „бабушкиной внучки" въ учительницы почему-то профанировало ее въ моихъ глазахъ.—Должно быть я тогда думалъ, что учительское дѣло—пошлое дѣло, и что необыкновенныя существа должны или ничего не дѣлать или дѣлать что-нибудь этакое, необыкновенное, а не просто служить, какъ и другіе, при какомъ-нибудь заурядномъ дѣлѣ.

Что всякое дѣло можно опошлить до заурядности, что учительское дѣло само по себѣ вовсе не заурядное, что всякое дѣло можно поднять до „необыкновенности"... мнѣ ничто въ нашемъ городѣ въ тѣ дни не могло подсказать.

Прошло еще сколько-то времени, и новый слухъ о „бабушкиной внучкѣ“ окончательно сбилъ меня съ толку: эта „необыкновенная“ вздумала ни больше ни меньше, какъ просто выйти замужъ!... да еще ни за кого иного, какъ за... нашего Николая Николаевича!?...

Вотъ такъ фунтъ! Вотъ уже дѣйствительно нѣчто необыкновенное...

А на самомъ дѣлѣ и впрямь вышло нѣчто совсѣмъ необыкновенное.

Нашъ, сопящій и ругающійся Николай Николаевичъ исчезъ вмѣстѣ со своимъ учебникомъ, съ „съ сѣвера граничит'омъ“, съ чертежами, журналомъ, сопѣніемъ и пр. Вмѣсто него въ классахъ сталъ появляться какой-то совсѣмъ новый Николай Николаевичъ, дѣятельный, подвижной, еле когда садившійся на свой стулъ учитель географіи, но не той географіи, которая „съ сѣвера граничитъ“, а съ какой-то совсѣмъ новой, интересной, увлекающей и учителя и учениковъ, однимъ словомъ—„необыкновенной“. Учебники тоже появились какіе-то „необыкновенные“: въ младшихъ классахъ одни, съ иллюстраціями, а въ старшихъ—другіе. Даже черченіе картъ стало „необыкновенное“: правильное, легко усваиваемое и пр.

Да и за стѣнами гимназіи, въ обществѣ, появился совсѣмъ новый какой-то молодой человѣкъ, новый Николай Николаевичъ, веселый, добрый, остроумный, вѣчно что-то устраивающій...

Припоминается мнѣ одинъ пикникъ съ участіемъ этого „необыкновеннившагося“ Николая Николаевича.

На другомъ берегу нашей широкой рѣки, при впаденіи одного изъ ея безчисленныхъ рукавовъ, образовывалась коса, живописно заросшая среди камышей громадными вербами. Живописность мѣстности усугублялась, подчеркивалась—такъ сказать—одиноко стоявшей тамъ давно заброшенной, обветшавшей хатой, крытой камышомъ и полуразвалившимся досчатымъ сараемъ при ней. До тѣхъ поръ никто не обращалъ вниманія на это красивое мѣстечко, хотя почти всѣ его знали, ѣздили мимо него по рѣкѣ въ сосѣднюю мѣстность; но вотъ откуда-то появился въ нашемъ городѣ настоящій фейерверкеръ, а по рукамъ заходило приглашеніе подписаться на „Венеціанскій вечеръ“, устраиваемой на этой именно косѣ, съ фейерверкомъ и пр. пикниковыми развлеченіями.

Въ условленный день и часъ подписавшіеся нашли у пристани небольшой пассажирскій пароходикъ подъ парами, размѣстились на немъ, переправились на ту сторону и стали кутить, т. е. пить чай, закусывать привезенными бутербродами; устроились игры, танцы, пѣніе хоромъ и пр., а когда стемнѣло, всѣ усѣлись на травѣ противъ сарая. Вотъ взвилась ракета, другая, третья: темнота ночи и

стѣны сарая стали освѣщаться перемѣнными разноцвѣтными огнями; въ воздухѣ то и дѣло вздымались огненные клубки отъ „римскихъ свѣчей“: то синіе, то красные, желтые, появился экранъ съ нарисованнымъ на немъ „Самсономъ, раздирающимъ льва“, изъ-за экрана шипя брызнула огненная струя, яко-бы изъ пасти раздираемаго льва, затѣмъ еще и еще что-то съ разноцвѣтными огнями и удушливымъ запахомъ сѣры и пороха.

Наконецъ программа фейерверка, а съ ней—запасы и изобрѣтательность фейерверкера истощились, ночь сдѣлалась гуще, на косѣ стало смрадно, пароходъ далъ гудокъ, и всѣ шумно бросились къ берегу. Взобраться на пароходъ по импровизированнымъ сходнямъ при полномъ отсутствіи какого-либо освѣщенія было не совсѣмъ просто. Николай Николаевичъ взобрался на шкиперскую вышку и оттуда энергично распоряжался посадкою пассажировъ, которые шумѣли, визжали, хохотали, ахали, перекликались. Было шумно!.. Но одинъ, звонкій, бодрый голосъ властно перекрывалъ весь этотъ гамъ. Это былъ голосъ Николая Николаевича, но Николай Николаевичъ былъ не тотъ, котораго мы раньше видывали дремлющимъ на каѳедрѣ, а новый Николай Николаевичъ, котораго вывела изъ дремоты и разбудила „необыкновенная бабушкина внучка“.

Всѣ благополучно взгромоздились на кораблик, и онъ послѣ короткаго свистка сталъ отчаливать, публика вдругъ присмирѣла:— „ангелъ родился“, что называется... Въ эту минуту общей тишины все еще стоявшій на вышкѣ Николай Николаевичъ простеръ руки къ обезпокоенной старой хатѣ и ея зіявшему широкими брешами сараю, сталъ въ драматическую позу и съ неподражаемою комическою торжественностью возгласилъ:

„Прощай, Венеція“!

Старый сарай на безлюдномъ берегу, заросшемъ камышами, непроглядная тьма, клубы удушливаго дыма, и комически-торжественный прощальный привѣтъ, а главное—общее веселое настроеніе сдѣлали эту „географическую“ шутку такою уморительною, что у меня какъ-будто и сейчасъ еще раздается въ ушахъ тотъ взрывъ гомерическаго хохота, который явился послѣднимъ, звучнѣйшимъ аккордомъ веселаго пикника обновленнаго Николая Николаевича...

Да, я теперь понимаю, почему „бабушкина внучка“ заставила людей говорить о себѣ цѣлый день... Я понялъ, что она дѣйствительно была „необыкновенная“, если она сумѣла отыскать и оживить въ душѣ мздоимца-учителя такія струны, чуть было не заглохшія въ тинѣ дореформенныхъ дней, при помощи которыхъ она обратила сонливаго прецептора въ дѣльнаго, трудолюбиваго педагога,

а непристойно ругающагося бондаря въ привлекательнаго члена общества всякой компаніи, симпатичнаго типа „души-общества“, въ лучшемъ смыслѣ слова.

Необыкновенность „внучки“ очевидно состояла въ томъ, что она была изъ тѣхъ женщинъ, которыя умѣютъ не только родить человѣка, но и переродить ранѣе рожденнаго...

Я не говорилъ о „бабушкиной внучкѣ“ тогда, когда другіе говорили о ней по цѣлымъ днямъ, но вамъ я поговорилъ теперь. Лучше поздно, чѣмъ никогда, и дай Богъ, чтобъ эти запоздалыя строки, вмѣстѣ съ моимъ привѣтомъ, розыскали гдѣ-нибудь на широкой груди нашей необъятной родины „внучку“ здравствующею „бабушкой“ и доставили бы ей случай еще разъ пережить душою давно отжитое прекрасное, въ обильной массѣ котораго тѣхъ дней она не затерялась, а заслуженно удержала за собою значеніе „необыкновенной“.

И да не устанетъ земля русская еще и еще плодить подобныхъ ей и на будущія времена...

Старикъ.

Марія Извѣкова.

Знаете ли вы дѣвицу Марію Извѣкову, читали ли вы романы дѣвицы Маріи Извѣковой?.. Если нѣтъ, то бѣгите въ книжную лавку, попросите книгопродавца порыться въ его погребѣ и кладовыхъ,—этихъ книжныхъ кладбищахъ, и отыскать вамъ романы дѣвицы Маріи Извѣковой, если ихъ еще не съѣли мыши, и прочтите ихъ какъ можно скорѣе...

Каковы одни заглавія—такъ и дышутъ чистѣйшей нравственностью! А содержаніе еще лучше, еще нравственнѣе, хотя надо признаться—невообразимо скучно.

Его составляютъ происшествія, въ которыхъ дѣйствуютъ лица безъ образовъ...

Романы г-жи Извѣковой кромѣ чистѣйшей нравственности проникнуты еще нѣжнѣйшей чувствительностью, и, вѣроятно, многихъ слезъ стоили они прекраснымъ читательницамъ того времени... Такъ отзывался Бѣлинскій въ 1843 г. о совершенно забытой въ его время писательницѣ. Однако онъ выбралъ именно ее для своего очерка о женскомъ творчествѣ былыхъ временъ, написанномъ по поводу собранія сочиненій Зинаиды Р—вой (Елены Ганъ) [1]. Обычная чуткость критика не обманула его: беллетристка-дилеттантка, Марія Евграфовна Извѣкова, дѣйствительно, довольно любопытное явленіе для своего времени и своего общества.

---

[1]) Соч. изд. 1883 г., ч. 7-я стр. 161-я.

Современники оставили очень мало свѣдѣній о ея жизни. Извѣкова появилась въ Москвѣ около 1805 г. Въ обѣихъ столицахъ въ эту пору нарождалось много маленькихъ литературныхъ кружковъ; очень немногіе изъ нихъ сумѣли проявить замѣтное вліяніе въ общественной и культурной жизни, но всѣ они были въ свое время полезны и нужны, удовлетворяя потребности своихъ членовъ въ постоянномъ взаимномъ общеніи. Женщины принимали въ этихъ кружкахъ живое и дѣятельное участіе; роль ихъ становилась замѣтной и вліятельной. Въ Москвѣ возникали журналы „для дамъ“; въ кружкахъ интересовались литературными опытами женщинъ. По словамъ одного изъ поклонниковъ женскаго творчества, М. Макарова [1]), около 1805 г. въ Москвѣ заговорили, что дѣвица съ хорошимъ состояніемъ пріѣхала изъ провинціи въ столицу только для того, чтобы издавать романы, написанные во вкусѣ г-жи Жанлисъ; послышались толки и пересуды.—„Дѣвица Извѣкова не должна была спѣшить съ изданіемъ своихъ романовъ, замѣчаетъ тотъ же благосклонный современникъ, ей бы слѣдовало искать связей у двора литературнаго, и, шутки въ сторону,—просить совѣтовъ,—но желанія питомицы музъ были рѣшительны“... Очевидно, москвичи удивились, и даже немного обижались, что юная дебютантка выступила внѣ связей съ литературными кружками, упорная въ своей одинокой самостоятельной карьерѣ.

Извѣкова пріѣхала въ Москву, вѣрнѣе, слѣдуетъ думать, была привезена матерью и родными, чтобы составить себѣ имя, блеснуть талантами. Ей было тогда не болѣе 15-ти, 16-ти лѣтъ. Въ одномъ изъ предисловій она сама заявляетъ, что писала первый романъ на 16-мъ году [2]). Кромѣ замѣтки Макарова, не сохранилось другихъ извѣстій о ея жизни въ Москвѣ. Но она, вѣроятно, являлась въ свѣтѣ, и родные не безъ гордости представляли ее какъ писательницу; а любопытное московское общество судило и рядило о ней, но суховато и не безъ ехидства,—вѣдь ее выдвигали безъ зайскиваній передъ „свѣтомъ“.

Уже въ 1806-мъ году Извѣкова выпустила свой первый романъ въ 4-хъ томахъ,—„отмѣнно длинный, нравоучительный и чинный“.—Тономъ полнымъ достоинства она посвятила его императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, почитая въ ея особѣ—„покровительницу наукъ, пекущуюся о просвѣщеніи нѣжнаго пола“.—Императрица отдарила ее

---

[1]) „Дамскій Жур.“ 1830 г. т. II №№ 51—52 стр. 117.

[2]) Кн. Голицынъ, „Словарь рус. писательницъ“ 122 стр. говоритъ, что Извѣкова род. 12 фев. 1794 г. Не могла же она писать романы въ 11, 12-ть лѣтъ.

перстнемъ. Въ предисловіи она выражаетъ увѣренность, что публика окажетъ снисхожденіе первому труду новичка, извинитъ неопытность молодой дѣвушки, писавшей безъ руководства учителей по одной природной склонности къ литературѣ; она выпустила его въ свѣтъ, только повинуясь волѣ матери и уважая просьбы родныхъ и друзей.—Оговорка вполнѣ во вкусѣ г-жи Жанлисъ, которая рѣзко осуждала бойкихъ дѣвицъ, способныхъ распространять свои мысли среди незнакомыхъ въ двухъ тысячахъ экземплярахъ и болѣе; дѣвицамъ не подобаетъ проявлять личную иниціативу въ такомъ дѣлѣ; онѣ должны руководиться волею старшихъ. Въ семьѣ Извѣковыхъ, повидимому, знали правила модной писательницы, и рука начитанной матери направляла авторскіе подвиги юной Маріи.

Первое произведеніе „Эмилія или печальныя слѣдствія безразсудной любви“ [1]) по обилію эпизодовъ вмѣщаетъ нѣсколько романовъ; львиная доля страницъ отведена разсказамъ матерей, отторгнутыхъ злодѣями отъ семействъ, или похищенныхъ и найденныхъ дѣтей.

Всѣ герои необычайно добродѣтельные, особенно матери, вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ смѣлы и дѣятельны въ безпрерывной борьбѣ съ препятствіями. Какъ почти во всѣхъ произведеніяхъ Извѣковой, мѣсто дѣйствія скрывается въ туманѣ; герои вращаются въ „нѣкіемъ царствѣ“, часто переносясь „за тридевять земель“, на необитаемые острова. Дочь придворнаго, Эмилія, противъ воли родителей обвѣнчалась съ наслѣднымъ принцемъ, имѣла двоихъ дѣтей. Интересны тѣ моменты ихъ тайнаго сожительства, когда наслѣдникъ, перейдя на положеніе простого смертнаго, началъ задумываться; полная искренность между супругами исчезла. Эмилія почувствовала, что не имѣла права похищать у страны политическаго дѣятеля и хорошаго государя у народа. Принца-бѣглеца нашли; вернули въ столицу и женили на принцессѣ. Далѣе три томика наполнены необычайными приключеніями Эмиліи, ея матери, дѣтей, товарищей по несчастью и злодѣяніями ея отца. Отцы у Извѣковой или тиранны, или въ лучшемъ случаѣ легкомысленные люди. Наконецъ героиня умираетъ въ присутствіи принца, его признанной женой, а ея пасынокъ изъявляетъ даже готовность уступить права наслѣдованія ея сыну.

Даже современникъ Макаровъ [2]) видитъ въ этомъ романѣ только

---

[1]) Сочиненія М. Извѣковой имѣются въ Имп. Пуб. Библіотекѣ.
[2]) „Дамскій Жур.“ 1830 г. т. II, тоже.

„портретную живопись“ съ иностранныхъ образцовъ, находя признаки нѣкоторой самостоятельности лишь въ послѣднемъ по времени трудѣ Извѣковой. Но тутъ нѣтъ и живописи; незамѣтно даже работы молодой руки; это какая-то безудержная болтовня старой разсказчицы. Можно думать, что страстная мать усердно помогала дочери своей начитанностью въ модной беллетристикѣ.

Въ слѣдующемъ 1807 г. дѣвица Извѣкова издала свою драму „Альфонсъ и Флерестина или счастливый оборотъ“. Сюжетъ тотъ же—приключенія молодой женщины, разлученной съ мужемъ его отцомъ-злодѣемъ.

Самая форма изложенія мѣшаетъ развитію старческой болтовни, и стиль письма становится моложе. Здѣсь интересна субретка, говорящая въ духѣ сентиментальнаго демократизма французскихъ комедій конца XVIII-го вѣка [1]):

„Вы думаете, графъ, что мы, бѣдныя твари, рождены единственно для вашихъ услугъ, и что даже мысли наши ограничиваются только нашею должностью. Конечно, мы большею частью должны молчать, но замѣчать и чувствовать—никто не властенъ отнять у насъ этого права!“ и т. д. Ея госпожа, съ своей стороны, проявляетъ сознательное отношеніе къ тяжелому положенію дѣвушекъ въ обществѣ, даже красивыхъ и богатыхъ; вниманіе, почетъ, любезности поклонниковъ не вознаграждаютъ ихъ за душевныя муки, порождаемыя строгимъ осужденіемъ каждаго ихъ смѣлаго поступка, каждой неосторожности, которое произноситъ взыскательный свѣтъ; юноши не имѣютъ и понятія о нравственныхъ искусахъ, выпадающихъ на долю дѣвицъ [2]).

Послѣ 1807-го года семья Извѣковыхъ перебралась въ Петербургъ. Тамъ въ 1809 году Марья Евграфовна выпустила второй большой романъ въ трехъ томикахъ—„Торжествующая добродѣтель надъ коварствомъ и злобою“.—Въ предисловіи она благодаритъ публику за лестныя похвалы своему первому опыту; онѣ побудили ее вновь приняться за работу и представить трогательныя картины страждущей невинности, дабы утвердить въ сердцахъ читателей правила добронравія. О! какъ бы ей хотѣлось быть полезной! Это желаніе и любовь къ отечеству защитятъ ее отъ „ядовитыхъ стрѣлъ критики“. Героиня романа,—„будучи воспитана въ уединеніи и имѣя свободное сердце... безъ принужденія послѣдовала волѣ отца своего и приняла супруга отъ руки его“. Но скоро сердце заговорило: она

---

[1]) „Альфонсъ и Флорестина“, д. II-ое, стр. 42.

[2]) То же стр. 61.

влюбилась въ одного изъ своихъ поклонниковъ, но сохранила самую нѣжную любовь и преданность къ своему мужу;—новое и довольно интересное положеніе въ сочиненіи дѣвицы-дилеттантки начала XIX-го вѣка! Въ этомъ романѣ всѣ женщины необыкновенно смѣлы и полны иниціативы, затягивая своей энергіей мужчинъ. Героиня, переодѣтая въ платье мужа, выходитъ вмѣсто него на дуэль, чтобы спасти мужа и жениха сестры отъ опасности, и спасаетъ обоихъ [1]).

Въ томъ же году вышло лучшее изъ произведеній Извѣковой—„Милена или рѣдкій примѣръ великодушія“,—романъ, разумно умѣстившійся въ одинъ томикъ. Впервые дѣйствіе происходитъ въ Россіи, въ губернскомъ городѣ. Кое-гдѣ мелькаютъ даже попытки нарисовать обстановку, отвѣчающую душевному настроенію героевъ. Романъ посвященъ „наидостойнѣйшей матери“, отдавшей жизнь и силы воспитанію дочери—автора; все предисловіе—панегирикъ этой добродѣтельной воспитательницы.—Милена получила ложное извѣстіе о гибели своего жениха, и въ состояніи скорбнаго безразличія вышла за другого искателя, легкомысленнаго, капризнаго мота. У нея уже есть сынъ, когда она встрѣчаетъ Виктора, перваго жениха. Разгорается тяжелая душевная драма. Мужъ и его родные мучаютъ, запираютъ Милену; но Викторъ всюду находитъ ее. Она старается успокоить себя тѣмъ, что мать, имѣющая прелестнаго ребенка, не можетъ быть несчастной, но чувство все-таки рвется наружу:—„О Викторъ! тщетно бы я старалась себя обманывать; ты знаешь, что я люблю тебя; ты первый обратилъ мое вниманіе, ты далъ мнѣ почувствовать, что я имѣю сердце, и признаюсь, что почла бы за первое счастье быть тобой любимой, если бы могла желать того безъ угрызенія совѣсти. Викторъ, я люблю тебя, люблю больше всего на свѣтѣ, но честь и Миловзоръ (ея сынъ) мнѣ драгоцѣннѣе и самого тебя“ [2]).

Когда мужъ оказался двоеженцемъ и попалъ въ тюрьму, Милена великодушно спасаетъ его, заявивъ, что ея измѣна оттолкнула отъ нея мужа, она боялась, какъ бы безчестіе отца не отразилось на судьбѣ сына. Послѣ смерти мужа ея самообвиненіе открылось, и весь судъ единодушно преклонился передъ ея нравственнымъ величіемъ. Она упорно желала постричься, но Виктору удалось спасти жизнь ея ребенку, и она согласилась выйти за него.

„Милена“ очень интересна для своего времени, какъ пока-

---

[1]) „Торжество добродѣтели“, т. I-й, стр. 92.

[2]) „Милена“, стр. 135.

затель наростанія нѣкотораго, еще слишкомъ индивидуальнаго, гражданскаго сознанія на почвѣ сентиментальныхъ настроеній; въ романѣ проявились намеки на душевный строй слѣдующаго поколѣнія русскихъ женщинъ, среди котораго Пушкинъ нашелъ ту,—„съ которой образованъ Татьяны милый идеалъ“. На 20 лѣтъ ранѣе въ многословномъ, устарѣломъ стилѣ Милена произноситъ знаменитое:—„я васъ люблю,—къ чему лукавить!“... А современницы Татьяны, жены декабристовъ, идутъ спасать мужей и возлюбленныхъ цѣною своихъ жизней, гражданскихъ правъ и репутацій... Вообще, женщины этихъ поколѣній уже съ трудомъ выносятъ тягость стараго патріархальнаго быта; въ романахъ Извѣковой одна любовь матерей создаетъ и поддерживаетъ семейный очагъ, а не власть отцовъ, избалованныхъ и испорченныхъ огромными общественными привилегіями.

Послѣ „Милены“ Марія Извѣкова ничего не печатала; она вскорѣ вышла замужъ. Лишилась ли она руководства своей матери, или ея литературная дѣятельность встрѣтилась съ противодѣйствіемъ мужа и новой семьи? На счетъ этого можно строить какія угодно догадки; но послѣ энергичной 4 лѣтней работы она вдругъ умолкла, едва начавъ самостоятельно развиваться. Впрочемъ, для себя она продолжала работать въ тиши своихъ покоевъ: послѣ нея осталось много рукописныхъ сочиненій; что съ ними произошло—пока неизвѣстно; а жаль,—они могли бы сохранить не мало любопытнаго матеріала для исторіи русскаго общества ея времени.—Марія Евграфовна скончалась 15-го января 1830 г., женой дѣйств. ст. сов. Николая Ѳедоровича Бедряги.

Что сказать о литературномъ достоинствѣ произведеній Извѣковой! Несомнѣнно, согласиться съ Бѣлинскимъ: они невыносимо скучны для публики его времени, неудобочитаемы и непостижимо наивны, но они отвѣчали вкусамъ широкой публики своего времени, и русскія читательницы, поглощавшія ихъ, ничуть не отставали отъ представительницъ просвѣщеннаго запада. Подобные романы читались во Франціи нарасхватъ.—Слѣдуетъ отодвинуть въ сторону сочиненія г-жи Сталь и Шатобріана, чтобы составить себѣ отчетливое представленіе о литературѣ, которой зачитывались во время 1-й имперіи, говоритъ извѣстный изслѣдователь французской словесности [1]). Тогда царили романы, состоявшіе изъ цѣпи невѣроятныхъ приключеній, сентиментальныхъ изліяній говоруновъ и говоруній,

---

[1]) „Hist. de la langue et de la littér. franç“. Pètit de Julleville. VII, p. 138.

туманныхъ образовъ безъ малѣйшихъ признаковъ индивидуальности, вращающихся въ неопредѣленныхъ пространствахъ безъ намека на мѣстный колоритъ. Можно думать, что ихъ писали для подростковъ и очень молодыхъ женщинъ, но ихъ обожалъ самъ Наполеонъ I-й. Авторами этихъ романовъ были преимущественно женщины—г-жи Коттэнь, Жанлисъ, Суза и др. и братья Дюкре-Дюменильь. По ихъ стопамъ пыталась идти наивная Марія Извѣкова.

Е. Щепкина.

Духовная школа по воспоминаніямъ ея воспитанника и воспитателя съ 1863 г.

Подготовляясь къ поступленію въ школу и обучаясь въ ней, мнѣ часто приходилось слышать одно и то же, всѣмъ извѣстное, изреченіе: „корень ученія горекъ, а плоды его сладки“. И это было единственнымъ утѣшеніемъ и поощреніемъ для учащихся при прохожденіи и изученіи положенныхъ въ учебномъ заведеніи предметовъ. Попытокъ же и стремленія сдѣлать этотъ корень менѣе горькимъ не было видно ни со стороны родителей, ни со стороны учителей.

Правда, родители все-таки, такъ или иначе, старались облегчить горькую участь своихъ дѣтей хотя бы, напримѣръ, частымъ услажденіемъ ихъ гостинцами и своимъ сердечнымъ участіемъ въ ихъ горькой долѣ; но со стороны воспитателей и учителей этого старанія не было видно. Они какъ бы забывали, что имѣютъ дѣло съ малолѣтними дѣтьми, нуждающимися въ строгости и ласкѣ, но всегда вели себя сухо, формально и безучастно, а потому и учащіеся держали себя отъ нихъ особнякомъ, не чувствовали къ нимъ никакой привязанности, а только одинъ страхъ. Изъ учащихся дѣтей составлялось такимъ образомъ особое общество, особенный враждебный лагерь, который заботился только о томъ, какъ бы провести и обмануть своего учителя, и чѣмъ кто лучше проводилъ или обманывалъ его, тѣмъ большей похвалы и одобренія онъ заслуживалъ отъ товарищей. Вотъ гдѣ горечь корня ученія и источникъ скрытности, замкнутости учащихся дѣтей и всякихъ

ученическихъ продѣлокъ, какими была особенно богата школа шестидесятыхъ годовъ! Въ этихъ годахъ наставниками въ низшихъ духовныхъ школахъ были лица со среднимъ образованіемъ, обыкновенно изъ лучшихъ студентовъ семинаріи. Но какъ теперь, такъ и тогда, наставники приступали къ своему дѣлу безъ всякой практической подготовки и опыта, а подчасъ и безъ основательнаго знанія своихъ предметовъ и существовавшихъ по нимъ учебниковъ и руководствъ, а посему и естественно было имъ говорить: „корень ученія горекъ“. Учащимся тяжело было учиться при безучастности и неопытности ихъ руководителей, не умѣвшихъ надлежаще располагать учебный матеріалъ, отличать въ немъ болѣе существенное отъ менѣе существеннаго, а учителямъ тяжело было руководить учащимися при ихъ неосвѣдомленности въ предметахъ и неопытности, тѣмъ болѣе еще, что эти наставники, при скудности тогдашняго вознагражденія за трудъ, не могли долго оставаться въ своихъ должностяхъ, чтобы пріобрѣсти необходимую опытность и надлежащую освѣдомленность въ своемъ дѣлѣ. Результатомъ такого положенія дѣла въ училищѣ и было то, что учащіеся дѣйствительно обречены были на полное безпомощное одиночество, на упорный и усидчивый трудъ, а посему и успѣвали только даровитые и трудолюбивые, а остальные, просидѣвши въ низшей школѣ до 19 или 20 лѣтъ, ограничивали свое образованіе этой школой, и такихъ въ каждый выпускъ было не мало.

При отсутствіи тѣсной нравственной связи между учащими и учащимися и нравственно-разумнаго воздѣйствія первыхъ на послѣднихъ, въ тогдашней школѣ много было и другихъ неблагопріятныхъ для успѣшности дѣла условій. Дѣти поступали въ училище съ весьма плохой подготовкой, еле умѣющія читать и писать, а приготовительныхъ классовъ не было. Жили учащіеся большею частью по частнымъ тѣснымъ и грязнымъ квартирамъ, группами по 10 и болѣе человѣкъ, спали на общихъ нарахъ, питались очень скудно на сорокъ рублей въ годъ вмѣстѣ съ одеждой, и оставались почти безъ всякаго надзора и руководства при такихъ квартирныхъ обстановкахъ. Правда, надзоръ и руководство въ дѣлѣ приготовленія уроковъ часто возлагались на старшихъ учениковъ, такъ называемыхъ „авдиторовъ“ или „старшихъ“, но это руководство сводилось въ рѣдкихъ случаяхъ только къ выслушиванію уроковъ, а большею частью къ издѣвательству и наказанію; болѣе существеннаго и разумнаго руководства дѣти не получали не только въ квартирахъ, но и въ классѣ. Учителя обыкновенно ходили въ классъ, спрашивали уроки, ставили баллы, наказывали и только. Рѣдко, кто когда объяснялъ или подготовлялъ съ учениками въ классѣ

урокъ къ слѣдующему дню. Естественно послѣ этого, что дѣти, возвратившись изъ школы и наскоро утоливши свой голодъ, дѣлились на группы: лѣнивыя брались за шалости, а прилежныя за уроки съ тѣмъ, чтобы вечеромъ помочь своимъ лѣнивымъ и малоспособнымъ товарищамъ и тѣмъ избавить ихъ отъ наказаній.

Эти трудолюбивые мальчики смотрѣли на школу, какъ на страшную темницу, горько оплакивали дни отъѣзда въ нее изъ домовъ родителей и съ такимъ замираніемъ сердца ожидали отпусковъ на каникулы, что за мѣсяцъ и болѣе считали дни, часы и минуты до тѣхъ счастливыхъ дней, когда болѣе богатымъ изъ нихъ приходилось уѣзжать домой, а большинству идти пѣшкомъ. Весело и радостно эта бѣднота собиралась въ путь, не взирая на всевозможныя трудности и опасности. Ни холодъ, ни грязь, ни весеннія лужи, ни разливы рѣкъ, ни что не останавливало такихъ путниковъ, лишь бы поскорѣе уйти изъ училища и добраться до родительскаго крова. А какія лишенія и опасности приходилось встрѣчать на пути такимъ бѣднякамъ, то описанію ихъ теперь, пожалуй, и не повѣритъ никто.

Единственнымъ утѣшеніемъ и удовольствіемъ для учащихся въ тогдашней школьной жизни можно посчитать существовавшія тогда, такъ называемыя, „рекреаціи"—лѣтнія прогулки въ лѣсъ, но и ихъ было не болѣе двухъ въ годъ и то только въ маѣ мѣсяцѣ, когда, дѣйствительно, ученики получали великое удовольствіе, съ большою радостью спѣшили въ лѣсъ и тамъ весело проводили цѣлый день на лонѣ весенней природы, наслаждаясь ея весенними прелестями, а остальное учебное время было мрачно, сухо и отвратительно. Болѣе счастливы были тѣ дѣти, которыя имѣли въ школѣ старшихъ братьевъ или близкихъ родственниковъ, тѣ все-таки чувствовали себя лучше и жизнерадостнѣй, а остальныя часто обливали слезами свое бѣдное, жесткое ложе въ минуты ночной тишины. Не было для нихъ никакой отрады, мало ласкала ихъ родительская любовь, подавленная крайнею нуждою ихъ во всемъ необходимомъ не только для дѣтей, но и для нихъ самихъ, не ласкали ихъ и наставники, которые и сами были еще такъ молоды, что больше думали о себѣ. Только между старыми наставниками, которые, впрочемъ, были тогда большою рѣдкостью, можно было встрѣтить людей, хотя отчасти входившихъ въ тяжелое положеніе своихъ питомцевъ [1]).

---

[1]) Таковы, кстати вспомнимъ добрымъ словомъ, были въ наше время учитель русскаго языка Иванъ Ивановичъ Воскресенскій, священной исторіи о. Іоаннъ Димитріевичъ Державинъ, впослѣдствіи епископъ Псковскій Анто-

У этихъ людей многіе изъ насъ находили отеческое участіе. Они часто вступали въ бесѣды съ нами, входили въ наши нужды и, насколько могли, старались доставить намъ нѣкоторыя развлеченія въ родѣ игры въ лапту, словомъ, помогали намъ матеріально и нравственно, а отъ остальныхъ мы ничего не слыхали милаго, отраднаго, кромѣ „отвѣчай“, „садись“, „становись на колѣни“.

Такъ грустно, такъ формально, безучастно и уныло протекла наша училищная жизнь, но еще большая формальность, суровость и безучастность ожидали насъ въ семинаріи, куда намъ, хотя и немногимъ, Богъ судилъ поступить въ 1874 году.

Первое впечатлѣніе, полученное нами на первыхъ урокахъ въ семинаріи, помню, было весьма ужасное, не вызвавшее въ насъ ничего отраднаго, а одинъ только всеподавляющій страхъ. Какъ сейчасъ помню, что на первый урокъ пришелъ къ намъ учитель словесности, человѣкъ пожилой, угрюмый, сердитый. Прищуривъ глаза, онъ началъ внимательно всматриваться въ насъ и чрезъ нѣсколько минутъ сказалъ намъ такое привѣтствіе: „я думалъ, что къ намъ пріѣхали люди, а оказывается свиньи, что это у тебя за волосы“, обратился онъ тогда къ одному изъ товарищей и въ такой пріятной бесѣдѣ провелъ весь урокъ и затѣмъ, открывъ первую страницу учебника Стоюнина, приказалъ намъ выучить первый отдѣльчикъ, состоящій, помнится, изъ семи строкъ, и эти семь строкъ мы учили цѣлый годъ, а сей преподаватель занималъ насъ на урокахъ остротами и насмѣшками надъ тѣмъ или другимъ изъ товарищей. Въ концѣ года все это было заглажено выдачей намъ къ экзамену конспекта, въ вопросахъ котораго заключались отвѣты. На другой урокъ пришелъ учитель латинскаго языка для того только, чтобы задать намъ шесть строкъ изъ Тита-Ливія заучить такъ, чтобы каждый изъ насъ могъ наизусть прочитать ихъ, какъ сорока.

На третій урокъ пришелъ преподаватель священнаго писанія. Онъ въ этотъ разъ и впослѣдствіи обыкновенно говорилъ о чемъ-то стороннемъ, къ дѣлу не относящемся,—о какомъ-то третьемъ пунктѣ, по которому онъ когда-то, какъ мы узнали впослѣдствіи, уволенъ былъ со службы, бывши, кажется, секретаремъ консисторіи, и когда спрашивалъ насъ, то требовалъ, чтобы мы не смѣли смотрѣть на него, а если кто осмѣливался взглянуть, то получалъ двойку или еди-

---

нинъ и смотритель Семенъ Григоріевичъ Успенскій. Вѣчная имъ память за то, что они оставили въ насъ хотя нѣсколько пріятныхъ воспоминаній о нашей школьной жизни.

ницу. Конечно было, но очень не много, и хорошихъ, сравнительно сказать, преподавателей, но въ общемъ и въ семинаріи мало нашлось такихъ, которые внесли бы жизнь и сердце въ свое дѣло и такимъ образомъ оживили бы и ободрили насъ, своихъ питомцевъ. И здѣсь всюду было грустно, формально и безучастно.

Конечно, при такихъ условіяхъ и въ семинаріи не легче было, чѣмъ въ училищѣ. Учащіеся должны были преодолѣвать всевозможныя трудности своею личною энергіей; руководства и помощи не отъ кого было ожидать. Къ счастью, что тогда большимъ возбудителемъ личной энергіи учащихся была надежда на поступленіе въ университетъ, двери котораго тогда еще не были закрыты для семинарскихъ питомцевъ. Но съ 1878 года, когда доступъ въ университетъ былъ закрытъ для семинарскихъ воспитанниковъ требованіемъ отъ нихъ аттестатовъ зрѣлости, совершенно пала и личная энергія. Семинарія съ тѣхъ поръ обратилась въ какое-то безотрадное учрежденіе, въ какую-то темницу, охраняемую чисто-полицейскимъ надзоромъ лицъ инспекціи, которая заботилась только о томъ, какъ бы поскорѣе сбыть свое дежурство, сходить на молитву и загнать учащихся въ спальни, не справляясь, подготовлены ли ими ихъ уроки, преодолѣты ли ими всѣ трудности.

Такое отношеніе къ учащимся лицъ инспекторскаго надзора, конечно, озлобляло противъ нихъ всѣхъ, даже самыхъ благонамѣренныхъ и трудолюбивыхъ воспитанниковъ, и это озлобленіе часто выражалось окачиваніемъ холодной водой помощниковъ инспектора изъ оконъ умывальни, когда тѣ со злостью бѣгали по классамъ, стараясь выгнать изъ нихъ желающихъ еще заниматься. Такъ грустны и безотрадны были и дни семинарской жизни. Не даромъ, бывшіе воспитанники ея, обыкновенно, никогда не заглядываютъ въ нее, а стараются поскорѣе пройти мимо, какъ бы не замѣчая ея. А между тѣмъ въ ней прожита самая цвѣтущая юность, полная идеальныхъ и благородныхъ стремленій, и если бы пришлось окончить мое образованіе только тогдашней семинаріей, то пришлось бы, пожалуй, убѣдиться, что не только корень ученія горекъ, но и плоды его не слаще.

Совершенно иное впечатлѣніе произвела на меня духовная академія до 1884 года, въ которую, благодареніе Богу, мнѣ посчастливилось поступить въ 1880 году. Въ ней я увидѣлъ свѣтъ и отраду послѣ всѣхъ прожитыхъ мною горькихъ дней, въ ней я увидѣлъ живыхъ людей съ умомъ, сердцемъ и благороднымъ чувствомъ, и стало на душѣ легко и отрадно. Здѣсь я почувствовалъ интересъ къ наукѣ и благородному добровольному труду. Безъ всякихъ побужденій начальства я охотно ходилъ на лекціи и съ удовольствіемъ

ихъ слушалъ, хотя, сознаюсь, и не всегда онѣ были для насъ удобопонятны отъ недостатка въ нихъ обработки. Здѣсь я увидѣлъ отеческую заботливость о насъ и любовь къ намъ нашихъ наставниковъ и начальства. Большая часть изъ нихъ искренно любила свое дѣло, трудилась и любила насъ, какъ свое живое поле, которое имъ хотѣлось такъ воздѣлать, чтобы оно было плодоносно и растимо. И мы невольно увлекались ихъ любовью и благоговѣли предъ ними и преподаваемыми ими науками, стараясь сознательно и разумно работать. Чудные то были наши руководители [1]) и чудное то было время, не забуду его никогда! Но увы, скоро протекли эти счастливѣйшіе въ моей жизни четыре года. Съ большою скорбію я распростился съ любимыми профессорами, получивъ отъ отъ нихъ на память карточки и выдающіеся труды и, усердно помолившись въ Братскомъ храмѣ предъ чудотворною иконою Божіей Матери, со слезами на глазахъ вынесъ свои пожитки изъ столь радушно пріютившаго меня зданія, грустно поѣхалъ на вокзалъ желѣзной дороги.

Мѣсяца черезъ два меня назначили на должность учителя въ одно изъ училищъ Юго-Западнаго края. Быстро я собрался въ путь, надѣясь по пути еще разъ взглянуть на тотъ чудный городъ и то милое зданіе, гдѣ я испыталъ все прекрасное въ моей жизни, и съ жаромъ взялся за дѣло, хотя дѣло мое было совершенно противоположное тому, надъ которымъ я съ охотой, не щадя здоровья, трудился въ академіи цѣлый годъ, избравъ его для спеціальнаго изученія подъ руководствомъ такихъ свѣтлыхъ личностей, какъ епископъ Силивестръ, профессоръ Орнатскій, профессоръ Олесницкій... Но по привычкѣ и по бѣдности пришлось мнѣ смириться съ Богомъ данною мнѣ судьбою до тѣхъ поръ, пока жизненныя обстоятельства не подавили во мнѣ возвышенное и идеальное и не сдѣлали для меня все безразличнымъ. Прежде всего старался я не быть похожимъ на многихъ своихъ учителей по училищу, но, не видя хорошихъ примѣровъ, долженъ былъ выработать изъ себя, насколько возможно, полезнаго и живого учителя,—что, однако, достигалось съ большимъ трудомъ.

Всѣ мои сослуживцы въ училищѣ оказались людьми съ высшимъ образованіемъ, но такіе же новички, какъ я. Всѣ мы были съ большими порывами, но оказались съ обрѣзанными крыльями. Каждому изъ насъ хотѣлось улетѣть въ тотъ идеальный міръ от-

---

[1]) Таковы были: епископъ Михаилъ, епископъ Силивестръ, Олесницкій А., Орнатскій, Малышевскій, Линицкій и другіе, которые и до сихъ поръ еще украшаютъ академію.

влеченнаго мышленія, въ которомъ мы привыкли витать въ дорогой академіи, но малютки-ученики всегда охлаждали насъ своимъ непониманіемъ, происходившимъ отъ нашего неумѣнья къ нимъ приспособиться, быть для нихъ понятными.

Въ школѣ появилась другая крайность. Прежде, когда я учился въ ней, намъ почти ничего не объясняли, а теперь мы стали только объяснять и такъ объяснять, что объясненій было гораздо больше, чѣмъ въ учебникѣ, а посему ученики съ бо́льшимъ удовольствіемъ стали учиться по учебникамъ, чѣмъ пользоваться нашими объясненіями. Отсюда возникали между нами и учениками недоразумѣнія, взаимное непониманіе,—тѣ и другіе трудились, а результаты трудовъ другъ-друга не удовлетворяли. Такъ это обстоитъ и до сихъ поръ. Причина такого положенія учебнаго дѣла, какъ въ шестидесятыхъ годахъ, такъ и теперь, одна и та же, а именно полная неподготовленность наша и неприспособленность къ тому дѣлу, къ которому насъ приставляли, особенно въ низшей школѣ, гдѣ не столько высшее образованіе важно, сколько практическая подготовленность къ дѣлу и умѣнье приспособиться къ дѣтскому пониманію, а этого-то и не даютъ намъ наши академіи.

Правда, въ академіяхъ до 1884 года насъ подготовляли къ преподавательству, но только въ семинаріяхъ, хотя, при этомъ, почему-то назначали насъ большею частію не на тѣ предметы, по которымъ мы подготовлялись. Въ академіяхъ до 1884 года каждый изъ насъ на четвертомъ курсѣ цѣлый годъ изучалъ свой, выбранный по вкусу, предметъ, говорилъ лекціи въ присутствіи соспеціалистовъ-товарищей и профессора, и въ концѣ года сдавалъ по этому предмету такъ называемый магистрантскій экзаменъ и три пробныя лекціи въ присутствіи комиссіи профессоровъ-спеціалистовъ, но эта подготовка приноравливалась къ семинаріи, а не къ училищу, а въ академіяхъ съ 1884 года и этого нѣтъ.

Съ 1884 года академіи обратились въ какіе-то повторительные семинарскіе курсы. Студенты были обременены массою предметовъ и лекцій, основательно разобраться въ которыхъ не было никакой физической возможности, а посему естественно они теряютъ тотъ идеализмъ, который въ большинствѣ случаевъ царилъ въ академіяхъ до 1884 года, и которымъ они выдѣлялись изъ ряду другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, какъ имъ и подлежало, какъ высшей духовной школѣ.

Итакъ изъ всего сказаннаго ясно, почему корень ученія горекъ. Онъ былъ горекъ въ старину, когда не было образованныхъ учителей, когда не было выработано усовершенствованныхъ пріемовъ обученія, но теперь онъ горекъ, если только горекъ, то только

потому, что мы не умѣемъ, не хотимъ до сихъ поръ воспользоваться той простой истиной, что всякое дѣло своего мастера боится. Вѣдь всякій опытный хозяинъ, желающій, чтобы все въ его хозяйствѣ пошло хорошо, несомнѣнно постарается поручить всякую отрасль своего хозяйства настоящему ея мастеру. Такъ и въ учебномъ дѣлѣ. Если мы желаемъ, чтобы оно шло хорошо, то необходимо поручать его мастерамъ, спеціально къ тому подготовленнымъ, но у насъ ихъ до сихъ поръ нѣтъ, до и о пріобрѣтеніи ихъ мы и не думаемъ. Думаютъ помочь дѣлу такой или иной растасовкой учебныхъ предметовъ, такимъ или инымъ распредѣленіемъ разныхъ должностей, но не въ этомъ дѣло. Мнѣ думается, что необходимо, чтобы помочь дѣлу, во всѣхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ отводить, хотя бы по одному или два года на практическую подготовку къ тому дѣлу, къ которому заведеніе думаетъ приставить своихъ питомцевъ, конечно согласно съ ихъ наклонностями и расположеніемъ, и безъ этого, какъ мы до сихъ поръ ни садились, и какъ убѣждаетъ насъ дѣйствительность, въ музыканты не годились.

Мы вѣдь теперь сѣтуемъ, что воспитанники семинаріи не идутъ во священники, а никто до сихъ поръ не обратитъ вниманія на то, что наши воспитанники семинаріи теперь выходятъ изъ заведенія 19 лѣтъ, т. е. въ такомъ еще юномъ возрастѣ, что рѣшиться при настоящихъ условіяхъ взять на себя обязанности священника значило бы совершенно не уважать его, какъ пресвитера, требующаго гораздо болѣе жизненнаго опыта, чѣмъ отъ кандидата на всякую другую должность. Отсюда естественно заключить, что не нежеланіе быть священникомъ удерживаетъ семинаристовъ отъ священства, а высокое пониманіе ими важности и отвѣтственности этого сана и глубокое уваженіе къ нему.

Если бы вотъ нашли возможнымъ при семинаріяхъ отвести хотя бы одинъ послѣдній годъ на курсъ спеціально педагогическій и церковно-практическій, распредѣливъ существующіе теперь предметы послѣднихъ четырехъ классовъ на пять лѣтъ кромѣ шестого практическаго, а два низшихъ класса присоединить къ училищамъ, обративъ ихъ въ шестиклассныя, то тогда, мнѣ думается, можно бы надѣяться, что семинаристы, окончивъ курсъ около 22 лѣтъ, почувствовали бы себя болѣе пригодными къ занятію отвѣтственнаго званія пресвитера и учителя, а также и кандидаты академій, побывши одинъ годъ, хотя бы, на практикѣ подъ руководствомъ опытныхъ училищныхъ и семинарскихъ наставниковъ, болѣе смѣло, твердо и цѣлесообразно брались бы за дѣло учительства, чувствуя себя значительно подготовленными къ нему.

Вообще же желательно было бы при этомъ, чтобы образованіе и воспитаніе въ учебныхъ заведеніяхъ поставлено было такъ, что бы оно касалось всѣхъ сторонъ человѣческаго существа: ума, сердца и воли, и всѣ эти способности, а равно и физическое здоровье дѣтей развивалось равномѣрно, чтобы наставники настолько были знакомы съ своимъ матеріаломъ, что умѣли бы, какъ опытные портные, пользоваться имъ цѣлесообразно, съ наименьшею затратою и времени и силъ какъ своихъ, такъ и дѣтскихъ, и чтобы дѣти выходили изъ ихъ рукъ не „однобокими“, какъ говоритъ профессоръ Сикорскій, а цѣльными людьми, способными разсуждать всесторонне, разумно, серьезно, правильно и вполнѣ практично.

Старый педагогъ П. Н. С.

Воспоминанія бывшаго штурманскаго офицера.

Покойная мать моя, по окончаніи курса наукъ въ Николаевскомъ Сиротскомъ Институтѣ, уѣхала въ Литву, гувернанткой, въ польское семейство. Она была круглая сирота, по отцу нѣмка.

Хотя фамилія моя русская, но нѣмецкое происхожденіе мое было замѣчено адмираломъ Епанчинымъ, когда я служилъ на стопушечномъ кораблѣ „Россія“. Видя меня на вахтѣ, стоящимъ со сложенными въ карманъ руками, адмиралъ удивился, узнавъ, что я русскій. „Ну, совершенный Карлъ Карловичъ“, — сказалъ адмиралъ.

Мать моя сохранила хорошія воспоминанія объ институтской жизни и съ особенною любовью вспоминала про Императрицу Марію Ѳеодоровну. До сихъ поръ у меня сохранился портретъ Императрицы, рисованный моимъ отцомъ. Покойная Государыня часто посѣщала институтъ, любовалась на балеты, исполняемые воспитанницами, и однажды сказала: „не очень занимайте ихъ танцами, вѣдь вы не балеринъ изъ нихъ готовите“.—Отецъ мой воспитывался въ Гатчинскомъ Сиротскомъ Институтѣ, гдѣ существовалъ суровый режимъ. Каждый преподаватель имѣлъ право сѣчь учениковъ. Однажды произошелъ курьезъ: священникъ, самый строгій преподаватель, высѣкъ ученика за лѣность. Когда наказанный мальчикъ доказалъ знаніе своего урока, тогда священникъ сознался въ своей ошибкѣ и сказалъ, что сдѣланная имъ несправедливость будетъ учтена впередъ. Мальчикъ, отходя отъ учительскаго стола, улыбнулся. Свя-

щенникъ, замѣтивъ улыбку, быстро ему сказалъ: „квитъ“.—Въ то время воспитанники старшихъ классовъ пили потихоньку водку. Мой отецъ обладалъ большою силою и красивою наружностью. Великій князь Михаилъ Павловичъ, посѣтивъ какъ-то институтъ, обратилъ на него свое вниманіе и спросилъ: „хочешь служить въ солдатахъ“?. Отвѣтъ послѣдовалъ, конечно, отрицательный. Покойный князь очень любилъ военное дѣло; обращалъ вниманіе на красивую солдатскую стойку и, при стрѣльбѣ въ цѣль, отдавалъ предпочтеніе тѣмъ рядовымъ, которые прямо себя держали, предъ другими, мѣтко стрѣляющими, но сгибающими свой станъ.

Покойная моя мать прожила въ Литвѣ пять лѣтъ и уѣхала оттуда послѣ польскаго возстанія 1831 года. Помѣщикъ, у котораго она жила, держалъ сторону русскихъ, а потому принужденъ былъ скрываться въ лѣсу, переодѣвшись мужикомъ. Когда приходило въ имѣніе войско польское, или русское, тогда встрѣчать незванныхъ гостей должна была гувернантка, т. е. моя мать. Воины иногда рубили портреты, стрѣляли въ стѣны. Однажды, при домовомъ обыскѣ, нашли у моей матери бритву и спросили, для чего держится подобное оружіе. Та отвѣтила: „срѣзать мозоли съ ногъ“. Былъ такой случай: „однажды утромъ“—разсказывала моя мать,—„кто-то меня разбудилъ. Я не могла сразу разсмотрѣть, кто это, потому что глаза слиплись отъ сыворотки, которою я намазала съ вечера свое лицо для устраненія загара. Каковъ былъ мой испугъ, когда я увидала предъ собою мужчину, въ военной формѣ. Оказалось, однако, что это была графиня Плятеръ, пріобрѣвшая громкую извѣстность своимъ участіемъ въ возстаніи. Графиня сказала, что русскіе узнали о ея военномъ костюмѣ и ей необходимо теперь же одѣть женское платье, поэтому просила дать ей нужную одежду. Моя покойная мать исполнила эту просьбу и нѣсколько дней спустя получила обратно свою одежду, при письмѣ, писанномъ на французскомъ языкѣ. Мать моя долго хранила это письмо, и я, будучи мальчикомъ, видалъ эту записку. Какъ извѣстно, графиня Плятеръ была взята въ плѣнъ и казнена. Тогда въ Парижѣ носили шляпы à la Plater въ честь этой отважной дѣвушки, а поэтъ Мицкевичъ воспѣлъ ея отвагу.

Помѣщики въ Литвѣ жили въ то время очень богато. Посѣщать городъ Вильну имъ не было интересно: все нужное было дома. „Бывало, говорила моя покойная мать, спрашиваетъ меня лакей, что я буду пить утромъ,—чай или кофе. Я отъ всего отказывалась, шла въ садъ и ѣла тамъ фрукты“. Иногда, разсказывая про жизнь въ Литвѣ, мать моя вспоминала польскія пѣсни временъ возстанія. Вотъ что она напѣвала подъ звуки фортепіано:

Чиновники всѣхъ классъ
Утекли ужъ отъ насъ,
Утекъ и русскій попъ.
Гопъ, гопъ, гопъ.

Или подъ тактъ мазурки:

Не хватцка польска коса
Имъ врагамъ утремъ носа
Гей, братья, въ имя Боже,
Богъ, да намъ поможе.

Эти слова я передаю въ искаженной формѣ, какими они у меня остались въ дѣтской головѣ.

Одно время обязанность моей покойной матери состояла въ переводѣ поварской книги съ нѣмецкаго языка на польскій и въ объясненіи повару, какъ надо приготовить извѣстное блюдо. У меня сохранилась въ памяти фамилія только одного семейства, гдѣ жила моя покойная мать, это графъ Марекони.

Съ выходомъ замужъ, покойная мать моя убѣдилась, что жалованье моего отца маленькое. Поэтому она открыла въ Коломенской части города Петербурга школу для дѣтей обоего пола и содержала таковую больше 20 лѣтъ. Въ этой школѣ учился и я. Въ то время школъ въ столицѣ было очень мало; кажется, въ Коломнѣ было всего 2. Плата за ученіе была очень небольшая: 2—3 рубля въ мѣсяцъ. Множество купеческихъ дѣтей оканчивало ученіе въ школѣ и шло торговать. Иногда мать моя держала пенсіонеровъ. Помню я двухъ: Гангесова изъ Астрахани и Лютинскаго изъ Вильны. Послѣдняго привезъ отецъ и, заплативъ деньги за полгода, скрылся. Что-то около года мать моя возилась съ мальчикомъ, не зная, куда его дѣть. Наконецъ, догадалась пойти въ костелъ на Невскомъ проспектѣ и просить ксендзовъ взять мальчика, грозя въ противномъ случаѣ перекрестить мальчика въ русскую вѣру. Угроза подѣйствовала и мальчика взяли. Самъ дворянинъ Лютинскій былъ вдовецъ, желалъ вступить въ бракъ вторично и готовъ былъ жениться „хоть на козѣ, лишь бы были деньги“.

Въ дѣтскомъ возрастѣ я слышалъ разсказъ о строгости Императора Николая. Однажды, въ началѣ лѣта, Императоръ обратился къ какому-то придворному служащему съ вопросомъ: созрѣли ли вишни. Спрошенный отвѣчалъ, что уже есть зрѣлыя, и что онъ завтра ихъ пришлетъ. На другой день была собрана тарелка ягодъ и послана къ Императору съ садовникомъ. Этотъ послѣдній, неся тарелку, внимательно разсматривалъ ягоды и выбрасывалъ сомнительной зрѣлости. Такъ какъ онъ повыбрасывалъ много, то на та-

релкѣ осталось ягодъ мало, и садовникъ не рѣшился поднести ихъ Императору. На другой день, вчерашній придворный, разговаривая съ Императоромъ, спросилъ: понравились ли ему вишни. Тотъ отвѣтилъ, что никакихъ вишенъ онъ не получалъ.—„Да я самъ ихъ послалъ къ Вашему Величеству съ садовникомъ“.—„Отдать его въ солдаты“,—была резолюція Императора.

Первую морскую кампанію я дѣлалъ въ 1853 году на трехдечномъ стопушечномъ кораблѣ „Россія“, гдѣ держалъ свой флагъ вице-адмиралъ Епанчинъ. Дивизія наша плавала по Финскому заливу и Балтійскому морю. Объ этомъ времени сохранились куплеты: „Нынче рѣдкій адмиралъ дальше Готланда бывалъ“. Мы, кадеты, пользовались офицерскимъ столомъ. Когда свѣжая провизія выходила, тогда обѣдъ состоялъ изъ одинаковыхъ трехъ блюдъ: горохъ, солонина и крутая каша. На слѣдующій годъ я служилъ на 84-хъ пушечномъ кораблѣ „Великій Князь Михаилъ“. Тогда уже была война, и Кронштадтъ находился въ блокадѣ отъ англо-французскаго флота, которымъ командовалъ адмиралъ Непиръ. Балтійскій нашъ боевой флотъ былъ парусный, а потому стоялъ на Кронштадтскомъ рейдѣ, не смѣя выходить въ море, гдѣ были грозныя винтовыя непріятельскія суда. Каждый вечеръ, на корабляхъ, стоящихъ на маломъ рейдѣ, играла музыка. Одновременный спускъ флага со всѣхъ судовъ представлялъ оживленную картину. Въ слѣдующемъ 1855 г., когда непріятельскій флотъ находился подъ командою адмирала Дондоса, русскій флотъ уже не вооружался, а для обороны береговъ выстроены были гребныя канонерскія лодки, на которыхъ находились ополченцы. Въ то время былъ выстроенъ первый винтовый корабль въ Россіи, называемый „Выборгъ“, на которомъ я служилъ Этотъ корабль стоялъ все время въ гавани. Тогда же появились у насъ винтовыя канонерскія лодки, которыя были присоединены къ гвардейскому экипажу. Во время осмотра Кронштадта Государемъ эти лодки, числомъ шесть, сдѣлали вылазку на большой Кронштадтскій рейдъ. Навстрѣчу имъ отдѣлился фрегатъ отъ непріятельскаго флота. Съ обѣихъ сторонъ было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ. Наши винтовыя лодки повернули назадъ и направились къ Ораніенскому берегу. Тѣмъ дѣло и кончилось. Въ это время, не помню въ которомъ именно году, произошло приключеніе съ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Онъ завелъ себѣ новый катеръ съ какимъ-то большимъ парусомъ. На этомъ катерѣ Князь сталъ кататься съ адъютантами на восточномъ Кронштадтскомъ рейдѣ. Вѣтеръ былъ западный. Когда шлюпка вышла на малый рейдъ, на открытое мѣсто, тогда порывомъ вѣтра ее опрокинуло, и всѣ очутились въ водѣ. Къ счастію, шлюпку сопровождалъ катеръ гвардей-

скаго экипажа. Этотъ катеръ и спасъ тонувшихъ людей, за исключеніемъ одного адъютанта князя Евгенія Голицына, котораго спасти не успѣли... Кажется, на новомъ катерѣ Великій Ккязь больше не катался. Утонувшій князь Голицынъ извѣстенъ изданіемъ книги: „Руководство къ практической навигаціи и мореходной астрономіи". Эта книга, содержащая прекрасныя таблицы, была издана роскошно, и была посвящена русскому флоту. Воспитанники Штурманскаго училища получили это изданіе въ подарокъ. Книгу эту я сохранилъ у себя до сихъ поръ, хотя изъ морского вѣдомства давно уже вышелъ.

Великій Князь, повидимому, сознавалъ хорошо, какъ штурманскіе офицеры отлично знаютъ навигацію и мореходную астрономію. „Скажи", обратился однажды Великій Князь къ штурманскому кадету,—„что ты лучше знаешь, компасъ, или Отче Нашъ".—Тотъ отвѣчалъ: „Отче Нашъ"—„Читай компасъ"—сказалъ Великій Князь. Мальчикъ началъ перечислять румбы компаса: n, nto, nno, notn...—Читай наоборотъ сказалъ Князь. Мальчикъ началъ: n, ntw, nnw, nwtn...—„Довольно",—сказалъ Князь.—„Читай Отче Нашъ". Кадетъ началъ читать. Послушавъ часть молитвы, Князь остановилъ кадета и сказалъ: „читай наоборотъ". Разумѣется, мальчикъ не могъ читать.—„Ну, вотъ видишь",—сказалъ Князь,—„ты компасъ знаешь лучше, чѣмъ Отче Нашъ".

Въ 1856 году я служилъ на пароходѣ фрегатъ „Рюрикъ", на которомъ часто жилъ Великій Князь, генералъ-адмиралъ. Въ это время получилъ извѣстность вице-адмиралъ Шанцъ, шведъ или финляндецъ, по происхожденію. Онъ былъ большой оригиналъ. Однажды офицеръ, идя подъ парусами на катерѣ, худо пристадъ къ флагманскому кораблю, на глазахъ адмирала. Шанцъ сдѣлалъ выговоръ офицеру въ такихъ выраженіяхъ: „Это удивительно, мичманъ, а пристать не умѣете, надо азбуку учить. Моя Онеида (дочь адмирала) пристала бы лучше".—На Свеаборгскомъ рейдѣ шлюпка, посланная утромъ въ Гельсингфорсъ за провизіею съ поваромъ, опрокинулась, и человѣкъ утонулъ. Адмиралъ отдалъ приказъ, чтобы всѣ шлюпки, отправляемыя на берегъ, ходили подъ парусами, дабы люди научились лучше управлять судами. Про Шанца разсказываютъ, что, будучи на купеческомъ суднѣ, онъ спросилъ хозяина, сколько тотъ положитъ ему жалованья, если онъ поступитъ къ нему на службу шкиперомъ.—„А ты полѣзешь на рею брать рифы"?—спросилъ хозяинъ.—„А ты почему знаешь, что я не полѣзу",—возразилъ адмиралъ. Другой случай. Финляндское правительство было обязано строить въ извѣстные годы военное судно для русскаго флота. Приступая къ составленію проекта судна, сочли нужнымъ

пригласить Шанца участвовать въ этомъ трудѣ. Опредѣлили жалованье адмиралу Шанцу что-то 100 руб. въ мѣсяцъ. Адмиралъ согласился и затѣмъ сказалъ: „значитъ, съ сегодняшняго дня начинается отпускъ мнѣ этого жалованья“.—Ему возражали, что еще дѣло не начато.—„Ничего“, отвѣчалъ адмиралъ,—„но я началъ думать“.

Когда я служилъ на флотѣ, тогда ходилъ слѣдующій разсказъ о строгости Императора Николая I. Былъ Высочайшій смотръ въ Кронштадтѣ; дѣлалось парусное ученье. На одномъ кораблѣ, во время постановки парусовъ, матросы производили большой шумъ. Это замѣтилъ Императоръ, разсердился и приказалъ капитану корабля идти на марсъ. Приказъ былъ исполненъ, и капитанъ влѣзъ на марсъ. Высочайшій смотръ былъ оконченъ, Императоръ уѣхалъ въ Петергофъ, а провинившійся капитанъ остался на марсѣ. Но въ скоромъ времени пришелъ изъ Петергофа пароходъ и привезъ приказаніе Императора спустить капитана съ марса. Войдя къ себѣ въ каюту, капитанъ тотчасъ же подалъ прошеніе объ увольненіи отъ службы.

Не всегда однако воля Императора карала виновныхъ. Былъ смотритель какой-то больницы, сильно нажившійся. Въ то время не было разныхъ банковъ и коммерческихъ предпріятій, не находилось въ обращеніи множества акцій и облигацій, какъ въ наше время; поэтому человѣкъ, пріобрѣтавшій избытокъ денегъ, обращалъ ихъ на пріобрѣтеніе недвижимой собственности. Такое имущество трудно было скрыть отъ любопытныхъ; вслѣдствіе этого, богатство, пріобрѣтенное смотрителемъ, было всѣмъ извѣстно. Дошла вѣсть о разбогатѣвшемъ смотрителѣ до Императора. Государь приказалъ узнать: откуда у смотрителя явилось состояніе. Тотъ отвѣчалъ, что это состояніе принадлежитъ его женѣ, а не ему. Императоръ приказалъ спросить жену. Эта женщина, будучи не робкаго десятка, отвѣчала такъ:—„Скажите Государю, что отчетъ въ пріобрѣтеніи мною состоянія я дамъ Богу, а не ему“—Тѣмъ дѣло и кончилось.

Въ 1856 году на Балтійскомъ флотѣ было уже много паровыхъ винтовыхъ канонерскихъ лодокъ для защиты Кронштадта. Генералъ-Адмиралъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, будучи либеральнаго образа мыслей, далъ такія названія новымъ канонерскимъ лодкамъ: Вѣдьма, Лѣшій, Русалка и т. п. Командиръ одной лодки пригласилъ священника отслужить молебенъ о благополучномъ плаваніи своей лодки. Узнавъ названіе лодки, священникъ наотрѣзъ отказался. Возникъ вопросъ: какъ тутъ поступить. Рѣшено было названіе лодки не упоминать въ молитвѣ, а говорить фамилію командира лодки. Свободный образъ мыслей Великаго Князя высказался и въ другомъ случаѣ, нѣсколько лѣтъ позже. Въ шестидесятыхъ годахъ было въ Петербургѣ засѣданіе какой-то важной

комиссіи съ участіемъ членовъ Святѣйшаго Синода. На этомъ засѣданіи Константинъ Николаевичъ предложилъ ввести въ Россіи свободное вѣроисповѣданіе. На это предложеніе одинъ изъ епископовъ сказалъ: „если подобный законъ будетъ принятъ, то ты, Князь, не будешь ни благочестивѣйшимъ, ни благовѣрнымъ". Предложеніе Князя было отвергнуто.

Въ первомъ Штурманскомъ полуэкипажѣ, гдѣ я воспитывался, существовалъ въ Николаевское время суровый порядокъ жизни. Вставали кадеты въ 5 час. утра; въ 7 часовъ уже начиналось классное ученіе и продолжалось до 11 часовъ. Послѣ классныхъ занятій, были строевыя занятія; въ часъ дня обѣдъ; отъ 3 до 6 час. опять классныя занятія; въ 8 час. ужинъ; въ 9 час. перекличка, затѣмъ молитва, и кадеты ложились спать. Каждый день по 4 урока въ классахъ; преподаватели были большею частью штурманскіе офицеры. Въ лѣтнее время строевое ученіе шло на дворѣ: тутъ была маршировка тихимъ шагомъ, который предварительно изучался въ 3 пріема. У насъ были въ употребленіи пистонныя ружья, но оставались еще и старыя, кремневыя. Не знаю, можно ли было стрѣлять изъ тѣхъ и другихъ. Патроновъ у насъ вовсе не было. Штурманскій полуэкипажъ составлялъ въ строевомъ отношеніи баталіонъ, но на царскомъ смотру нашего баталіона никогда не было, хотя Императоръ Николай пріѣзжалъ ежегодно зимою въ Кронштадтъ. Обыкновенно Императоръ дѣлалъ смотръ флотскому баталіону въ манежѣ. Для сего смотра съ ранней осени выдѣлялся изъ разныхъ флотскихъ экипажей особый баталіонъ, который всю осень и зиму обучался исключительно фронтовому ученію, для предстоящаго царскаго смотра. Подобныя усиленныя упражненія скрывались отъ Государя, и ему докладывали, что на смотру очередной флотскій баталіонъ.

Въ ротныхъ помѣщеніяхъ у насъ соблюдалась большая чистота. Паркетные полы часто натирались воскомъ; кровати были покрыты бѣлыми шерстяными одѣялами и двумя простынями. Я сохранилъ объ этихъ одѣялахъ хорошее воспоминаніе: ихъ часто мыли, и они всегда были бѣлы. Будучи за границей, въ Марсели, я купилъ себѣ подобное одѣяло и привезъ домой, въ Петербургъ. Всѣ были въ восхищеніи отъ этой покупки: бѣлое, блестящее покрывало было очень красиво. Но когда одѣяло загрязнилось и его вымыли, то вся шерсть слѣзла, и получилась вещь, никуда негодная, которую пришлось бросить. Вотъ и французское издѣліе!

Кормили кадетъ три раза въ день. Утромъ давали полубѣлую булку безъ всего; на обѣдъ было три блюда, а на ужинъ два. Чай намъ давали три или четыре раза въ годъ. Освѣщались ротныя

помѣщенія масляными лампами, а ночью сальными свѣчами, по одной на 2 комнаты. Эти свѣчи опускались въ высокіе мѣдные шандалы, наполненные водою; такъ что опасность пожара была вполнѣ устранена. Ночью, въ комнатахъ былъ пріятный полумракъ, который, я полагаю, лучше нынѣшнихъ ночныхъ лампъ. Въ классахъ у насъ было освѣщеніе сальными свѣчами по одной свѣчѣ на три человѣка. Въ корпусѣ у насъ преподавалъ Законъ Божій священникъ, совсѣмъ необразованный. Весь курсъ закона Божьяго состоялъ въ ученіи наизусть краткаго катехизиса (начатки христіанскаго ученія) и пространнаго катехизиса. Преподаватель нашъ не зналъ, гдѣ находился рай, въ которомъ жили Адамъ и Ева. Подобное невѣжество было извѣстно кадетамъ, и тѣ спрашивали: „батюшка, гдѣ находился рай". Отвѣтъ получался такой:—„Тамъ, въ теплыхъ странахъ".—Года черезъ три или четыре, послѣ моего поступленія въ корпусъ, къ намъ прислали новаго священника, магистра, а прежняго освободили. Новый преподаватель расширилъ программу преподаванія, проходилъ богослуженіе, говорилъ проповѣди и пр. Этотъ священникъ былъ любознательный человѣкъ и даже заходилъ къ намъ въ астрономическую обсерваторію и смотрѣлъ на небесныя свѣтила.

Со вступленіемъ на престолъ Императора Александра II, начавшіяся государственныя реформы коснулись и нашего заведенія. Къ намъ пріѣзжали изъ Петербурга двѣ комиссіи: одна отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, другая отъ военнаго вѣдомства: въ послѣдней было 2 члена штатскихъ, изъ коихъ одинъ былъ извѣстный математикъ, академикъ Остроградскій. Это былъ мужчина высокаго роста, толстый. Учитель Харинъ вызвалъ меня къ доскѣ рѣшать какую-то задачу въ присутствіи академика. Я рѣшилъ задачу хорошо, тогда Остроградскій задалъ мнѣ устную задачу, которую я рѣшить не могъ, тогда какъ товарищи, сидящіе на мѣстахъ, повидимому, рѣшили вопросъ легко. Послѣ того, Остроградскій сказалъ преподавателю: „задайте ему задачу потруднѣе",—и вскорѣ вышелъ изъ нашего класса. Этотъ ученый, будучи, по происхожденію, малороссомъ, отзывался нехорошо про эту націю. „Малороссы вообще хитры и тупоумны",—вотъ слова Остроградскаго.

Перемѣны въ нашемъ корпусѣ, съ новымъ царствованіемъ, были большія. Ночной сонъ нашъ продлился на цѣлый часъ. Прежде вставали въ 5 час., теперь начали вставать въ 6 часовъ. Классныя занятія сократились на часъ: прежде занятія начинались въ 7 час., теперь въ 8 часовъ. Припоминаю курьезный случай. Пришелъ къ намъ въ классъ преподаватель геометріи, человѣкъ не первой молодости.— „Вотъ",—говорилъ онъ, „и получено распоряженіе о началѣ

классныхъ занятій въ 8 часова утра, вмѣсто 7, а начальство не приводитъ въ исполненіе этого распоряженія. А если бы приказали начинать классы въ 6 часовъ утра, то на другой же день было бы объявлено".—По утрамъ намъ стали давать сбитень съ булкой, тогда какъ прежде давали одну булку. Послѣдовало улучшеніе въ одеждѣ. У кадетъ было три или четыре смѣны мундировъ, ежедневно носили самую дурную, старую одежду. Поступавшимъ въ корпусъ мальчикамъ-новичкамъ доставалась самая дурная одежда. Я помню, что, при поступленіи моемъ въ корпусъ, мнѣ дали мундиръ съ 16-тью заплатами. При новомъ царствованіи, самая низшая смѣна одежды была изъята изъ употребленія, и мы стали ежедневно носить мундиры лучшаго сорта. Вскорѣ состоялась перемѣна формы: вмѣсто однобортныхъ куртокъ, дали двухбортные кафтаны; красные суконные погоны были замѣнены бархатными съ краснымъ кантомъ. Было отмѣнено ученіе тихимъ шагомъ, въ три пріема. Была введена гимнастика. Нашъ корпусъ получилъ названіе училища.

Преподавателемъ русской грамматики и русской словесности былъ у насъ Охотинъ, воспитанникъ духовной академіи. Онъ напечаталъ для насъ учебникъ русской словесности. Охотинъ разсказывалъ, что въ бытность его въ академіи, студенты начали переводить библію на русскій языкъ, конечно, тайкомъ. Однако начальство узнало объ этой преступной дѣятельности и отобрало всѣ написанные листы библіи. Было ли подвергнуто наказанію студенчество, не знаю; но помню, что Охотинъ разсказывалъ, какъ они, студенты, присягали въ томъ, что ни одного листа перевода библіи у нихъ не оставалось спрятаннымъ.

Въ послѣдніе годы Штурманскаго училища кадеты распредѣлялись на лѣтнее плаваніе по военнымъ судамъ Балтійскаго флота, гдѣ упражнялись въ навигаціи и мореходной астрономіи. Кадеты, помогая штурманскимъ офицерамъ, вели шканечный журналъ, дѣлали астрономическія наблюденія, вели исчисленія пути корабля, наблюдали за движеніемъ судовъ на рейдѣ и пр. Корпусная молодежь вообще съ охотою шла „въ кампанію", такъ какъ жила она въ обществѣ офицеровъ и освобождалась отъ надзора корпуснаго начальства. А въ прежніе годы для плаванія штурманскихъ кадетъ назначалось особое парусное судно, носившее названіе „Нептунъ". У меня сохранилась въ памяти та пѣсня, въ которой кадеты выражали свою морскую удаль. Вотъ она:

Вѣтеръ свищетъ, валъ крутится,
Море пѣною кипитъ,
Громъ грохочетъ, небо злится,
По волнамъ „Нептунъ" летитъ.

Но мы бури не боимся,
Къ морю намъ не привыкать,
Пусть бушуетъ, не страшимся,
Штурманамъ не унывать.

Съ юныхъ лѣтъ знакомы съ моремъ,
Нѣту трусовъ между насъ,
Съ неудачею и съ горемъ,
Мы поборемся не разъ.

Родители мои жили въ Петербургѣ, въ Коломнѣ. Одно время они нанимали квартиру въ домѣ богатаго купца. Какъ соблюдалась экономія у этого человѣка, видно было по маленькой тетрадочкѣ, въ которую записывалась ежемѣсячная плата квартирантовыхъ денегъ,—первый листъ этой тетради представлялъ кусокъ стѣнныхъ обоевъ. Однажды покойная моя мать пошла къ хозяину дома, утромъ, по какому-то дѣлу. Представьте ея удивленіе, когда она увидала хозяйку дома, жену богатаго обывателя,—стирающею грязное бѣлье. Пораженная такою неожиданною картиною, моя покойная мать спросила купчиху, что ее заставило заняться такимъ дѣломъ. „Отъ нечего дѣлать, матушка, ради прогнанія скуки“,—былъ отвѣтъ купчихи.

Я помню холеру 1848 года въ Петербургѣ. Мы жили въ то время на Грязной улицѣ, нынѣ Могилевской. По этой улицѣ шла дорога черезъ Цѣпной мостъ на Митрофаніевское кладбище. Въ обыкновенное время, до холеры, погребальныя процессіи рѣдко двигались по этой улицѣ. Примѣрно, разъ въ недѣлю. Теперь же, каждый день провозили покойниковъ и по нѣсколько разъ. Эти погребальныя шествія производили тяжелое впечатлѣніе на обитателей улицы. Дроги обыкновенно шли безъ священника, потому, что духовенство, изъ боязни заразы, отказывалось отпѣвать и хоронить покойниковъ. Одна купчиха, жившая противъ насъ, по другую сторону улицы, заболѣла отъ страха и умерла. Я помню огромное количество мелкихъ насѣкомыхъ зеленаго цвѣта, носившихся въ то время въ воздухѣ. У насъ была при домѣ стеклянная галлерея, выходившая на дворъ, гдѣ я постоянно ловилъ и давилъ этихъ насѣкомыхъ. Никогда больше я не встрѣчалъ такого количества подобныхъ крылатыхъ тварей.

Въ томъ же году я былъ боленъ воспаленіемъ въ мозгу и долго пролежалъ въ постели. Вѣроятно, болѣзнь произошла отъ сильнаго ушиба головы, когда я упалъ съ качающейся лошади и ударился головою о полъ. Во время болѣзни меня безпокоили разныя видѣнія, отъ которыхъ я никакъ не могъ избавиться. Они были и днемъ, и

ночью. Я хорошо сознавалъ нелѣпость представляющихся картинъ, въ которыхъ иногда самъ бывалъ участникомъ. Чтобы избавиться отъ видѣній, я читалъ молитвы, закрывалъ глаза, но все было напрасно: видѣнія не исчезали. Они такъ сильно врѣзались въ мою память, что я ихъ помню до сихъ поръ, хотя прошло уже 60 лѣтъ. Другое замѣчательное обстоятельство,—это временное мое отвращеніе отъ родителей. Сперва я не переносилъ присутствія моего отца, а потомъ и матери. Едва только они подходили къ дверямъ комнаты, какъ я начиналъ кричать. Такъ продолжалось дня по два или по три. Затѣмъ, все пришло въ порядокъ, и я съ любовью цѣловалъ отца и мать.

Въ 1858 г. пароходъ фрегатъ „Рюрикъ“ отправился изъ Кронштадта въ Средиземное море въ годичное плаваніе. На этотъ пароходъ было назначено 2 кадета изъ Штурманскаго училища, въ томъ числѣ былъ и я. Для моряковъ это плаваніе представляло большой интересъ, такъ какъ предстояла возможность познакомиться съ заграничною жизнью и увидать прекрасное небо Италіи. Особенно обрадованы были мы, кадеты, коихъ было на пароходѣ 8 человѣкъ. Мы получали 56 руб. золотомъ въ мѣсяцъ на столъ, изъ коихъ 20 руб. выдавалось въ каютъ-компанію, а 36 руб. мы получали на руки, въ наше распоряженіе. Денегъ на пароходѣ тратить было некуда, а потому мы имѣли средства завести штатское платье, дѣлать разныя покупки и пользоваться береговыми развлеченіями. Первый штормъ мы встрѣтили въ Балтійскомъ морѣ и первый валъ, вкатившійся на пароходъ, надѣлалъ много намъ хлопотъ, потому что вода влилась черезъ люки въ каютъ-компанію и на кубрикъ. Въ Англійскомъ каналѣ мы нашли много судовъ, а одинъ ботикъ надѣлалъ намъ тревогу; ночью, передъ самымъ носомъ, показался огонь, а до того шелъ безъ огня. Раздалась команда:—„право на бортъ“,—„лѣво на бортъ“—и, благодаря Богу, разошлись благополучно. У насъ былъ взятъ лоцманъ англичанинъ, представлявшій оригинальную фигуру: онъ все время жевалъ табакъ, отплевывался и выговаривалъ румбы компаса какимъ-то хрюканьемъ. Лоцманамъ платили большія деньги. За проводъ судна, около берега Англіи, на разстояніи 10 миль лоцману даютъ 30 фунтовъ стерлинговъ. По дорогѣ въ Англійскій каналъ, мы заходили въ порты Кпль и Готебергъ; обогнали на пути фрегатъ „Громобой“ и 21 октября пришли въ Брестъ, гдѣ пробыли 4 дня. Тутъ мы осматривали портъ, гавань и арсеналъ. Намъ показали, какъ паровой молотъ въ 150 пудовъ вѣсомъ раскололъ грецкій орѣхъ, доказательство искуснаго управленія молотомъ. Въ арсеналѣ намъ очень понравились колонны, пирамиды, цвѣты, букеты, сдѣланные

изъ сабель, ружей, пистолетовъ, палашей съ большимъ изяществомъ. При входѣ находится орелъ, метущій стрѣлы съ надписью: Аустерлицъ; вся эта фигура сдѣлана изъ сабель. Не помню, въ какомъ-то изъ городовъ я, дѣлая покупки, торговался въ цѣнѣ. Купецъ, видя предъ собою русскаго, сказалъ мнѣ: „у васъ 20 милліоновъ рабовъ, а вы торгуетесь изъ-за 2-хъ франковъ“. Тутъ я впервые услыхалъ, что крѣпостныхъ нашихъ мужиковъ приравниваютъ къ рабамъ. Въ Брестѣ мы видѣли самый большой военный корабль французскаго флота, который не посылаютъ въ море, потому что онъ имѣетъ большой кренъ, а ходитъ прекрасно. Очевидно, это ошибочное созданіе французскихъ корабельныхъ инженеровъ. Въ 4 докахъ работало тогда 1.000 арестантовъ, ежедневная работа коихъ начинается въ 6 час. утра и продолжается до 6 час. вечера; полчаса удѣляется на обѣдъ.

Изъ Бреста мы перешли въ Лиссабонъ. По дорогѣ, въ Бискайскомъ заливѣ и у береговъ Пиренейскаго полуострова, мы выдержали въ теченіе 3 сутокъ большой штормъ: ревѣлъ южный вѣтеръ, пароходъ страшно качало; волны безпрестанно вкатывались на палубу и даже на мостикъ чрезъ кожуховые борта; кренъ доходилъ до 35 градусовъ. Въ Лиссабонѣ мы должны были выдержать двухдневный карантинъ, такъ какъ жители были напуганы желтою лихорадкою, занесенною сюда въ прошломъ году, въ первый разъ. На первыхъ дняхъ съ нашими офицерами произошло приключеніе: небольшая компанія поѣхала въ городъ, въ театръ. Вечеромъ за уѣхавшими былъ посланъ съ парохода катеръ. Къ ночи заревѣлъ штормъ, посланный катеръ не могъ держаться у пристани и возвратился назадъ. Выйдя изъ театра, офицеры наши долго искали катеръ, промокли на дождѣ и вынуждены были ночевать въ городѣ. На утро они наняли вольную шлюпку и заплатили болѣе 6 рублей, за переѣздъ къ пароходу на разстояніе меньше версты. На здѣшнемъ рейдѣ безпрестанно измѣняется направленіе теченія воды, вслѣдствіе прилива и отлива, скорость которыхъ доходила до 5 миль въ часъ. Сверхъ того, впадающая въ море рѣка весьма неправильно дѣйствуетъ на воды рейда.

8 ноября нашъ посланникъ дѣлалъ балъ для русскихъ офицеровъ; на этотъ балъ капитанъ взялъ двухъ гардемаринъ и меня. Число гостей было большое и очень разнообразное; танцы шли безпрерывно до 3 часовъ; въ мазуркѣ наши офицеры затмили прочихъ кавалеровъ своимъ искусствомъ. Меня удивило, что деревянный полъ въ залѣ былъ бѣлый, некрашенный. На Лиссабонскомъ рейдѣ мы простояли дольше предположеннаго вслѣдствіе полученнаго поврежденія: ночью, нашъ пароходъ подрейфовало и натолк-

нуло на барку. Пришлось чиниться. Затѣмъ, задулъ свѣжій вѣтеръ, и пришлось отложить выходъ въ море до 16 ноября. Былъ я въ театрѣ и не видалъ на сценѣ красивыхъ женщинъ: ни въ оперѣ, ни въ балетѣ. Русскій консулъ въ Лиссабонѣ, плутоватый человѣкъ, содралъ съ капитана громадную сумму денегъ за небольшія починки парохода. Затѣмъ, намъ понадобился курительный табакъ для матросовъ, и консулъ доставилъ этотъ продуктъ, когда спросили цѣну, то оказалось 3 рубля за фунтъ. Капитанъ пришелъ въ ужасъ отъ дороговизны. Въ Кронштадтѣ простой табакъ стоилъ 10 коп. фунтъ. Предложили консулу взять назадъ привезенный табакъ, но онъ отказался, ссылаясь на таможенныя правила, по которымъ запрещенъ ввозъ табаку. Однако, капитанъ настоялъ на своемъ, и табакъ былъ взятъ обратно. Захотѣли мы размѣнять русское золото на французское, консулъ выразилъ согласіе сдѣлать размѣнъ и сказалъ:—соберите побольше, я вамъ заплачу по 18½ франковъ за полуимперіалъ. Мы, конечно, не согласились на подобное предложеніе, потому, что вездѣ намъ платили за русскій полуимперіалъ 20 франковъ. Вотъ какъ русскій консулъ заботился о нашихъ интересахъ! Здѣсь кстати упомянуть о португальской мелкой монетѣ рейсъ. Въ то время нашъ рубль стоилъ 650 рейсовъ. Всѣ счеты идутъ на рейсы: бутылка вина 1.440 рейсовъ; обѣдъ 12.000 рейсовъ и т. д.

Гибралтарскій проливъ, имѣющій ширины около 10 миль, мы проходили днемъ и направили курсъ на Малагу. Были уже близко къ цѣли, какъ пошелъ дождь и сдѣлалось пасмурно. При такихъ условіяхъ нельзя было входить въ незнакомый портъ, и капитанъ рѣшилъ продержаться ночь въ морѣ. А тутъ заревѣлъ западный вѣтеръ изъ Гибралтара, поднялась буря; валы ходили черезъ верхнюю палубу, кренъ доходилъ до 25° градусовъ, пароходъ несло бокомъ; руль дѣйствовалъ очень слабо. Смѣнившись въ полночь съ вахты, я однако не могъ уснуть отъ качки, хотя былъ очень утомленъ. Къ утру стихло; пошли снова въ Малагу. Подошли къ берегу; идемъ, идемъ и все нѣтъ порта. Не помогъ намъ и лоцманъ, взятый изъ Англіи. Испанскій берегъ высокій, однообразный, отличительныхъ знаковъ никакихъ нѣтъ, глубина вездѣ большая. На счастье, встрѣтили какого-то рыболова, и тотъ намъ сказалъ, что мы уже прошли Малагу. Вернулись назадъ, но засвѣтло не поспѣли войти въ портъ и провели ночь опять въ морѣ. Въ Малагѣ мы встали за молъ, ошвартовались и провели стоянку въ спокойномъ состояніи. Въ этомъ портѣ защищать наши интересы принялъ на себя французскій консулъ, такъ какъ русскаго консула тамъ не было. Этотъ консулъ сдѣлалъ для насъ soirée dansante, на кото-

ромъ вмѣстѣ съ офицерами были одинъ гардемаринъ и я. Танцевали по ковру. По обычаю здѣсь ангажируютъ на весь танецъ. Всѣ дамы говорили по-французски. Было очень весело. Любезный хозяинъ угощалъ насъ 25-ти лѣтней малагой, въ которой я однако мало понялъ толку. Здѣсь я купилъ себѣ 2 ящика великолѣпнаго сухого винограду за 5 франковъ. Климатъ здѣсь очень теплый. Родители мои, проживавшіе въ Петербургѣ, очень удивились, узнавъ изъ моего письма, что наши матросы здѣсь купались. Надо замѣтить, что Малага южнѣе Алжира.

Изъ Малаги мы перешли въ Барцелону. Такого большого города мы еще не видали: улицы прекрасныя, бульваръ великолѣпный, магазиновъ бездна, вездѣ мраморъ. Взяли билеты въ оперу, а произошла перемѣна: вмѣсто оперы шла комедія. Мы остались смотрѣть испанскую комедію. Былъ въ большомъ театрѣ, гдѣ слушалъ оперу „Норму“. Оркестръ въ театрѣ хорошій, но декораціи хуже петербургскихъ. За кресло въ 3-мъ ряду я заплатилъ 12 реаловъ, что составляло тогда 84 копѣйки. Ѣздили мы за городъ, гдѣ видали садъ для гуляній и маленькій звѣринецъ. Осматривали арену, гдѣ бываетъ бой быковъ. Кофейныя здѣсь прекрасныя и берутъ недорого: чашка кофе—1 реалъ, рюмка малаги—тоже. Реалъ равнялся 7 копѣйкамъ. Къ кофею обыкновенно подаютъ ромъ и воду; но мы не употребляли ни того, ни другого. Въ бытность нашу въ Барцелонѣ, къ намъ пріѣзжала европейская знаменитость, фокусникъ Боско. Штуки, которыя онъ выдѣлывалъ съ картами и золотою монетою,—удивительны. Онъ попросилъ у насъ икры, которую ему дали. Такой икры здѣсь не достанешь на вѣсъ золота. Вѣроятно, этотъ продуктъ послужилъ ему матеріаломъ для какого-нибудь особеннаго фокуса.

Изъ Барцелоны пароходъ нашъ перешелъ въ Вилла-Франку, а оттуда вмѣстѣ съ русскою эскадрою въ Тулонъ. Здѣсь стояла французская эскадра; при прохожденіи Великаго Князя, который имѣлъ свой флагъ на „Громобоѣ“, французскіе моряки были посланы на реи и кричали „ура“. Въ Тулонѣ Великій Князь перешелъ на нашъ пароходъ, и мы пошли на другой день въ Марсель. Тутъ мы встали у самой береговой пристани. Утромъ пріѣхали изъ города военные и гражданскіе чины для представленія Великому Князю. Я стоялъ на мостикѣ и съ интересомъ наблюдалъ за прибывшими. Разнообразіе мундировъ было большое. Изъ всѣхъ выдѣлялся католическій епископъ. Но, по моему мнѣнію, форма русскихъ моряковъ красивѣе французскихъ. Скажу безъ пристрастія, что въ группѣ собравшихся на палубѣ лицъ Великій Князь былъ изящнѣе всѣхъ.

Небольшой портъ Вилла-Франка расположенъ вблизи города Ниццы; а какъ въ этомъ порту часто стоялъ нашъ пароходъ, то я побывалъ въ названномъ городѣ, который въ то время принадлежалъ Сардинскому королевству. Городъ отличался своею тихою жизнью, прекраснымъ климатомъ и былъ богатъ цвѣтами. Жизнь въ Ниццѣ была вчетверо дешевле петербургской.

Въ Вилла-Франкѣ у насъ на пароходѣ убился мальчикъ. Этотъ несчастный случай произошелъ такимъ образомъ. Къ намъ пріѣзжала съ берега прачка брать офицерское бѣлье, иногда она съ собою привозила своего сына—ребенка лѣтъ 4—5. Однажды эта женщина уѣхала домой, а ребенка оставила на пароходѣ. Былъ хорошій солнечный день, палуба была почти пустая; ребенокъ полѣзъ на ванты и, поднявшись аршина на три, оборвался и упалъ на палубу, ударившись головой о доски. Не было ни капли крови, ребенокъ былъ мертвъ. Возвратившаяся мать, при видѣ мертваго сына, сильно плакала и рыдала. Черезъ нѣсколько дней ей была вручена значительная сумма денегъ, кажется, франковъ 150, пожертвованная нашими офицерами.

Въ Тулонѣ, не помню, когда именно, произошелъ слѣдующій случай. У насъ на пароходѣ составился небольшой струнный оркестръ изъ молодежи-любителей. Какъ-то днемъ, въ хорошую погоду, наши музыканты были на палубѣ. Случайно проходилъ мимо французскій катеръ съ арестантами. Нашъ оркестръ заигралъ марсельезу. Арестанты, услышавъ этотъ революціонный гимнъ, пришли въ волненіе и начали кричать. На другой день пришлось давать объясненія французскимъ властямъ, по поводу вчерашняго инцидента.

29 декабря 1858 года мы были въ Генуѣ, куда зашли, укрываясь отъ сильнаго вѣтра. Въ началѣ января мы пришли въ Чивита-Веккію. Эта гавань Рима была въ то время занята французами. Они продолжали возводить фортификаціонныя постройки. Хотя городъ маленькій, но есть театръ, гдѣ мѣсто въ партерѣ стоило 16 коп. Сообщеніе съ Римомъ было въ дилижансахъ, такъ какъ желѣзная дорога не была еще готова. У насъ на пароходѣ въ этотъ рейсъ была Великая Княгиня Екатерина Михаиловна, сильно боящаяся морской качки, а потому Княгиня не выходила на верхнюю палубу, а все больше лежала у себя въ каютѣ, въ висячей койкѣ.

11 января 1859 г. мы пришли въ Палермо, гдѣ были уже русскія военныя суда. Городъ богатый, но роскошныхъ магазиновъ нѣтъ. Я былъ въ соборѣ, который внутри обложенъ мраморомъ. Мнѣ понравились въ немъ разные букеты, стоящіе передъ образами и

сдѣланные изъ раковинъ. Мы посѣтили катакомбы, въ которыхъ сохранилось нѣсколько тысячъ скелетовъ, одѣтыхъ, кто въ ветхихъ, а кто въ новыхъ костюмахъ. Хотя въ катакомбахъ и свѣтло, но какъ-то страшно было смотрѣть на мертвецовъ, построенныхъ въ ряды при стѣнахъ. Мы вдвоемъ поднимались на ослахъ въ Monte-Piligrimo, гдѣ спасалась св. Розалія, мощи которой находятся въ Палермо. Гротъ св. Розаліи довольно большой. На томъ мѣстѣ, гдѣ эта святая умерла, поставлена статуя и теплятся 2 лампады. Тутъ же находится мужской монастырь. Изъ Палермо мы ходили съ Великимъ Княземъ въ г. Мессину на короткое время. Тамъ Великій Князь осматривалъ 135 пушечный корабль „Цесаревичъ“, и мы скоро вернулись въ Палермо. Въ Мессинскомъ проливѣ встрѣчается спорное теченіе, довольно сильное и опасное для парусныхъ судовъ, которыя выбрасываетъ на берегъ. Это Сцилла и Харибда у древнихъ. 1-го февраля на кораблѣ „Ретвизанъ“ былъ dejeuner dansant съ 1 часу до 10 часовъ. Гостей было много. Этотъ балъ посѣтили Великіе Князь и Княгиня и принимали участіе въ танцахъ.

13 февраля нашъ пароходъ пошелъ въ Мальту, гдѣ находились русская и англійская эскадры. Мы стали на якорь въ гавани Ла-Валета. Эта гавань очень большая и превосходная. Городъ построенъ на горѣ. Я осматривалъ здѣшній соборъ, въ коемъ погребены мальтійскіе рыцари; весь полъ собора покрытъ рыцарскими гербами, сдѣланными мозаикою. Стѣны мѣстами покрыты лапись-лазурью и серебряными украшеніями. Посѣщеніе собора вышло неудачно для меня. Было темно; свѣча свѣтила слабо; а потому я плохо видѣлъ. Выходя изъ собора, я, по ошибкѣ, далъ проводнику золотую монету 5 руб., вмѣсто серебряной однофранковой монеты. Въ Ла-Валетѣ я хотѣлъ себѣ купить цилиндръ или круглую шляпу французскаго фасона; но ни того, ни другого я не нашелъ: всѣ показываемые мнѣ цилиндры и шляпы были англійскаго фасона.

Изъ Мальты мы пошли съ русскою эскадрою въ Палермо. Здѣсь, въ наступившемъ великомъ посту мы всѣ говѣли. Совершенно неожиданно, въ ночь на 5 марта мы вышли изъ Палермо и пошли въ Чевитта-Веккію. По дорогѣ узнали, что Великій Князь получилъ депешу отъ Государя отправить пароходъ въ распоряженіе прусскаго короля. Великій Князь назначилъ нашъ пароходъ, а такъ какъ король находился въ Римѣ, то мы и пошли въ Чевитта-Веккію. Какъ только пришли въ этотъ портъ, такъ тотчасъ капитанъ съ 3 офицерами отправился въ Римъ представиться прусскому королю. По возвращеніи капитана, нѣкоторые изъ насъ пытались получить разрѣшеніе ѣхать въ Римъ, но капитанъ рѣшительно отказалъ въ отпускѣ. 28 марта задулъ сирокко, и нельзя было и думать выйти

въ морѣ: вѣтеръ развилъ сильное волненіе. Чтобы удержать пароходъ на мѣстѣ, мы завезли съ кормы 14 кабельтовъ. Ночью 2 цѣпныхъ швартова лопнули, и мы, стоя на мѣстѣ, развели пары, чтобы спасти нашъ пароходъ отъ гибели. Мы ожидали, что скоро желѣзная дорога будетъ готова и тогда легко будетъ съѣздить въ Римъ. Говорили, что первый поѣздъ пойдетъ 19 марта, однако это предположеніе не оправдалось. 13 марта я былъ на берегу и смотрѣлъ здѣшнюю церковную процессію по случаю праздника Благовѣщенія. Впереди несли нѣсколько фонарей, затѣмъ распятіе, еще распятіе, огромный крестъ, опять распятіе, еще что-то и въ заключеніе Богоматерь съ Сыномъ, сдѣланныя изъ воску. Тутъ шло духовенство и полисмены съ ружьями и въ шляпахъ. Меня очень удивило, что полицейскіе входятъ въ храмъ со шляпами на головахъ и съ ружьями. Передъ окончаніемъ процессіи, одинъ монахъ говорилъ народу проповѣдь, продолжавшуюся битый часъ. Впослѣдствіи мы узнали, что военная стража всегда сопровождаетъ папу при богослуженіи; при чемъ люди входятъ въ храмъ съ касками на головахъ, съ примкнутыми штыками къ ружьямъ, держа обнаженныя сабли. Такъ стража подходитъ къ алтарю. Намъ объяснили, что подобная охрана нужна потому, что въ числѣ молящихся бываетъ много невѣрующихъ, со стороны коихъ можно ожидать разныхъ насилій и оскорбительныхъ дѣйствій... Въ Чевитта-Веккіи стоитъ французскій гарнизонъ; и я замѣтилъ, что солдаты этого гарнизона совсѣмъ не набожны. Когда процессія обходила городъ, то при проносѣ распятія всѣ снимали шляпы; солдаты же не снимали своихъ картузовъ и держали руки въ карманъ. Когда на улицѣ появлялась несомая Мадонна, то всѣ падали на колѣни; солдаты же оставались совершенно безучастными къ этой святынѣ. Изъ Чевитта-Веккіи мы пошли съ Великою Княгинею Маріею Николаевною въ Марсель. Съ Княгинею былъ графъ Строгановъ—человѣкъ очень любезный. Онъ много бесѣдовалъ съ офицерами, совершенно по-дружески. Меня поразила одна фраза, имъ сказанная: „вотъ, не было печали, черти накачали“. Такой фразы я не ожидалъ слышать изъ устъ аристократа. Съѣхавъ въ Марсели на берегъ, Великая Княгиня выразила свое удовольствіе за прекрасный переѣздъ по морю.

Не помню, въ которое изъ посѣщеній Марселя, мнѣ пришлось ходить по магазинамъ съ нашимъ монахомъ, который захотѣлъ купить себѣ шелковой матеріи на рясу. И что же,—мы были въ 3-хъ или 4-хъ лучшихъ магазинахъ и не нашли такой матеріи, какая была одѣта на монахѣ. Намъ показывали все тонкія матеріи, а монаху нужна была толстая; таковыхъ матерій въ продажѣ не было. Приказчики намъ объяснили, что черныя шелковыя матеріи носятъ

дамы, которыя не любятъ грубыхъ толстыхъ издѣлій, а предпочитаютъ тонкіе образцы: такъ нашъ монахъ и остался безъ покупки.

Въ концѣ марта нашъ пароходъ пошелъ въ Неаполь, гдѣ мы застали русскую эскадру. Неаполь славится красотою своего мѣстоположенія: расположенный амфитеатромъ, на берегу большого залива, подъ прелестнымъ голубымъ небомъ, городъ и огнедышащій Везувій всегда привлекаютъ къ себѣ вниманіе иностранцевъ. „Видѣть Неаполь и умереть"—гласитъ мѣстная поговорка. У насъ на пароходѣ молодежь распѣвала романсъ, въ которомъ говорилось: „Неаполь, безпечный и странный, горитъ милліардомъ огней". Я осматривалъ городъ; былъ на королевской виллѣ, мѣсто общаго гулянья; слушалъ оперу „Травіата" и былъ въ звѣринцѣ. Тамъ животныхъ не много, но меня удивилъ укротитель, который ходилъ къ звѣрямъ и распоряжался львами, какъ ягнятами. 3-го іюля прусскій король прибылъ къ намъ на пароходъ, и мы отвезли его въ Амальфу — мѣстечко, недалеко отъ Неаполя. Тутъ произошла ошибка: по винѣ лоцмана, мы высадили Его Величество не тамъ, гдѣ предполагалось. Стоянкою въ Неаполѣ мы воспользовались, чтобы посѣтить Помпею. Мы втроемъ наняли коляску за 3 піастра и поѣхали въ этотъ старый городъ. Ѣхали 1½ часа по безконечной улицѣ, обставленной домами и садами. Ландшафты были великолѣпные, и мы много восхищались красивою мѣстностью. Въ то время Помпею окружалъ большой земляной валъ. При входѣ, насъ встрѣтилъ проводникъ, говорящій по-французски. Войдя на валъ, мы увидали множество столбовъ и стѣнъ этого погребеннаго подъ пепломъ города. Въ Помпеѣ множество площадей и храмовъ. Самая большая площадь (Правосудія) окружена рядами столбовъ и на одномъ концѣ было мѣсто судьи. Узенькія улицы вымощены каменьями; тротуары нѣсколько возвышены. Дома вообще одинаковые. Видали театръ, имѣющій 2 этажа съ небольшою сценою. Самое большое зданіе—это амфитеатръ, похожій на видѣнный нами въ Барцелонѣ. Солдатъ, стоявшій на часахъ у входа, увидѣвъ насъ, преспокойно положилъ ружье и пошелъ показывать намъ это зданіе. При входѣ, эхо повторяло три раза человѣческій голосъ. На верхнемъ ряду зданія отведены мѣста для дамъ; особыя мѣста устроены для консуловъ. Во многихъ домахъ стѣны разрисованы картинами, которыя попорчены сыростью. На поляхъ сохранилась мозаиковая работа, представляющая очень красивые узоры. Городъ Помпея былъ окруженъ широкою стѣною, за которою находилось кладбище, также отрываемое. Въ концѣ города отрыли домъ Діомида, самый большой изъ отрытыхъ. Въ подвалѣ этого дома было найдено 17 труповъ. Возвращаясь назадъ въ Неаполь, мы заѣхали въ Геркуланумъ.

Часть этого города залита лавою, представляющею твердость крѣпкаго камня; а потому отрытіе города представляетъ большую трудность. Открыли существованіе Геркуланума случайно: начали строить колодезь и попали въ театръ. Въ то время отрыта была только небольшая часть театра. Проводникъ солдатъ роздалъ намъ свѣчи и повелъ внизъ. — Мы спускались довольно долго и, наконецъ, очутились въ корридорѣ театра. Кругомъ насъ была твердая, застывшая лава. Мѣстами слой лавы надъ городомъ имѣетъ 80 фут. толщины. Когда мы были внизу, наверху, по землѣ, ѣхалъ экипажъ. Стукъ этого экипажа раздавался въ нашихъ ушахъ, какъ громовой раскатъ.

Мы простояли на Неаполитанскомъ рейдѣ нѣсколько дней, и я имѣлъ случай осмотрѣть знаменитые гроты. Мы вдвоемъ съ товарищемъ наняли коляску въ Байю. Дорога идетъ къ горѣ Посилипо, сквозь которую пробитъ проходъ, длиною около версты. Проходъ этотъ освѣщается фонарями. Далѣе, дорога сворачиваетъ съ шоссе и идетъ по песчаной тропинкѣ. Часа черезъ полтора мы въѣхали на небольшую прелестную равнину, имѣющую озеро и окруженную со всѣхъ сторонъ зелеными горами. Трудно представить пейзажъ болѣе живописный. Какъ только мы сошли съ коляски, насъ встрѣтилъ чичероне и предложилъ услуги. Осмотръ начался съ извѣстной Собачьей пещеры. Проводникъ отворилъ дверь въ маленькую лазейку. Явилась женщина съ собакою и объявила, что если мы хотимъ видѣть, какъ будетъ задыхаться собака, то должны заплатить 6 карлинъ. Мы, конечно, согласились и видѣли, какъ задыхается собака и какъ, наконецъ, ее выбросили едва живую на воздухъ. Я бросилъ на землю франкъ, и чичероне поднялъ монету зубами съ земли, обративъ франкъ въ свою пользу. Онъ намъ сообщилъ, что собака можетъ прожить въ пещерѣ 3 минуты, а человѣкъ 7 минутъ. Потомъ чичероне повелъ насъ къ озеру и указалъ мѣсто, откуда постоянно поднимается газъ амміакъ, и пояснилъ, что вода на днѣ озера теплая. Тутъ же обратилъ наше вниманіе на зеленыхъ лягушекъ, прибавивъ, что ихъ можно ѣсть. Затѣмъ, насъ привели къ другой пещерѣ, гдѣ съ земли поднимается углекислота. Солдатъ отворилъ дверь и предложилъ намъ попробовать шампанскаго. Солдатъ сѣлъ на корточки и сталъ махать рукою газъ себѣ въ ротъ. Я сдѣлалъ то же самое; но какъ только нагнулся и махнулъ рукою, какъ газъ бросился мнѣ въ ротъ, носъ, уши, глаза, и я ошалѣлъ. Ощущеніе было похоже, какъ отъ выпитаго шампанскаго или лимонада газесъ. Послѣ того, намъ показывали какія-то развалины, далѣе указали мѣсто, гдѣ постоянно находится горячая сѣра и поднимается какой-то газъ.

Этимъ окончился осмотръ сѣрной долины, и мы поѣхали назадъ тою же дорогою. На пути мы осматривали гробницу Виргилія. Тутъ я замѣтилъ, какъ итальянцы выманиваютъ деньги у посѣтителей. Одинъ человѣкъ отворяетъ дверь и проситъ уплаты, слѣдующую дверь отворяетъ другой человѣкъ и проситъ за трудъ. Затѣмъ, особый проводникъ ведетъ къ осматриваемому мѣсту за особую плату; да сверхъ того, этотъ человѣкъ проситъ на водку, или на макароны.

Стоянка на Неаполитанскомъ рейдѣ была самою пріятною: мы видали такъ много новыхъ предметовъ и получили впечатлѣніе на всю жизнь. Почти всѣ накупили себѣ разныхъ мелкихъ вещей изъ лавы; а я кромѣ того купилъ двѣ картины, писанныя масляными красками по полотну. Картины изображаютъ видъ Неаполитанскаго залива съ городомъ и Везувіемъ. Эти двѣ вещи до сихъ поръ сохранились у меня въ цѣлости, хотя висятъ на стѣнѣ безъ стеколъ.

Изъ Неаполя мы вышли 6 апрѣля и пошли съ прусскимъ королемъ въ Чевита-Веккію, гдѣ король съѣхалъ на берегъ и уѣхалъ въ Римъ, а пароходъ нашъ остался въ гавани. Мы, воспитанники, получили отпускъ и въ числѣ 6 человѣкъ поѣхали въ Римъ по желѣзной дорогѣ, которая на этотъ разъ была готова. Въ вѣчномъ городѣ трудно было намъ найти помѣщеніе по нашимъ средствамъ. Была Пасха, и городъ былъ наполненъ иностранцами; свободныхъ комнатъ въ гостиницахъ не было. На счастье, намъ пришло въ голову обратиться въ русскую церковь за помощью. Дьяконъ и причетники согласились намъ помочь. Отстоявъ всенощную, мы всей компаніей отправились искать квартиру и скоро нашли три комнаты съ постелями и мебелью на 2 сутокъ за 7 скуди или 38 франковъ. Эта плата была очень дешевая. Помѣстившись въ комнатахъ, мы тотчасъ пошли смотрѣть храмъ св. Петра. Съ перваго взгляда, это знаменитое зданіе вовсе не представляется такимъ громаднымъ, какимъ оно есть. Да и наружный видъ ничѣмъ не привлекаетъ къ себѣ вниманія, какъ напримѣръ Исаакіевскій соборъ въ Петербургѣ. Кажется, просто старинное старое зданіе. Но когда войдешь въ соборъ, тогда начинаешь понимать гигантскіе размѣры зданія. Я былъ въ немъ три раза и измѣрялъ его шагами. Длина собора 250 шаговъ, ширина у входа 130 шаговъ. На полу сдѣланы нѣсколько отмѣтокъ о длинѣ другихъ зданій. Я запомнилъ отмѣтку длины собора св. Павла въ Лондонѣ. По срединѣ храма находились мощи апостола Петра и надъ ними сдѣланъ алтарь. Надъ алтаремъ сдѣлана сѣнь (балдахинъ), которая кажется игрушечкой въ сравненіи съ соборомъ. Между тѣмъ, высота креста, вѣнчающаго сѣнь, равна

высотѣ зимняго дворца въ Петербургѣ. Это свѣдѣніе намъ сообщилъ нашъ соотечественникъ. Въ переднемъ углу собора сдѣлано большое возвышеніе и тамъ стоитъ стулъ, на которомъ, по преданію, сидѣлъ апостолъ Петръ. Стула этого однако не видать. Между этимъ возвышеніемъ и алтаремъ устроено мѣсто для папы, гдѣ онъ сидитъ во время богослуженія и куда ему приносятъ св. дары. Извѣстно, что соборъ св. Петра строился очень долго; начатъ онъ былъ въ 1506 году. На площади передъ соборомъ находятся громадныя колоннады, похожія на колоннады передъ Казанскимъ соборомъ въ Петербургѣ. Тутъ же устроены 2 большихъ фонтана и поставленъ обелискъ. Разсказываютъ, что во время постановки обелиска строжайше было запрещено ѣздить и громко говорить, дабы ничто не мѣшало слышать команду архитектора. Когда установка была приведена къ концу, оказалось, что канаты были коротки, и архитекторъ пришелъ въ отчаяніе, потому что приходилось начинать работу снова. Въ эту критическую минуту, находящійся тутъ мужикъ закричалъ:—„намочите канаты, и они будутъ длиннѣе“.—Это указаніе было исполнено, и обелискъ благополучно былъ поставленъ на мѣсто; мужикъ же, испугавшись своей дерзости, убѣжалъ и скрылся. Однако его отыскали и предложили ему указать награду, какую онъ желалъ бы получить. Мужикъ выговорилъ себѣ монополію на продажу вербъ въ извѣстный день; чрезъ это право онъ вскорѣ разбогатѣлъ и сдѣлался милліонеромъ.

Вечеромъ, въ первый день Пасхи, была по обыкновенію, иллюминація собора. Весь соборъ отъ креста до основанія, а также балюстрады колоннъ были покрыты огнями. Ровно въ 8 часовъ происходила перемѣна огня: мелкіе огни замѣнялись крупными. Вся эта перемѣна безчисленнаго множества огней была произведена въ нѣсколько секундъ. Надо вѣдь знать, что въ то время электрическаго освѣщенія вовсе не существовало, а потому эта перемѣна требовала много искусства. Для зажиганія огней посылаются особые люди, а человѣкъ, который лѣзетъ на самый верхъ собора, подъ крестъ, всегда бываетъ одинъ и тотъ же; онъ получаетъ хорошее вознагражденіе, и никто этого заработка отъ него не отнимаетъ. Мы, русскіе, полюбопытствовали узнать, какъ велико это вознагражденіе и опредѣляли его: въ полскуди, одно скуди (5½ франковъ), 2 скуди и получали отрицательный отвѣтъ. Оказалось, мы впали въ преувеличеніе: плата ловкому человѣку была всего 2 паола, около 30 коп.

На слѣдующій день, къ намъ на квартиру явился аббатъ S. и предложилъ намъ свои услуги, въ качествѣ чичероне. Аббатъ думалъ сперва, что пріѣзжіе—англичане, но, узнавъ, что мы утромъ

потребовали сливокъ, догадался, что мы—русскіе. Онъ отказался отъ всякаго денежнаго вознагражденія и ѣздилъ съ нами по городу совершенно безплатно. Сперва мы хотѣли, въ сопровожденіи аббата, подняться на куполъ св. Петра, но насъ туда не пустили. Проѣзжая по улицамъ, мы встрѣтили огромную духовную процессію, въ которой было болѣе 200 монаховъ. Тутъ намъ бросились въ глаза какія-то особыя хоругви, имѣющія видъ остроугольныхъ палатокъ. По объясненію аббата, эта процессія была небольшая. Изъ собора мы отправились въ Ватиканъ. Это старинный папскій дворецъ, состоящій изъ огромнаго количества домовъ, не имѣетъ единства и правильности. Въ немъ считается 22 двора и 11.000 комнатъ. Въ этомъ зданіи хранятся сокровища живописи и скульптуры. Мы поднялись по парадной лѣстницѣ съ огромнаго папскаго двора въ покои папы. Лѣстница сдѣлана вся изъ мрамора. Первая комната—зало швейцарцевъ, украшенная мозаиковыми картинами. При входѣ въ зало, мы встрѣтили знаменитаго кардинала Антонели, который управлялъ всѣми дѣлами. Это красивый и стройный мужчина. Его итальянцы ненавидятъ, грозятъ ему смертью, и въ 1858 году было покушеніе на его жизнь въ этомъ самомъ залѣ. Насъ поразилъ нарядъ швейцарцевъ—папской гвардіи. Люди эти имѣютъ одежду, сшитую изъ разноцвѣтныхъ кусочковъ матеріи: синей, желтой, красной. По нашему понятію—это шутовскій нарядъ, а по мнѣнію итальянцевъ—это живописный костюмъ Микель Анджело. На головахъ каски, похожія на наши гвардейскія, а оружіе—какая-то старинная алебарда. Дальше этой залы насъ не пустили, потому что тамъ былъ папа. Отсюда мы отправились въ мастерскую мозаиковыхъ картинъ. Искусство, въ которымъ изготовляются картины—удивительно. Произведеніями этой мастерской папа дѣлаетъ подарки разнымъ государямъ. При насъ изготовляли портреты папъ для церкви св. Павла. Потомъ мы отправились въ Капитолій. Въ этомъ святилищѣ древняго Рима собраны различныя древнія статуи. На меня произвела особое впечатлѣніе статуя Геркулеса, сдѣланная съ удивительною правильностью и изяществомъ.

Затѣмъ, мы поѣхали въ Колизей. Это—остатки громаднѣйшаго амфитеатра-цирка, въ которомъ давались въ древности спектакли. Здѣсь шли бои гладіаторовъ; христіанскіе мученики травились дикими звѣрями; здѣсь же происходили морскія сраженія. Аббатъ нашъ сильно прихвастнулъ, сказавъ, что въ Колизей помѣщалось 3 милліона человѣкъ. Могла помѣститься тридцатая часть этого огромнаго числа. Надо прибавить, что аббатъ считалъ въ древнемъ Римѣ 5 милліоновъ жителей. Около Колизея есть forum romanum, гдѣ въ древности цари и консулы принимали пословъ и подписывали

смертные приговоры. Теперь эта площадь называется коровьимъ полемъ.

Изъ Колизея мы поѣхали въ монастырь Капуциновъ, находящійся за городомъ. Дорога къ монастырю идетъ по улицѣ Апія, которая была главная въ древнемъ Римѣ и простиралась совершенно по прямой линіи 14 миль. По обѣимъ сторонамъ дороги гробницы древнихъ римлянъ. Монастырь Капуциновъ имѣетъ небольшую церковь въ землѣ, гдѣ совершали богослуженіе первые христіане. Въ этой церкви показываютъ величину слѣда Спасителя. Отъ этой церкви идутъ подземныя помѣщенія, гдѣ спасались первые христіане. Подземные ходы идутъ даже подъ городомъ Римомъ. При открытіи этихъ ходовъ было найдено много мощей. Намъ показывали ходъ, который ведетъ къ морю и въ которомъ недавно погибло нѣсколько заблудившихся путешественниковъ. Теперь этотъ ходъ закрытъ, по приказанію папы. На возвратномъ пути изъ монастыря, мы осмотрѣли гробницу Сицилія Метелла, которая представляетъ огромное полуразрушенное зданіе. Далѣе, мы видѣли гротъ Нимфъ Егерій, а потомъ бани Каракаллы. Это остатки огромнаго зданія, гдѣ были устроены большія залы для купанія императоровъ, консуловъ, а потомъ и для народа. При баняхъ было много комнатъ, въ которыхъ жили императоры по цѣлымъ недѣлямъ. Теперь, остались только стѣны, около которыхъ растутъ кусты розъ. Послѣ того, мы видѣли зданіе, гдѣ сожигались трупы умершихъ и сохранялся ихъ пепелъ. Въѣзжая въ городъ, мы мимоходомъ видали древній фонтанъ, а затѣмъ зашли въ храмъ богини Весты. Въ этомъ небольшомъ зданіи, теперь обращенномъ въ часовню, жили весталки. Подъ зданіемъ находится подземелье, куда сажали весталокъ, невыполнившихъ обѣта цѣломудрія. Въ подземельѣ, находились змѣи. Потомъ мы осмотрѣли Пантеонъ. Это величественное древнее зданіе имѣетъ въ вершинѣ купола большое отверстіе, которымъ освѣщается. Прежде Пантеонъ былъ посвященъ всѣмъ богамъ; поэтому во время нашествія варваровъ на Римъ, имъ говорили, что здѣсь находится и вашъ богъ. Вотъ причина, по которой зданіе ,это сохранилось отъ грабежа и разрушенія и представляетъ, по словамъ аббата, самое древнее зданіе въ мірѣ. Теперь, Пантеонъ обращенъ въ церковь и имѣетъ нѣсколько алтарей.

Осмотрѣвъ Пантеонъ, мы поѣхали за городъ въ храмъ св. Павла. Это зданіе въ то время не было еще окончено. Зданіе построено въ новѣйшемъ вкусѣ, украшено мраморными столбами и представляетъ значительные размѣры. Здѣсь собраны подарки всѣхъ иностранныхъ государей. Малахитъ, украшающій храмъ—подарокъ нашего Императора. Въ храмѣ находятся портреты всѣхъ папъ, чис-

ломъ около 300, мозаиковой работы. Посѣщеніемъ храма Св. Павла окончился нашъ осмотръ Рима. Вечеромъ мы были на фейерверкѣ, который устраивается ежегодно въ этотъ день. Этотъ фейерверкъ поразилъ насъ своимъ разнообразіемъ, обширностью и великолѣпіемъ. Для фейерверка были построены на возвышенности особые лѣса, огненный рисунокъ которыхъ представляла церковь. Народъ собирался на площади del Popolo передъ лѣсами. Зрѣлище было чудесное: огненные фонтаны, букеты, вензеля, бураки, звѣздочки—приковывали къ себѣ вниманіе. Ракеты перелетали надъ нашими головами; онѣ были такъ искусно направлены, что, ударяясь въ опредѣленное мѣсто, зажигали тамъ новый огонь. Мы, русская молодежь, были восхищены этимъ зрѣлищемъ, признали итальянцевъ первыми пиротехниками въ мірѣ и думали, что лучше и сдѣлать нельзя. Мѣстные жители намъ сообщили, что этотъ фейерверкъ еще не совсѣмъ удался.

Я уже говорилъ, что аббатъ отказался отъ денежнаго вознагражденія, но въ день нашего отъѣзда онъ предложилъ намъ подписаться въ пользу какого-то бѣднаго семейства. Мы всѣ сдѣлали денежный взносъ, но небольшой, потому что, за время пребыванія въ вѣчномъ городѣ, израсходовали наличныя наши деньги. Надо отмѣтить курьезный случай: однажды, послѣ сытнаго обѣда съ шампанскимъ, нашъ любезный аббатъ охмѣлѣлъ. Когда мы вышли на улицу, аббатъ, подъ вліяніемъ вина, сталъ кричать и дурно себя вести; такъ что мы вынуждены были его покинуть и оставить одного на улицѣ.

Римъ оставилъ во мнѣ сильное впечатлѣніе не только своими зданіями, но и художественными произведеніями. Галлерея, содержащая въ себѣ скульптурныя работы древнихъ и новыхъ художниковъ—восхитительна; этимъ оригиналамъ нѣтъ цѣны. Картинная галлерея въ Ватиканѣ не велика, но въ ней находятся произведенія Рафаэля, Микель-Анджело, Тиціана, Кореджіо. Я даже понялъ различіе въ живописи художниковъ Рафаэля и Тиціана. У перваго—выраженіе лицъ неземное, видны легкія тѣни; у второго, наоборотъ, яркія краски, роскошныя формы.

При обозрѣніи скульптурныхъ произведеній, нашъ товарищъ вздумалъ нанести ударъ тросточкою какой-то статуѣ. Такая выходка меня удивила и испугала, и я обратился къ товарищу съ упрекомъ въ неумѣстности такого поступка.

Въ Римѣ мы накупили много разныхъ вещей: мозаиковыя брошки, коралловыя украшенія, брелоки съ папскимъ портретомъ и пр. Мною былъ купленъ ламповый абажуръ съ изображеніемъ иллюминаціи собора св. Петра. Кромѣ того я привезъ домой изъ

Рима большой священный гвоздь, который былъ приложенъ къ тому гвоздю, коимъ былъ прибитъ на крестѣ Спаситель. При гвоздѣ былъ припечатанъ писанный на бумагѣ аттестатъ, удостовѣряющій дѣйствительность святости гвоздя. Теперь времена измѣнились; вѣра упала, и едва-ли найдется много охотниковъ покупать подобные священные гвозди. Что много измѣнились понятія вѣрующихъ, видно изъ факта, сообщеннаго въ газетахъ, о выборѣ въ Римѣ городскимъ головою еврея.

Прусскій король направлялся въ Тріестъ, и поэтому ему приходилось ѣхать на нашемъ пароходѣ вокругъ Апеннинскаго полуострова. Для сокращенія дороги, король избралъ другой путь: сухимъ путемъ переѣхать изъ Рима въ приморскій городъ Анкону; а оттуда, моремъ, въ Тріестъ. Для исполненія этого указанія нашъ пароходъ пошелъ въ Адріатическое море, и 18 апрѣля 1859 г. мы были уже въ Мессинѣ. Это большой городъ, построенный вдоль берега у пролива. Въ городскомъ театрѣ не было спектаклей по случаю болѣзни неаполитанскаго короля, а церквей я не осматривалъ, потому что онѣ были заперты. Улицы Мессины длинны, не очень грязны, но мѣстами вонючи. Когда смерклось, мы вошли въ кафе, гдѣ былъ билліардъ и комната для карточной игры. Кажется, кто-то изъ насъ игралъ на билліардѣ. Уходя изъ кафе, мы хотѣли заплатить деньги; но съ насъ денегъ не взяли по той причинѣ, что съ иностранцевъ денегъ не берутъ.

Въ Анкону мы пришли 22 апрѣля. На берегъ я не съѣзжалъ, только могу сказать, что Анкона представляется съ моря красивымъ городомъ. Двадцать четвертаго числа мы вышли изъ Анконы, имѣя у себя на пароходѣ прусскаго короля. Въ Тріестъ мы шли малымъ ходомъ, потому что съ нами шелъ прусскій почтовый пароходъ. Этотъ пароходъ долженъ былъ придти въ Тріестъ раньше насъ, чтобы извѣстить о предстоящемъ пріѣздѣ короля; шелъ же пароходъ тихо, потому что тащилъ на буксирѣ какое-то судно. Предъ Тріестомъ мы выдержали сильную бурю; была бора отъ N O и температура дошла до 0°. Въ Тріестѣ король съѣхалъ на берегъ на австрійскомъ военномъ катерѣ. На другой день по своемъ прибытіи въ городъ, король прислалъ къ намъ на пароходъ своего адъютанта благодарить офицеровъ за плаваніе и пригласилъ ихъ обѣдать въ отель. Всѣ чины нашего парохода получили отъ прусскаго короля награды: кто ордена, кто подарки; матросамъ было дано по 10 франковъ на человѣка, и намъ, воспитанникамъ, по 50 франковъ.

Я былъ въ Тріестѣ, который мнѣ напомнилъ Петербургъ, по его булыжной мостовой. Здѣшній Италіанскій театръ внутри отдѣланъ

красиво, но играютъ въ немъ плохо, такъ что я не высидѣлъ цѣлой игры. Здѣсь мы покупали ликеръ мараскинъ по 5 франковъ за бутылку. Теперь, по случаю войны, золото здѣсь очень вздорожало.

Изъ Тріеста мы пошли опять въ Анкону, и на этотъ разъ я былъ на берегу. Могу сказать только, что городъ состоитъ изъ нѣсколькихъ узенькихъ улицъ, но магазиновъ въ немъ много. Изъ Анконы мы пошли въ Мессину, куда и прибыли 1 мая. Здѣсь мы нашли спѣлыя вишни и земляннику. Въ этомъ портѣ мы простояли цѣлый мѣсяцъ, и за это время я съѣлъ огромное количество мороженаго. Намъ разсказывали, что для приготовленія мороженаго особые люди ежедневно лѣзутъ на гору, чтобы получить снѣгъ. 28 мая пришелъ на мессинскій рейдъ американскій фрегатъ, который мы осматривали. Чистота превосходная, порядокъ отличный, помѣщенія великолѣпныя; недаромъ на этомъ фрегатѣ былъ адмиралъ. Насъ угостили завтракомъ съ шампанскимъ, потомъ мы смотрѣли пушечное ученіе. Когда мы уходили, на фрегатѣ заиграли нашъ народный гимнъ.

29 мая пришелъ въ Мессину русскій фрегатъ „Полканъ“, привезшій намъ приказаніе идти домой въ Кронштадтъ. Этому распоряженію всѣ мы обрадовались.

Изъ Мессины мы перешли въ Геную. Въ это время шла война съ Австріей, и въ городѣ войскъ совсѣмъ не было. Мѣста часовыхъ занимали штатскіе люди съ военными фуражками на головахъ. Было похоже, что взяли купцовъ и приказчиковъ изъ лавокъ, дали имъ ружья и поставили на часы. Генуя расположена амфитеатромъ. Тутъ видишь дома въ семь этажей, но за то попадаются переулки, шириною въ сажень. На улицахъ было много народу. Здѣсь можно дешево купить кораллы, пеньковые мундштуки для папиросъ, бархатъ, часы. Здѣшній рейдъ былъ полонъ купеческихъ судовъ; было нѣсколько и военныхъ. Извѣстный италіанскій поэтъ очень дурно отозвался про Геную, говоря, что здѣсь горы безъ лѣсу, море безъ рыбы, мужчины безъ чести, женщины безъ стыда. Я могу подтвердить, что горы дѣйствительно безъ лѣсу.

Изъ Генуи мы вышли 2 іюня и пошли въ Вилла-Франку и потомъ въ Тулонъ. Здѣсь мы нашли огромную французскую эскадру изъ восьми кораблей, двухъ фрегатовъ, шести корветовъ, десяти пароходовъ и тридцати канонерскихъ лодокъ. У кораблей были особые плашкоуты для постановки бомбическихъ орудій, дабы можно было ближе подходить къ берегу и пускать бомбы. 6 іюня мы пришли въ Марсель. Я былъ здѣсь въ театрѣ и слушалъ оперу „Троваторъ“. Актеры изъ разныхъ труппъ, но примадонна и первый теноръ пѣли безукоризненно. Въ партерѣ мѣсто по 1½ франка, и

тутъ собираются блузники, переходящіе съ мѣста на мѣсто по скамейкамъ. Въ бельэтажѣ ложъ нѣтъ: тамъ устроены отдѣльныя одиночныя мѣста по 4 франка. Три яруса ложъ были пусты. До начала спектакля сильно надоѣдали продавцы дешевыхъ газетъ. Контроль надъ входными билетами былъ очень сложный. Сперва оторвутъ полбилета; потомъ возьмутъ вторую половину билета и дадутъ особую марку, которую надо беречь во все время спектакля. При выходѣ изъ театра, надо опять подвергнуться осмотру въ 3-хъ инстанціяхъ. По случаю побѣды, одержанной французами надъ австрійцами, шла по городу большая процессія, въ коей были монахи, одѣтые въ черныя, синія и бѣлыя платья, солдаты и проч. Впереди процессіи шелъ быкъ, на которомъ сидѣлъ мальчикъ. Нашъ пароходъ стоялъ въ гавани у самой стѣнки, такъ что сообщеніе съ берегомъ было очень удобное, по положеннымъ доскамъ. Каждый вечеръ мы проводили въ кафе Альказаръ, гдѣ играетъ оркестръ въ 30 человѣкъ и даются на особой сценѣ представленія. Здѣсь я впервые увидалъ французскаго солдата съ ружьемъ въ рукѣ, поющаго и пляшущаго на сценѣ. Пѣсни его были военныя, патріотическія.

Изъ Марселя мы вышли 16 іюня и пришли въ Кадиксъ, гдѣ нашли нашъ фрегатъ „Полканъ“. Въ день прихода мы были на похоронахъ русскаго офицера, убитаго на дуэли. Стоянка на Кадикскомъ рейдѣ скверная: нѣтъ защиты отъ сѣверо-западныхъ вѣтровъ и сообщеніе съ берегомъ трудное, я на берегъ не съѣзжалъ. Изъ Кадикса мы вышли 23 числа, по пути зашли ненадолго въ Лиссабонъ, 3 іюля стали на якорь въ Шербургѣ. Въ Лиссабонѣ русскій консулъ опять насъ обманулъ доставкою сухарей для матросовъ. Онъ раскритиковалъ имѣющіеся у насъ прекрасные сухари изъ Марселя, продалъ намъ мѣстные сухари, которые оказались очень дурными, и матросы ихъ не ѣли. Хорошо, что было куплено небольшое количество. Городъ Шербургъ показался мнѣ очень ничтожнымъ послѣ Марселя и Лиссабона. Здѣсь можно было одѣться, безъ затрудненія, въ русскую военную форму, такъ привыкли портные къ русскимъ морякамъ. Въ 1858 году была поставлена здѣсь конная статуя Наполеона I на площади передъ портомъ. Не помню гдѣ, въ Шербургѣ, или въ Брестѣ, мнѣ случилось разговаривать съ лодочникомъ, который помнилъ Наполеона I.—„Это былъ великій Императоръ“, сказалъ мнѣ старикъ въ заключеніе рѣчи, и слезы показались на его глазахъ.

На обратномъ пути въ Россію, нашъ капитанъ получилъ приказаніе перевести семейство княгини Г. изъ Франціи въ Кронштадтъ. Это распоряженіе, конечно, не понравилось капитану, потому

что по закону женщины не перевозятся на русскихъ военныхъ корабляхъ. Чтобы взять княгиню, нашъ пароходъ долженъ былъ зайти въ Гавръ. Въ этомъ коммерческомъ портѣ рейды совершенно открыты для вѣтровъ, а потому суда стояли въ бассейнѣ. Пошли и мы въ бассейнъ. Шли мы три часа, проходили очень узкія ворота, такъ что можно было одновременно протянуть къ обоимъ берегамъ руки и поздороваться. Городъ Гавръ понравился мнѣ своею чистотою улицъ; здѣсь въ магазинахъ продаются вещи изъ слоновой кости и шелковыя матеріи дешевле марсельскихъ.

Наша княгиня хотѣла перевезти много разной движимости на нашемъ пароходѣ; но капитанъ воспротивился, не желая обращать военный пароходъ въ грузовой. Капитанъ объявилъ княгинѣ, что пароходъ имѣетъ много своего груза, и что для новыхъ предметовъ мѣста нѣтъ. А чтобы яснѣе видна была княгинѣ наша нагрузка, велѣлъ нѣсколько корзинъ съ каменнымъ углемъ поставить на верхней палубѣ. Такимъ образомъ, княгинѣ пришлось часть своего груза оставить въ Гаврѣ.

10 іюля мы вышли изъ Гавра и пошли въ Англійскій каналъ, а затѣмъ въ Нѣмецкое море. Передъ выходомъ изъ порта къ намъ прибыло княжеское семейство, состоящее изъ нѣсколькихъ дамъ и дѣтей. Княгиня выразила желаніе сшить что-нибудь для офицеровъ. Наши офицеры были въ затрудненіи удовлетворить это желаніе. Однако дали обрубать носовые платки и можетъ быть еще что-нибудь. Сѣвши на нашъ пароходъ, все княжеское семейство держало себя очень спокойно и тихо. Передаютъ, что капитанъ, въ разговорѣ съ княгинею, сказалъ ей, что онъ познакомился по службѣ съ какою-то важною дамою; и что потомъ, когда онъ эту даму встрѣтилъ на Невскомъ и ей поклонился, то не получилъ отвѣта на поклонъ. „Я хотѣлъ сорвать съ нея шляпку“,—прибавилъ къ своему разсказу капитанъ. Послѣ этого разсказа княгиня стала бояться капитана.

Нашъ пароходъ не отличался быстротою хода: больше 10 миль въ часъ мы не шли, а потому переходъ нашъ въ Кронштадтъ былъ продолжительный; при томъ же мы заходили въ Готеборгъ и въ Киль. Естественно, что нашимъ пассажирамъ хотѣлось знать время нашего прибытія въ Кронштадтъ. И вотъ, однажды, княгиня обратилась къ кому-то изъ насъ—молодежи съ подобнымъ вопросомъ, при этомъ прибавила, что она боится предложить подобный вопросъ капитану, дабы тотъ не принялъ подобный вопросъ за упрекъ въ медленности хода парохода.

Въ Кронштадтъ мы пришли 26 іюля, и тѣмъ окончилось наше плаваніе.—За время всего этого плаванія я велъ дневникъ, и те-

перь, составляя свои воспоминанія, я пользовался этимъ дневникомъ, что̀ и позволило мнѣ съ подробностью описать изложенную морскую кампанію. Мы, воспитанники, въ свое время были отправлены въ корпуса и пропустили цѣлый годъ классныхъ занятій, но насъ перевели въ старшій классъ и на слѣдующій годъ, въ маѣ 1860 года, мы были произведены въ офицеры.

Штурманское Училище давно закрыто, но память о немъ сохранилась въ нашихъ сердцахъ. Наши учителя Тибординъ, В. Харинъ, Митуричъ, Ризниковъ, Изотовъ давно лежатъ въ могилѣ, но свѣтлый ихъ образъ живъ въ нашей памяти. Скромные труженики съумѣли въ эпоху суровой дисциплины сохранить къ намъ теплое, сердечное отношеніе и показали намъ примѣръ высокаго нравственнаго совершенства.

Петръ Наумовъ.

Игры кадетъ неранжированной роты 2 кадетскаго корпуса въ присутствіи Императора Александра II и Августѣйшихъ Его Дѣтей, въ 1861 году.

Не знаю достовѣрно, какъ это случилось въ первый разъ, но въ годъ моего поступленія въ корпусъ уже какъ бы было санкціонировано навсегда Высочайшею волею, что ежегодно къ намъ, въ неранжированную роту 2 кадетскаго корпуса, въ одинъ изъ дней масляной недѣли, пріѣзжаетъ самъ Государь Александръ Николаевичъ съ августѣйшими дѣтьми, великій князь Михаилъ Николаевичъ (братъ Государя, шефъ 2-го кад. корпуса), и другіе великіе князя, на разныя игры и спектакль, устраиваемые кадетами или—точнѣе сказать—нашимъ ротнымъ командиромъ, подполковникомъ Яковомъ Ѳедоровичемъ Краббе, который въ этомъ дѣлѣ являлся не только начальникомъ репертуарной части, но и монтеромъ, и режиссеромъ, и машинистомъ, и вообще душою всего дѣла...

Еще задолго до осенняго посѣщенія Государемъ нашей роты Я. Ѳ. начиналъ, такъ сказать, на свой рискъ продѣлывать репетиціи разныхъ игръ и спектакля, и въ томъ числѣ репетицію приглашенія кадетами Государя Императора къ намъ на масляной. Дѣлалось обыкновенно это такъ: шествуя, окруженный кадетами, по помѣщенію роты и преподавая замѣчанія по поводу разныхъ случаевъ, приключившихся въ ротѣ, Я. Ѳ. незамѣтно переходилъ, обращаясь ко всѣмъ вообще и ни къ кому въ особенности, къ самой главной статьѣ, при чемъ общій смыслъ наставленія былъ приблизительно слѣдующаго содержанія: „когда пріѣдетъ Государь [1]), и когда будете

[1]) Нужно замѣтить, что Я. Ѳ. говорилъ по-русски съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ.

окружать Его, кто посмѣлѣй скажите: „Ваше Императорское Величество, мы будемъ счастливы, если Вамъ угодно будетъ посѣтить насъ съ великими князьями и въ этомъ году, какъ въ прошедшіе годы, на масляной недѣлѣ“, если же Государь спроситъ: „а какія игры у васъ будутъ на масляной“, отвѣчайте (въ 1861 году): „маневры съ препятствіями и взятіе Гуниба [1]), и, кромѣ того олимпійскія игры“.

И на этотъ разъ (т. е. въ 1861 году), какъ и въ прошлые годы, Государь милостиво изъявилъ обѣщаніе быть у насъ на масляной. Это было, кажется, въ ноябрѣ или въ началѣ декабря; и вотъ, съ тѣхъ самыхъ поръ, уже не на рискъ, а навѣрняка начались у насъ нешуточныя приготовленія къ пріему на масляной недѣлѣ августѣйшихъ гостей. Спектакль (т. е. русская и французская пьесы; актеры—конечно, кадеты) былъ отмѣненъ, ибо при дворѣ и въ арміи былъ трауръ по случаю кончины Императрицы Александры Ѳеодоровны [2]), но за то олимпійскія игры и взятіе Гуниба подготовлялись, что называется, во всю.

Планъ маневровъ былъ таковъ: неранжированная рота раздѣляется на двѣ части, одну, занимающую въ качествѣ позицій, помѣщенія со стороны классныхъ комнатъ, другую, со стороны камеръ; между тою и другою частями находились реакціонный залъ и, такъ называемая, „седьмая камера“, служившая какъ бы запасною комнатою въ ротѣ, никѣмъ не занятая и находившаяся почти всегда назаперти. Поперекъ зала и седьмой комнаты (черезъ двери послѣдней, выходившія въ рекреаціонный залъ, какъ разъ въ середину его), на время маневровъ, протягивалась полотняная дорожка, долженствующая изображать пограничную рѣку, отдѣляющую другъ отъ друга воюющія стороны. „Первый“ отрядъ (изъ классныхъ комнатъ) наступалъ, „Второй“ оборонялся; при чемъ прежде всего ему приходилось защищать переправу черезъ рѣку, которую первый отрядъ стремился совершить при помощи понтоновъ. Въ виду этого, первое столкновеніе отрядовъ получалось именно въ рекреаціонномъ залѣ, при чемъ съ той и другой стороны выѣзжала на позицію артиллерія (по одной пушкѣ). Молодцы наводчики, для выполненія своего дѣла, лихо садились верхомъ на лафеты [3]) (а если забывали это сдѣлать, прежде выстрѣла изъ пушки,

---

[1]) Я. Ѳ. это произносилъ такимъ образомъ: „манёвры (ё—какъ франц. eu) съ препётствіемъ и взятіе Гунёба“.

[2]) Августѣйшей матери Императора Александра Николаевича, скончавшейся 20 октября 1860 года.

[3]) Пушки и лафеты представляли собою деревянныя модели настоящихъ, существовавшихъ въ то время въ полевой артилеріи образцовъ, значительно

то ставились на штрафъ къ печкѣ), и, одновременно съ выстрѣломъ, предназначенный для этого кадетъ бросалъ въ непріятеля черезъ рѣку упругій резиновый небольшой мячикъ, одинъ изъ многихъ находившихся у него въ сумкѣ (гдѣ они лежали погруженными въ мѣловую пудру). Такой мячикъ, попадая въ кого-нибудь изъ воиновъ непріятельской рати, конечно, отмѣчалъ довольно отчетливо мѣсто своего прикосновенія, чѣмъ обязательно выводился изъ строя тотъ, въ кого мячикъ попадалъ; впрочемъ, при этомъ убитыхъ совсѣмъ не полагалось: выведенный изъ строя шелъ на перевязочный пунктъ, гдѣ запачканное мѣломъ мѣсто ему перевязывали бѣлыми бинтами, и онъ возвращался тотчасъ же въ ряды сражающихся. Вся эта процедура выполненія на кадетскихъ потѣшныхъ маневрахъ дѣйствій, совершаемыхъ обыкновенно въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ, была должно быть очень забавна, если смотрѣть со стороны; по крайней мѣрѣ, на масляной недѣлѣ, когда въ присутствіи Государя и Царской фамиліи совершалось уже, такъ сказать, настоящее сраженіе, великій князь Николай Николаевичъ, замѣтивъ въ разгарѣ одного изъ моихъ маленькихъ товарищей съ перевязанною поперекъ живота бѣлою повязкою и получивъ на свой вопросъ, о значеніи этой повязки, бойкое объясненіе отъ носителя ея, что онъ „раненъ ядромъ въ животъ“, не могъ удержаться отъ смѣха, проговоривъ: „миленькій, да вѣдь при такой ранѣ, какъ твоя, все-таки надо бы полежать немножко!“

Какъ бы то ни было, первый отрядъ, подготовивъ переправу артиллерійскимъ и стрѣлковымъ огнемъ, переходилъ затѣмъ построенные саперами черезъ рѣку понтоны [1]) и начиналъ немилосердно тѣснить непріятеля, гоня его до послѣдней „четвертой“ камеры, гдѣ (ко дню исполненія маневровъ въ присутствіи Государя) была устроена декорація, изображавшая красивую скалу, покрытую зеленью, что должно было, вѣроятно, напоминать знаменитый Гунибъ. Здѣсь подавался сигналъ отбоя...

Всѣ репетиціи Яковъ Ѳедоровичъ продѣлывалъ лично самъ, и при томъ, какъ истый нѣмецъ, крайне педантично: такъ, напримѣръ, была цѣлая бѣда, если ядрометатель, увлекшись своимъ

впрочемъ уменьшенныя, съ приспособленіями для разбиванія капсюлей, что должно было знаменовать собою выстрѣлъ изъ оружія.

[1]) Понтонный обозъ состоялъ изъ колесницы, нагруженной маленькими плоскодонными лодочками и досчатой настилкой; нѣсколько изъ этихъ лодочекъ ставились рядомъ на полотно, какъ бы вдоль рѣки, послѣ чего на нихъ накладывалась настилка; другія же ставились, при самомъ началѣ работъ, поперекъ полотна и служили опорою на водѣ для саперъ, работавшихъ надъ наводкою понтоновъ.

интереснымъ дѣломъ, бросалъ снарядъ (т. е. намѣленный мячикъ) раньше, чѣмъ дѣлался выстрѣлъ изъ его пушки; еще хуже бывало, если стрѣлковая цѣпь, которая стрѣляла въ непріятеля изъ духовыхъ ружей, тоже намѣленными пробочками, не пользовалась различными мѣстными прикрытіями, которыя въ изобиліи разставлялись по обоимъ берегамъ рѣки (на парадныхъ маневрахъ это были писанныя на картонѣ декораціи кустовъ, на репетиціяхъ—стулья и табуретки); но самымъ величайшимъ прегрѣшеніемъ являлось—когда кто-либо изъ саперъ, при наводкѣ понтоновъ, становился прямо на полотно, изображавшее рѣку, забывъ предварительно поставить на него выдолбленную въ деревѣ плоскодонную понтонную лодочку... „Потонешь,—неистово кричалъ Я. Ѳ.—потонешь!“, а иногда и прямо приказывалъ послѣ обѣда поставить на штрафъ виновнаго въ такой оплошности „за невниманіе“.

Закончу это сообщеніе описаніемъ прочихъ игръ, исполненныхъ кадетами въ присутствіи Государя и Августѣйшей Семьи въ 1861 году.

По пріѣздѣ великихъ князей и Государя игры начались стрѣльбою изъ монте-кристо въ разныя движущіяся фигуры звѣрей и стаю летающихъ птицъ. Ротный „дядька“ нашъ, отставной унтеръ-офицеръ, старикъ, поставленный на „наблюдательный пунктъ“, долженъ былъ извѣщать стрѣляющихъ объ успѣхѣ или неуспѣхѣ выстрѣла, выставляя на длинныхъ шестахъ, въ первомъ случаѣ яблоко, а во второмъ—какую-то смѣшную нѣмецкую физіономію, намалеванную въ профиль на картонѣ, показывающую, по хорошо извѣстному всѣмъ способу, „носъ“ приставленіемъ двухъ рукъ съ растопыренными пальцами къ своему собственному носу [1]).—Представьте же себѣ, читатель, ужасъ Я. Ѳ., который, впрочемъ, отчасти передался и намъ, кадетамъ, когда, въ отвѣтъ на неудачный выстрѣлъ Государя въ стаю летающихъ (и поющихъ, должно прибавить) птицъ, дядька показалъ изъ-за своего прикрытія второй сигналъ... Государь, чтобы ободрить сконфуженное начальство, весело разсмѣялся, потребовалъ повторенія номера, сдѣлалъ еще выстрѣлъ, и птичка свалилась на полъ съ мелкаго крючка, къ которому была прикрѣплена, къ общей радости всѣхъ [2]). Попадавшихъ въ цѣль кадетъ Государь собственноручно награждалъ большими (опортовыми) яблоками, которыя счастливцы тутъ же и съѣдали.

---

[1]) Такую физіономію впослѣдствіи мнѣ пришлось видѣть на заглавной страничкѣ „Кладерадача“.

[2]) Мы не знали тогда, что Императоръ Александръ Николаевичъ былъ страстный охотникъ и прекрасный стрѣлокъ.

По окончаніи стрѣльбы, Государь, великіе князья и свита были приглашены въ первую камеру (примыкавшую къ рекреаціонному залу). Камера эта на этотъ день была превращена въ густой хвойный лѣсъ, иллюминованный разноцвѣтными фонариками; посрединѣ ея стояла декорація—швейцарскій домикъ, а передъ домикомъ—десять кадетъ, одѣтыхъ тирольцами и два — тирольками. Одинъ изъ десяти (Маріуца) держалъ въ рукахъ гитару, на которой впрочемъ не умѣлъ взять ни одного аккорда. Но, тѣмъ не менѣе, при приближеніи Государя, все-таки раздался красивый аккордъ на гитарѣ, и всѣ двѣнадцать хоромъ запѣли веселую тирольскую пѣсенку:

Schönster Knabe, scharmande Knabe,
Was kannst du machen, was kannst du spielen?
Ich kann spielen auf meinen Trommel
Trum der rumm, das ist ein Trommel...
Schönster Knabe, scharmande Knabe, и проч.

Перечислялось одинъ за другимъ по крайней мѣрѣ до семи инструментовъ и при каждомъ отвѣтномъ куплетѣ пѣвцы повторяли всѣ исполненные раньше характерные звуки этихъ инструментовъ, сопровождая ихъ соотвѣтствующими движеніями рукъ. Такъ какъ вся пѣсенка исполнялась въ довольно ускоренномъ темпѣ и вслѣдствіе этого перемѣны въ движеніяхъ рукъ слѣдовали очень скоро одна за другою, то общій эффектъ, получавшійся при этомъ, былъ очень интересенъ и милъ и вызывалъ улыбку у всѣхъ, кто въ первый разъ присутствовалъ при исполненіи этой вокально-мимической сцены.

Затѣмъ исполнено было еще нѣсколько тирольскихъ пѣсенъ, послѣ чего Государь освѣдомился: „кто обучалъ кадетъ этимъ пѣснямъ?“ Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Яковъ Ѳедоровичъ испросилъ позволеніе представить учителя, вывелъ изъ дверей швейцарскаго домика настоящаго природнаго тирольца въ его національномъ костюмѣ, который, какъ оказалось теперь, собственно и являлся аккомпаніаторомъ на гитарѣ для хора, сидя за декораціей. Государь удостоилъ тирольца нѣсколькими вопросами и, похваливъ исполнителей, перешелъ въ рекреаціонный залъ, гдѣ все уже было готово для олимпійскихъ игръ, т. е. поставлены вокругъ зала, нѣсколько отступя отъ стѣнъ, декораціи, которыя, при нѣкоторомъ усиліи воображенія, можно было дѣйствительно принять за каменную ограду, ограничивающую кругомъ арену, на которой должны были происходить олимпійскія игры. Противъ царскаго мѣста, на двухъ возвышеніяхъ, въ величественныхъ тогахъ, уже сидѣли олимпійцы-

судьи, съ длинными сѣдыми бородами и съ убѣленными сѣдиной же головами; греческая же молодежь, жаждавшая состязаній, чтобы выказать свою ловкость и силу, толпилась на другомъ концѣ арены въ короткихъ туникахъ и въ трико. Это были кадетики, отличавшіеся, среди прочихъ своихъ товарищей, именно помянутыми качествами, т. е. ловкостью и силой. Состязаніе началось метаніемъ диска.

Послѣ состязанія диска, были состязанія въ быстротѣ бѣга, въ прыганіи въ ширину и высоту, въ борьбѣ и проч. и, наконецъ,— бѣгъ колесницъ.

Колесницы представляли собою копію съ древне-греческихъ колесницъ, т. е. экипажи эти были двухколесные съ платформою на оси, для стоянія состязающихся (одѣтыхъ въ военные доспѣхи со шлемами на головахъ), и имѣли дышло, въ которое было запряжено по парѣ коней. Коней представляли собою маленькіе ростомъ, но быстроногіе кадеты, помѣщавшіеся подъ искусно выдѣланной изъ картона лошадиною головою, при чемъ туловище лошади, обрисованное легкими камышевыми прутьями и покрытое сплошь попоною, дополняло иллюзію, т. е. получалось нѣчто въ родѣ настоящаго коня. Обѣ колесницы, запряженныя такими конями, отъ царскаго мѣста по данному сигналу, сразу помчались въ противоположномъ другъ отъ друга направленіи и, сдѣлавъ пробѣгъ строго измѣреннаго въ ту и другую сторону разстоянія, повернулись (съ помощью другихъ кадетъ) обратно; побѣдителемъ, конечно, остался тотъ, кто раньше достигъ опредѣленной точки, подлѣ царскаго мѣста. Все это было очень эффектно и не мало забавляло младшихъ великихъ князей, присутствовавшихъ при нашихъ играхъ. Призовыя лошади, при звукахъ туша, получили каждая по нарядной корзиночкѣ, наполненной, подъ легкимъ слоемъ настоящаго сѣна, шоколадными конфектами, возница же—лавровой вѣнокъ и пальмовую вѣтвь...

Олимпійскія игры закончились произнесеніемъ тремя кадетами (одѣтыми въ туники и тоги) стиховъ: русскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ. Случайно у меня сохранился до сихъ поръ листокъ, на которомъ написаны были французскіе стихи, носившіе заглавіе „La distribution des prix“ начинавшіеся такъ:

Voici, voici le jour des triomphes classiques!
On court, on vole en foule à ces fêtes publiques... etc.

Нѣмецкіе стихи декламировалъ кадетъ Никитинъ и декламировалъ — прямо сказать — превосходно, тогда какъ произносившій французскіе стихи нѣсколько шаржировалъ, впадая въ нѣсколько излишній паѳосъ.

За олимпійскими играми слѣдовали маневры, о которыхъ мы упомянули выше. Участники въ маневрахъ выказали чрезвычайное увлеченіе; въ наступающемъ отрядѣ, кадетъ Л. мѣтко бросалъ черезъ рѣку въ обороняющійся отрядъ свои намѣленные мячики и ни разу не забылъ дѣлать это послѣ выстрѣла изъ пушки; кадетъ Я., распоряжаясь, въ качествѣ офицера, артиллерійскимъ боемъ, выказалъ—какъ и подобало артиллеристу—великое хладнокровіе; саперы, хотя и не щадили своей жизни для облегченія переправы своему отряду, однако же ни одинъ изъ нихъ не выказалъ при этомъ такого неблагоразумія, чтобы лѣзть въ рѣку прежде, чѣмъ будутъ спущены въ нее лодки понтоннаго обоза... Наконецъ, въ надлежащій моментъ, приблизились строемъ къ рѣкѣ главныя силы наступающаго отряда и, перейдя понтонъ, подъ звуки австрійскаго марша, быстро пошли въ атаку на обороняющихся, которые, какъ ни было то нестерпимо для самолюбія кадетъ, составляющихъ этотъ отрядъ, долженъ былъ по программѣ отступить (что было неоднократно продѣлано на репетиціяхъ) въ первую камеру, гдѣ оставался еще стоять непроходимый лѣсъ ёлокъ и тирольскій домикъ; затѣмъ повернуть во вторую, и, пройдя ее и третью, остановиться въ четвертой у стѣны, изображавшей неприступный Гунибъ. Здѣсь наступающимъ отрядомъ съ крикомъ „ура“ и подъ звуки того же марша была произведена послѣдняя, рѣшительная атака... Впрочемъ, въ самый разгаръ боя, атака была остановлена протяжнымъ сигналомъ на рожкѣ—„отбой“...

Государь похвалилъ дѣтей; кадеты радостно отвѣчали хорошо извѣстною фразою „рады стараться, Ваше Императорское Величество!“ Затѣмъ оба отряда перемѣшались между собою, кадеты сгруппировались по голосамъ и хоромъ (почти всей роты) пропѣли слѣдующіе стихи:

Теперь, пока еще мы малы,
Одно подчасъ заботитъ насъ:
Хорошіе по классамъ баллы
И воздержанье отъ проказъ.
Но цѣлый годъ съ надеждой жадной
Мы ждемъ по днямъ и по часамъ,
Чтобы явился день отрадный,
Чтобъ Государь пріѣхалъ къ намъ.
Съ любовью пали бъ мы въ объятья
На сердце доброе къ нему,
Съ любовью наши чувства, братья,
Мы пѣснью выразимъ Ему.

О, Боже, сохрани Царя!
Да минетъ дней его невзгода,
Да судъ и милости творя,
Живетъ для русскаго народа.
Любовью Царственной семьи
Да будетъ жизнь Его согрѣта,
Господь Царя благослови
И сохрани на многи лѣта!
Ура!!...

Такъ закончились наши масляничныя игры въ 1861 году. Долго, долго послѣ того среди кадетъ шли разговоры о нихъ, и не только во время нахожденія въ неранжированной ротѣ, но и на слѣдующій годъ, послѣ перехода нѣкоторыхъ изъ нихъ въ 3-ю роту.

А. Пахарнаевъ.

Письмо Ѳ. Михайлова къ А. Ѳ. Лабзину.

Почтенный Другъ и

Милостивый Государь мой!

Любезное письмо ваше отъ 16 іюля съ книгами вашими и вслѣдъ за нимъ другое отъ 24 числа я получилъ. Пріемля оныя за знакъ особеннаго вашего ко мнѣ благорасположенія, много благодарю васъ за все оное. Входить въ сужденіе причинъ, по которымъ Синодъ не одобрилъ вашихъ книгъ, я, почтенный другъ, не смѣю, за силою высочайшаго указа, Римлян.: XII. 1. 5. Самому цензуровать ваши книги не почитаю себя въ правѣ: по довѣренности же вашей скажу вамъ мысли мои на письмо только ваше, въ коемъ изъяснили вы вашъ образъ мыслей.

Истинно, всѣмъ намъ беречься должно самимъ садиться на учительскій стулъ, ибо христіанъ одинъ учитель Христосъ, Матѳ. XXIII. 8. Прочіе всѣ преемники Его, и это санъ апостольскій, т. е. посланныхъ проповѣдниковъ ученія Его. Всѣмъ быть учителями негодится, самому жаловать себя въ оные неприлично; а должно быть избрану, послану. Но посланникъ имѣетъ всякій кредитивную, и имъ вѣрующую грамоту на свое посланничество, и всѣ, сколько мы ихъ видимъ въ св. Писаніи, обыкновенно отказывались еще отъ должности сей, а не набивались на оную, такъ что почти невольно вступали въ сіе знаніе. Мы уже, волею вступая въ оное, какое имѣемъ свидѣтельство на наше посланничество?

Собственная ревность къ сему не достаточна; она можетъ далеко завести насъ и подвергнуть тѣмъ же упрекамъ, какіе дѣлаетъ Павелъ Колосс.: 11.16 и Римл.: X.2.

Синодъ же такое свидѣтельство имѣетъ, и оно записано въ протоколъ у Павла римл: XIII.1.2 и у Матѳея XXIII.2.3 буде же бы мы возмнили, что онъ должность свою исправляетъ худо: то онъ сверхъ того протокола, сошлется еще на милостивый манифестъ римл. XIV.4. и мы, если будемъ люди совѣстные, должны будемъ при семъ замолчать.

Ревность оная заслѣпляетъ намъ глаза, и мы не видимъ того, что самолюбіе наше дѣйствуетъ тутъ, по крайней мѣрѣ, наполовину. Мы думаемъ о себѣ, что мы и лучше другихъ знаемъ и лучше исполняемъ, и лукавимъ и предъ людьми и предъ собою, не примѣчая того. Но испытующій сердца и утробы, видитъ и *тайная наша*, отъ которыхъ Давидъ такъ усердно просилъ очистить его, псал.: XVIII.13 и видя то, для нашего же собственнаго блага полагаетъ иногда дверь огражденія о устнахъ нашихъ, и рабъ покорный *молчи* и молчи безъ ропота.

Непосерчайте на меня, почтенный другъ, что я смѣю такъ говорить съ вами, я говорю также и себѣ, ибо, въ самомъ дѣлѣ, если я лучше другихъ разумѣю и больше смышлю, сіе разумѣніе и смыслъ даны мнѣ для исполненія познаннаго, а не для того, чтобы съ своей шеи сваливать то на другого. Часто и добрыя наши повидимому намѣренія несутъ намѣренія божескія, какія напримѣръ намѣренія были ваши и мои при писаніи нашихъ книгъ?

Помочь людямъ, остающимся безъ правильнаго руководства въ богопознаніи, и такъ сожалѣніе о семъ недостаткѣ ихъ. Но сотворивый око, не видитъ ли? Сотворивый ухо не слышитъ ли? Менѣе ли моего онъ любитъ человѣка? Менѣе ли моего печется о нихъ? И не болѣе ли имѣетъ способовъ къ приведенію ихъ въ познаніе истины? И такъ сіе жалѣніе, сію тугу сердца можемъ представить Ему же въ молитвѣ; воззовемъ изъ глубины сердца: *да святится имя Твое!* но скажемъ тутъ же и *да будетъ воля Твоя!* Соломонъ говоритъ: *Есть время глаголати и есть время молчати*: будемъ говорить, когда Онъ прикажетъ, но будемъ и молчать, коли Онъ говорить намъ не позволяетъ. Безъ воли Его ничего не бываетъ, тѣмъ паче христіанинъ, предающійся сей волѣ, долженъ все случающееся съ нимъ принимать отъ руки Его. И такъ сами себя и другъ друга, и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ, не въ словеси токмо, но воистинѣ.

Я такія же имѣлъ намѣренія, начиная Сіонскій вѣстникъ, при выходѣ еще марта мѣсяца сдѣлано было на него нападеніе, и

апрѣль мѣсяцъ былъ задержанъ. И кто же вмѣшанъ былъ въ сіе дѣло?

Самъ Государь.—Я готовъ былъ тотчасъ прекратить мой журналъ, но подумалъ: „твердость духа есть добродѣтель, трусость порокъ; при обстоятельствахъ благопріятствующихъ немудрено быть смѣлу, но при трудныхъ не всякъ сражаться съ ними захочетъ; постоянство состоитъ въ томъ, чтобъ не устрашиться препятствій". И такъ я вступился за свой журналъ, однакожъ слегка, ненасилуя обстоятельствъ, не прося ничьего покровительства, ни заступленія, а предавъ все въ волю Божію. Апрѣль выпустили, и продолженіе журнала разрѣшили; я опять принялся за него и опять посвятилъ дѣло мое волѣ Божіей, какъ то въ маѣ мѣсяцѣ написано. По выходѣ іюня и іюля опять поднялась буря, которая длилась болѣе мѣсяца и простиралась до того, что и въ городѣ и при дворѣ, и въ кабинетѣ и за столомъ у Государя, судили и рядили о моемъ журналѣ, какъ о зломъ какомъ умыслѣ, и обо мнѣ, какъ о преступникѣ; и были, указываютъ, такіе усердные голоса, что предлагали даже запереть меня въ крѣпость. Все сіе долго отъ меня таилось, но и я узнаю о семъ. Я не прибѣгалъ ни къ чьей помощи, и продолжалъ мое дѣло: выдалъ августъ и печаталъ сентябрь, которымъ и кончилъ потому, что объявлено уже было именное повелѣніе цензурѣ непропускать такихъ книгъ. Вы видите, что я не трусъ; и чтобъ больше васъ въ томъ увѣрить, скажу вамъ, что и конча мой журналъ, я подалъ бумагу, которая представлена была Государю и осталась безъ отвѣта. Для любопытства вашего прилагаю у сего сію самую бумагу, а кстати и первую, поданную въ мартѣ. Изъ сего вы видите, что Господь защитилъ меня отъ сильной руки: но не защитилъ Сіонскаго вѣстника, буди же Его святая воля. Не должно ли покоряться ей искренно во всемъ безусловно!

Что же я могу сдѣлать съ вашими книгами, почтенный другъ, когда они уже столько мытарствъ пробѣжали и вездѣ безъ удачи? Безъ синодскаго дозволенія нельзя ихъ напечатать, а Синоду за своимъ опредѣленіемъ нельзя ихъ разрѣшить, хотя бы члены и захотѣли, чего нельзя ожидать, развѣ въ будущіе вѣки. Переводить ихъ на иностранные языки и тысячей рублей будетъ мало, и охотниковъ не сыщешь, и нужды никакой нѣтъ, ибо на иностранныхъ языкахъ всякаго рода книгъ и лучше нашихъ есть, остается только покориться судьбѣ.

Впрочемъ сказать такъ же надобно, что цѣль наша хотя и добра, однако еще не прямая. Царствіе Божіе состоитъ *не въ словеси, а въ силѣ*, т. е. дѣлѣ. Самъ Спаситель началъ *творити и учити*, а

не учити и творити; слѣпыхъ долженъ водить уже не слѣпецъ, я же не выучилъ самъ и того. Еще, что самъ же написалъ на немногихъ страницахъ письма моего къ тавримону, помѣщеннаго въ февралѣ Сіонскаго вѣстника; какъ же берусь я учить другихъ? Врачу исцѣлися самъ! Измы прежде бревно изъ ока твоего, потомъ вынимай сучокъ изъ глаза брата твоего. Право, не подѣламъ ли намъ и наложили на насъ молчаніе? Все, что въ семъ случаѣ безъ укоризны совѣсти мы себѣ позволить можемъ, есть послѣдованіе данному правилу Матѳ.: V. 42. Кто самъ у Меня наставленія просить будетъ, тотъ мой суженый ряженый, но и то только въ мѣру, заповѣданную самимъ Спасителемъ, Матѳ.: VII. 6. Марка IV. 11. 12. Іоан. VI. 12. Сія заповѣданная самимъ Господомъ осторожность дана бытіе тайнымъ благонамѣреннымъ обществамъ, которыя гонимы поневѣденію, и потому, что много есть ихъ и худыхъ.

Въ добавокъ къ сему присовокуплю еще: 1-ое, что истинное богопознаніе не состоитъ въ понятіяхъ и если хотѣть подлинно пріобрѣсть оное, то должно учиться сему у самого Бога, который непонятія поставляетъ способомъ къ богопознанію: *полюбяй* сказано *позна Бога*, вкусите, чтобы увидѣть какъ благъ Господь. По сему опредѣленію, подлинно, простой мужичекъ можетъ лучше моего знать Бога, немудрствуя о Немъ. На сихъ дняхъ здѣсь умерли скоропостижно ночью, не бывъ больными, два человѣка, одинъ имѣвшій за 60 лѣтъ, другой 30, и оба добрые люди, но старику, конечно, всякій отдалъ бы преимущество. Умерли же оба разно. Старикъ за сказками, которыя сказывальщица сказывала ему, когда онъ легъ съ женой въ постелю; а молодой человѣкъ найденъ молящимся на полу, на колѣняхъ, со сложенными руками, и лбомъ упертымъ въ землю. Сей повидимому любилъ Бога и зналъ Его, хотя не училъ никого своему знанію. 2-ое если я не бывъ посланъ на проповѣдь, не буду и учить людей, то хотя бы люди и остались въ невѣденіи Бога, я за нихъ не въ отвѣтѣ, кромѣ тѣхъ, коихъ онъ мнѣ далъ въ управленіе; но ежели уча по своему изволенію поспѣю, хотя одно заблужденіе, почтя Его за истину, то вѣрно дамъ отвѣтъ въ томъ Богу.—И что жъ скажу я въ оправданіе мое? Ревность подвизала меня? Но эта ревность означена у Павла Колос. 11. 18 и каково будетъ инымъ нашей братьи ревнителямъ, образецъ познанъ у Матѳ. VII. 22 и слѣдующіе.

Взявъ же сіе въ разсужденіе, можно теперь опросить васъ, почтенный другъ, увѣрены ли вы, что вы въ ученіи вашемъ не посѣваете никакихъ заблужденій? и достаточна ли одна собственная въ томъ увѣренность? Я будучи во всемъ почти согласенъ съ вами

по требованію вашему осмѣливаюсь искренно предложить вамъ мои замѣчанія на нѣкоторые пункты письма вашего.

1-е. Боюсь всякаго воспламененія гнѣва, рвенія и духовной гордости, чему я весьма подверженъ, я подозрѣваю всегда и себя и другихъ, гдѣ примѣчаю бурю, ибо *не тамо Господь* 3 Царствъ XIX. 10—13 и вѣря Іоанну, что Богъ любы есть, что въ любви пребываяй въ Бозѣ пребываетъ, что кто говоритъ: люблю Бога, но не любитъ брата, лжетъ, и что любитъ по описанію Павлову, милосердствуетъ, не завидитъ, не превонзосится, не гордится, не раздражается и проч. 1—Корин. гл. 13-я. Я не соглашаюсь съ вами, почтенный другъ, въ томъ жаркомъ негодованіи вашемъ и сильныхъ упрекахъ, какіе частенько въ письмѣ вашемъ встрѣчаются противу сѣдящихъ на Моисеевѣ сѣдалищѣ. Да милосердствуетъ же о нихъ любовь ваша и не раздражается ревность ваша, надобно пожалѣть о нихъ, не вѣдятъ бо что творятъ и пожалѣть потому, что они не разумѣютъ лучшаго. Гдѣ имъ было тому научиться? Подумайте, кто у насъ происходятъ въ главные наши Святители? откуда? что за люди? гдѣ имъ было почерпнуть что-нибудь? А невѣденіе дѣлаетъ половину грѣха, въ которомъ судитъ его одинъ Богъ, особливо, если человѣкъ дѣлаетъ въ чемъ ошибку, но по лучшему своему разумѣнію, какъ наученъ, какъ смыслитъ и по принятымъ еще правиламъ, не имъ установленнымъ. Сего не говори. Онъ и не говоритъ. Сего не попускай! онъ и не попускаетъ. Надобно также вспомнить, что намъ сказано: *дамъ вамъ пастыри по сердцу вашему*. И такъ каковы наши сердца, таковы и пастыри даются; у развратнаго народа иногда и все доброе отнимается; посмотрите какъ грозитъ Самъ Господь у Исаіи Ел. 3, а потому и кажется мнѣ, что лучше ревностію своею поусердствовать любви, которая такъ высоко цѣнится, и Господомъ нашимъ и учениками Его; и оставя всякое негодованіе на то, что не отъ нашей воли зависитъ, и за что мы не отвѣчаемъ, всяцѣмъ храненіемъ блюсти сердце свое отъ того, за что мы отвѣчать можемъ. Какъ любовь есть лучшій Путеводитель... и къ познанію Бога, нежели разумъ и всѣ напряженія другихъ нашихъ силъ, то и будемъ совершенствоваться паче въ ней, да не отъ единаго устія истекаетъ и сладкое и горькое и да не впадемъ въ премудрость не только земную, но еще бѣсовскую. Послѣдуемъ святому правилу св. Іакова III. 13 до конца.

2. Неоднократно въ письмѣ вашемъ упомянуто при негодованіи вашемъ на книжниковъ и фарисеевъ, что вы напротивъ того не ученый, наукъ въ семинаріяхъ не обучались. И сіе есть во первыхъ укоризна, во вторыхъ и нѣкоторая похвальба, ибо когда я что

осуждаю и вмѣстѣ говорю: я же напротивъ того не то: то симъ самымъ я уже хвалю себя. Черезъ сіе вы хотѣли дать разумѣть, что вы и неучась больше ихъ разумѣете. Откуда же вамъ сія премудрость бысть? Если отъ всемилостиваго Бога, то Павелъ говоритъ: *что имаши, Его же нѣси пріялъ? аще и пріялъ еси, что хвалишися, яко не пріялъ?* 1. Корин. IV. 6. 7. Если ученому нехорошо величаться своею ученостью, то простому тѣмъ паче неприлично величаться своею простотою.

Простите мнѣ, почтенный другъ, мою дерзость, ежели замѣчанія мои найдете вы неумѣстными.

3-е Также я не осмѣлился бы передѣлывать Евангеліе, внося въ него стихи изъ Пророковъ и другихъ книгъ, хотя и Св. Писанія, но другого завѣта, 1-е потому что мнѣ не дана власть ни прибавлять, ни убавлять написаннаго самими учениками Господа, которые, гдѣ надобно было, включали и сами тексты изъ ветхаго завѣта. 2-е потому, что прибавя иной текстъ по моему разумѣнію я его поставлю, можетъ быть, совсѣмъ не въ томъ разумѣ, въ какомъ онъ написавшимъ его сказанъ, и такъ свой толкъ я придамъ писавшему его апостолу или пророку. Св. Писаніе, яко слово Божіе выше того, чтобы я могъ съ нимъ обходиться такъ своевольно. Для себя я такія замѣчанія и объясненія дѣлать могу, но чтобы выдавать ихъ въ свѣтъ для назначенія другихъ, это совсѣмъ иное дѣло. 3-е потому, наконецъ, что это выйдетъ уже не Евангеліе, а толкованіе на Евангеліе, а тутъ вопросится, имѣю ли я всѣ способы и право толковать Евангеліе, и не примѣшалъ ли я чего чужого отъ своеумія?

И это еще подлежитъ разсмотрѣнію. Почему и въ первой еще церкви Павелъ говорилъ: *не мнози учители бывайте*, также отъ насъ научится, не паче написанныхъ мудрствовать, да не единъ по единому гордится на другого 1 Корин. IV. 6, отъ того, что много завелось учителей и нынѣ и прежде церковь раздирается на разные толки; ереси не было бы или была бы одна, если бы ересеначальники не взялись учить народъ своимъ мнѣніямъ,

И такъ для соблюденія единства въ каждой, хотя и раздѣлившихся уже церквей, дабы онѣ не дѣлились еще на множайшія раскола, справедливость требуетъ, чтобы христіанскія книги, яко заключающія самое важнѣйшее ученіе, не выходили иначе, какъ съ одобренія Правительствующихъ Церковью. И сіе бы самое вѣрнѣйшее средство было отъ заблужденій, если бы учители церкви были истинные; но оно и теперь справедливо, потому что нѣсть власти предержащей повиноваться должно, даже и строптивымъ властителямъ, и противляющійся постановленной власти Богу про-

тивляется. Слѣдовательно Синоду дано право рѣшить, а мнѣ данъ законъ повиноваться ему.

Сіе что касается до насъ, обыкновенныхъ человѣковъ, но кого Богъ Самъ воздвигнетъ во пророка и пошлетъ, тотъ учитъ не яко же прочіи человѣцы, но яко власть имѣя. Матѳ. VII. 29.

4-е въ спорѣ вашемъ съ Іоанномъ Дамаскинымъ за нѣкоторыя пѣсни его, я вамъ не товарищъ. Мнѣніе, подобное вашему, давно извѣстно въ церкви было и оно называлось, помнится, ересью Македонія.

Если Іисусъ не былъ точно отъ Сѣмени Авраамова и Давидова, то апостолы и пророки насъ обманули, ясно напримѣръ говоритъ о томъ Павелъ I Послан. Тимоѳ. II. 6 и 2. Тим, II. 8, а ежели Онъ не принималъ плоти отъ Маріи, то во первыхъ не сбылось изрѣченіе, что сѣмя жены сотретъ главу змія; во вторыхъ Іисусъ бывъ рожденъ безъ мужа отъ Духа Свята, какъ могъ быть отъ единаго съ нами сѣмени? То что вы называете утробо-матернымъ хлѣбомъ, къ сему недостаточно; ни хлѣбъ ни другая какая пища не превращаетъ питаемаго въ свое естество, но сама въ плоть его превращается и паче всѣ мы должны бы превратиться въ плоть птичью, рыбью, звѣрину, а иной въ рѣдьку, въ горохъ и грибы. Въ пищѣ и въ питіи заключается великое таинство, но совсѣмъ другое, и такое таинство, что, разумѣя оное, нельзя приступить къ трапезѣ безъ молитвы и сидѣть за оною безъ благоговѣнія. Вамъ кажется низко для Бога воплотиться въ нашу грѣховную плоть. И подлинно сіе ученіе Сына Божія не вмѣстимо и самому крайнему смиренію человѣческому, но въ томъ то и великость его таинства.

Вспомнемъ однакожъ при семъ, что человѣкъ былъ вначалѣ? Іоан. X. 34. дѣян. XVII. 28 и что въ глаголанное въ раю въ падшее человѣчество слово: *Сѣмя жены сотретъ главу змія.* Не было бездѣйственно, и сіе сѣмя развивалось и разнасаждалось также какъ и сѣмя зміино.

Мы оное видимъ въ Авелѣ, въ Сиѳѣ, Авраамѣ, который видѣлъ *и день его и возрадовался*, который видѣлъ и Мельхиседека, царя и священника, по чину коего учиненъ въ Іерея и Христосъ человѣка безъ отца и безъ матери, безъ причта рода, ни начала днямъ, ни животу конца не имѣющаго, подобнаго Сыну Божію, отъ котораго онъ и благословился. Видимъ, что въ Авраамѣ потомъ падшее человѣчество поднялось на такую высоту, что человѣкъ готовъ уже былъ сдѣлать для Бога то, что Богъ намѣревался учинить для человѣка, потому что Авраамъ *видѣ день Его и возрадовался въ Немъ.* Здѣсь положено начало къ союзу, или открылась возможность къ

примиренію Бога съ человѣчествомъ, и поставленъ завѣтъ между Богомъ и Авраамомъ, и нареченъ онъ отцемъ вѣрующихъ, вѣрныхъ и обѣтовано сѣмени его, что изъ него произыдетъ Спаситель. Такъ всемилостивый Богъ сообщался съ тою линіею рода человѣческаго, которая носила имя сыновъ Божіихъ, руководствовалъ человѣчество къ поднятію себя на ту высоту, на какой показалось оно во Авраамѣ. И такъ есть причина не презирать Сѣмени Авраамова.

Человѣкъ палъ въ скотство псал. 49, отъ чего и тѣло его сдѣлалось скотскимъ, или правильнѣе скоточеловѣческимъ, животнымъ, которое въ нашей Библіи переведено душевнымъ. Сіе скотское тѣло претворенное человѣкомъ, Царствія Божія не наслѣдитъ; но наслѣдитъ оное тѣло Богомъ сотворенное, въ которое вѣдунулъ Онъ свое дыханіе жизни, и которое есть небесное и останется во всю вѣчность собственностію человѣка. Если скажемъ, что Христосъ принялъ на Себя одно сіе небесное тѣло человѣческое, то Онъ не будетъ во всемъ подобенъ намъ, какъ говорится Евр. 11. 11. 14. 16, и наше скотство не получило бы отъ того пользы, не было бы разрушено и оставалось бы еще подъ клятвою. Но Іисусъ сдѣлался по насъ клятва, принялъ на себя и душу человѣческую и гнусное наше скотское тѣло, такъ какъ и питался скотскою плотію, рыбами, мясомъ (какъ то пасхальнымъ Агнцемъ) и проч. нескотскія же тѣла скотской пищи не вкушаютъ; какъ то Ангелъ, сопровождавшій Товію, о себѣ говоритъ, и въ Евангеліи сказано. Но потому то, что Господь Іисусъ Христосъ, бывъ и самъ *приложившійся скотомъ*, бывъ и самъ въ падшемъ. Скотскомъ, грѣховномъ, смертномъ, нашемъ тѣлѣ, грѣха не сотворилъ, побѣдилъ онъ причину смерти, грѣхъ, побѣдилъ адъ и діавола, и смертію смерть попралъ пожерта стала смерть и разрушена клятва! небесное же тѣло не умираетъ.

Опять скажу: если Іисусъ Христосъ не принималъ плоти отъ Маріи, а только питался плотію или кровію Маріи: то плоть и кровь Маріи долженствовала превратиться въ естество той плоти, которую Онъ въ утробу ея съ собою снесъ по закону общему, что не нижнѣе на вышнѣе, но вышнѣе дѣйствуетъ на нижнѣе и что снѣдаемое снѣдающаго умертвить можетъ, но въ себя превратить не можетъ. А тогда Христосъ не *пріобщился уже плоти* и *крови пріискреннѣ* и нѣтъ искупленія; ибо что диковины тѣлу не человѣческому терпѣть страсти человѣческія! Тѣло камня и тѣло Ангела не страждетъ отъ тѣхъ ударовъ, отъ какихъ мое терпитъ. Надлежало возстать падшему человѣку, а не ангелу за человѣка, ни Богу не падшему.

Симъ мнѣніемъ разоряется самое основаніе спасенія нашего; ибо тогда Христосъ оставался бы только Богомъ, судьею, прибавившимъ намъ еще суда тѣмъ, что за насъ пострадалъ; а не агнцемъ подъяремничимъ, поднявшимъ всю тяжесть грѣха, и не искупителемъ, потому что ѣвши только отъ плоти нашей, онъ также не былъ бы то, что мы, какъ ѣвши рыбъ, онъ не дѣлался отъ того рыбою. И такъ я думаю, что приводимый вами текстъ изъ пророка Іезекіиля гл. 44, ст. 3 не то означаетъ, что вы разумѣетѣ; скажу даже, весьма опасно человѣку толковать Св. Писаніе духовно, неимѣя въ себѣ духа Божія, также, что пророки ветхаго завѣта не все такъ ясно видѣть могли, какъ оное явлено въ новомъ завѣтѣ благодати. Засвидѣтельствуетъ вамъ то Павелъ, который тѣмъ и начинаетъ свое посланіе къ евреямъ: „что же все то, что по частно, порознь, и разнообразно объявлялъ Богъ отцамъ нашимъ чрезъ пророковъ; все то наконецъ вкупѣ, вмѣстѣ *въ цѣломъ* открылъ Богъ во Іисусѣ, который и проч.“.

5. О духѣ и плоти разнящихся между собою, сказать надобно, что всякая плоть имѣетъ духа, только своего, ей приличнаго; и каковъ духъ, такова и плоть; ибо невсяка плоть таже плоть; есть тѣлеса небѣсныя и тѣлеса земныя, и звѣзда отъ звѣзды разнится, и иная слава небеснымъ, иная земнымъ.

По сему иная плоть и пользуетъ, какъ сказано Іоан. VI. 54. Сказано же *духъ есть, иже оживляетъ, плоть же не пользуетъ ничтоже*, справедливо; такъ какъ бы я сказалъ неодушевленному, бездушному, мертвому, что пользы въ пищѣ; а духомъ оживленной плоти, пища нужна и пользуетъ. Чтобъ Христосъ распинался на всякой литургіи, сего нигдѣ нѣтъ; а церковь сіе творитъ въ воспоминаніе по Его же заповѣди; недуховно Онъ часто распинается и страждетъ въ человѣкѣ.—Что же касается до словъ вашихъ, что Христосъ, по воскресеніи былъ *весь духовенъ* тому противорѣчитъ онъ самъ Лук. XXIV. 39.

6-е. Былъ ли гробъ Господень запечанъ или нѣтъ, въ томъ нѣтъ большой (надобности) важности ни для вѣры ни для спасенія нашего. Тѣло могшее проходить сквозь стѣны дверямъ затвореннымъ, могло вытти и изъ за печати. Дѣло въ томъ: воскресъ ли Христосъ или нѣтъ? А какимъ манеромъ, вѣрь, кто какъ лучше думаетъ; бѣды въ томъ нѣтъ.

7-е Что Маріи Магдалинѣ явился Онъ прежде, какъ и когда, и сіе обстоятельство для спасенія души не важно. Тому ли, другому ли, но Онъ по воскресеніи явился. Увѣрившись въ томъ, я по апостолу 1 Корин. XV. 22. увѣряюсь, что такожде *и плоть моя вселится на упованіи*—дѣйствія отъ его воскресенія.

8-е. О мощахъ не для чего много состязаться. При истинной вѣрѣ онѣ столько же могутъ быть полезны какъ и не нужны. Но замѣтьте, что человѣкъ и добро и зло творитъ вмѣстѣ съ тѣломъ, слѣдовательно и воздаяніе зато приметъ вмѣстѣ жъ съ тѣломъ, какъ и здѣсь въ страстяхъ духа страждетъ и тѣло, а въ спокойствіи его тѣло радуется, лице цвѣтетъ и свѣтлѣется. Но можетъ ли иногда духъ одуховить тѣло? Отъ чего Енохъ и Илія возлетѣли съ тѣломъ на небо? Но это де не то уже тѣло. Что же скажетъ о семъ свидѣтельствѣ Св. писанія и ветхаго завѣта? 4 Цар. XIII. 21 Сирах.: XXXXVIII. 14 XXXXIX. 17. не только тѣло, яко покровъ духа, но и одежда тѣла и другія его принадлежности у великихъ Святыхъ чудодѣйствовали иногда; вспомнимъ кровоточивую жену, прикоснувшуюся ризѣ Спасителя, вспомнимъ милоть Иліину, жезлъ Елисѣевъ и проч. Тоже можно сказать и о мѣстахъ такихъ, какъ Виѳлеемъ, Назаретъ, Голгоѳа, и о вещахъ такихъ же. Мѣдная змѣя воздвигнутая Моисеемъ, изцѣляла; прикоснувшійся въ ковчегу нечистый былъ поражаемъ; Соломонъ построилъ храмъ Господу, такъ сказать, заворожилъ его, выпрося у Господа именно, чтобы всякъ, хотя бъ иноплеменникъ, который помолится *на семъ мѣстѣ*, услышанъ былъ; и народъ, который въ другомъ мѣстѣ не видѣлъ славы Божіей, въ храмѣ зрѣлъ оную. Изъ сего видно, что святыня и съ мѣстомъ сопряжена быть можетъ по благоволѣнію Божію.

9-е. Что твари должно покланяться наравнѣ съ создателемъ, судите вы весьма справедливо; но сіе остереженіе недолжно быть слишкомъ строго. Но кланяемся ли мы другъ другу! Добродѣтельный не преклонится ли предъ добродѣтельнѣйшимъ! А смиренный христіанинъ, почитающій себя грѣшникомъ, и чистосердечно произносящій *отъ нихъ же первый есть азъ* незадумается повергнуться и предъ другимъ подобнымъ грѣшникомъ менѣе себя, тѣмъ паче предъ тѣмъ, котораго выставляютъ ему за праведника, и Господь зрящій не на внѣшность, а на сердца, не прогнѣвается за такое смиреніе. Даніилъ и Іоаннъ недумали нарушать 1-й и 2-й заповѣди, поклонившись въ ноги Ангелу.

Чтожъ касается до того, что не всѣ внесенные въ святцы, можетъ быть, святые, то не мы ихъ туда помѣстили, и не имѣя права включать во святые, не имѣемъ права и исключать изъ оныхъ. Богъ воздаетъ комуждо по дѣламъ его; и когда я увижу, что Богъ кого, почитаемаго мною, отринетъ, тогда увижу я не иное что, какъ только то, что я ошибался; а это совсѣмъ не диковина для человѣка; и какъ мнѣніе не составляетъ моего оправданія, такъ надѣюсь, несоставитъ и моего осужденія. Предлагаю вамъ о семъ примѣръ, представленный въ апрелѣ Сіонскаго вѣстника на стран. 134 и слѣд.

Еслибъ спасеніе наше зависило отъ мнѣній, то при столькихъ раздѣленіяхъ самой Христіанской церкви, едва ли бы не всѣ мы должны были погибнуть; ибо ни одна Христіанская секта не изъята совершенно отъ какихъ-нибудь заблужденій. Чтожъ! дѣлаться ли для сего мнѣ новымъ реформаторомъ вѣры? Лютеръ и Кальвинъ то предпринимали уже по доброму побужденію. Но что жъ произошло? Сдѣлали Христіанство зависящимъ отъ мнѣній человѣческихъ, подчинили оное человѣческому разуму, вмѣсто того, чтобъ разумъ покорить въ послушаніе вѣры; и слѣдствіе вышло то, что и другіе умы стали осмѣливаться исправлять вѣру посвоему, и начто уже нынѣ походитъ ученіе многихъ реформатскихъ проповѣдниковъ.

Но что же мнѣ дѣлать при несовершенствѣ понятія моего о моей вѣрѣ? Отвѣтствую: 1) слѣдуй заповѣдямъ Евангельскимъ.— Любяй позна Бога; кто волю мою сотворитъ къ тому я и отецъ пріидемъ, и обитель у него сотворимъ; вкусите и видите, яко благъ Господь! Вотъ прямой путь къ богопознанію. Существенное познаніе не иное какое, какъ опытомъ извѣданное, или внушеніе, т. е. соединеніе соковъ той вещи съ соками моими.—Отвѣдать ананасъ, я больше его знаю нежели разсматривая его и читая описанія о немъ. Здѣсь получаю я знаніе о *ананасѣ;* а тамъ знаю сущность ананаса. 2) Согласенъ я съ мнѣніемъ тѣхъ мужей, которые велятъ держаться той церкви, или той религіи, въ которой кто родился, неодобряютъ отступничества отъ вѣры отцовъ своихъ. Сіе мнѣніе весьма основательно; потому что небезволи Промысла случилось, что я родился въ такое время, въ такой землѣ, отъ такихъ родителей, при такихъ обстоятельствахъ; и если Церковь моя заблуждается на другія, можетъ быть вящія, тогда, сдѣлавъ то уже по своей волѣ, я и отвѣтствовать зато буду. Наконецъ 3-е) какъ сіе дѣло есть дѣло совѣсти; то, можно кажется всякому позволить въ общихъ мнѣніяхъ разныхъ церквей, слѣдовать тому, которое по совѣсти ему лучшимъ кажется, неукоряя въ томъ слѣдующихъ иному мнѣнію.

10. Монахи также человѣки, и также надѣлали много худа, какъ и мы. Но и они, также какъ и мы неизключены изъ общаго правила терпимости: не судите *да не судими будете.* Оставимъ худое ихъ имъ, зачто Богъ судитъ имъ. Зато онъ послалъ Магомета и его послѣдователей, которые поработили церковь, зато послалъ онъ Волтера и другихъ, которые потрясли самые столпы Церкви; зато воздѣйствовалъ вездѣ духъ лжи. Но Господь премудрее и ихъ и его, и въ свое время все очиститъ и исправитъ самъ, истребитъ гумно свое, а до того времени, всякія человѣческія реформаціи будутъ тщетны. Семинаріи и факультеты богословскіе

также много надѣлали худаго тѣмъ, что не имѣя духа, стали все толковать по разуму, но видя ихъ въ томъ погрѣшность, остается намъ самимъ того же остерегатся, а неопровергать мудрованіе плоти таковымъ же мудрованіемъ. Попы худы! Лишь бы не я, не смотри на попа, а смотри на дѣло, имъ исправляемое; слушай слова, которыя онъ говоритъ по книгѣ и которыя говоритъ не свои.

Вся повелѣнная вамъ, творите, по дѣламъ же тѣхъ, которые глаголютъ и не творятъ, не творите. Весьма сбиваетъ насъ съ пути то, что мы вмѣсто послѣдованія повелѣнію Апостольскому: *внемлите себѣ*, пялимъ глаза на другаго. Примѣчая недостатки другихъ, должно дополнить оные избыточествомъ своимъ. Деньги конечно не выпустятъ изъ ада, и молиться самому безъ сомнѣнія лучше, нежели нанимать за себя молиться: но вѣра воскрешала мертвыхъ, и молиться другъ за друга велѣно съ таковымъ увѣреніемъ, что молитва добродѣтельнаго мужа весьма много намъ способствовать можетъ; равно и поповъ призывать совѣтуется Іак. V. 14. 16. Сіе дѣло братолюбія [1]) кончится ли сею нашею жизнію? Непринадлежитъ ли оно и къ будущей? Законъ данный Спасителемъ о любви, если только привременный; или постоянный, вѣчный! духовныя существа любятъ ли другъ друга, желаютъ ли добра другъ другу? Ангелы сказано радуются о обращеніи грѣшника; слѣдовательно, они желаютъ сего: по сему же ихъ участію въ насъ, почему же бы они, и всѣ святые духи и души, не могли и молиться за насъ? И почемужъ мнѣ отвергать ихъ помощь? Апостолы, это правда, не учили поклоняться ни Святымъ, ни ангеламъ, но и то истинно, что тѣлеса мучениковъ творили чудеса и цѣлили, и четьи минеи содержатъ много истиннаго. Для Бога средства всѣ равны, лишь бы сердце къ нему обращалось. Сердцевѣдецъ вѣдаетъ, о чемъ воздыхаетъ духъ и чего ищетъ; знаетъ что молящійся по невѣденію молитвъ его подъ именемъ Николы или Варвары, извиняетъ невѣденіе и творитъ съ нимъ милость. А ежели простакъ думаетъ отъ смиренія, что онъ недостоинъ и молиться Богу, и даже поклоняться ему; а проситъ Святаго помолиться за него Богу, хотябъ и такого, котораго и нѣтъ во Святыхъ, въ чаяніи томъ, что оный угодилъ уже Богу, и молитва его доходнѣе до Бога. Такое искреннее уничиженіе себя и такая простота ужели останутся тщетными у Бога, который смотритъ на сердца, а не на слова? Ей такой простакъ скорѣе получитъ благодать, нежели я, умница.

---

[1]) Въ подлинникѣ написано по недосмотру дважды.

Еще повторю: Религія христіанская есть дѣло не человѣческое, а Божіе, то и исправить ее можетъ Богъ, а не человѣкъ. Христосъ все очиститъ, и самое вкравшееся въ насъ идолопоклоненіе; и когда Богъ то терпитъ, то намъ вооружаться противъ сего не слѣдуетъ. Познавъ суевѣріе, невпадать въ оное, есть долгъ; внушить то брату своему полегоньку, который слушаетъ, есть также долгъ: но осуждать зато того, кого Богъ терпитъ и пріемлетъ, не должно. Пусть кланяются иконамъ, лишь бы жизнь свою сообразовали съ ученіемъ Христовымъ. Не отнимай у человѣка посредника, чрезъ котораго онъ возноситъ сердце свое къ Богу; ибо отнявъ у него сего посредника, ты отвратишь его отъ Бога, котораго безтого онъ чувствовать такъ не умѣетъ. Кто любитъ Бога и Христа, и служитъ ему, какъ умѣетъ, тотъ спасется не смотря на заблужденіе разума, который, и умничая, неменьше заблуждаетъ.

11. Что принадлежитъ до изъясненія спора архангела Михаила съ діаволомъ о тѣлѣ Моисеевомъ: какъ намъ въ Св. Писаніи о семъ несказано, то сіе обстоятельство, по видимому, и не служитъ къ нашему спасенію: и такъ начто и входить намъ въ гаданіе о томъ? Легко быть можетъ, что догадки наши будутъ ложны.

12. О состояніи душъ по смерти, и что онѣ оправданіе или осужденіе свое получатъ неинако, какъ уже въ день общаго суда, я немогу утвердительно ничего сказать. Я не знаю, какое понятіе сдѣлать о духѣ или душе, какъ нето, что онъ или она, есть сама жизнь? Что жъ такое жизнь безъ дѣйствія? И такъ души сіи что-нибудь, мнѣ кажется и остаются безъ оправданія до общаго суда. Покрайнѣй мѣрѣ Моисей, Илія и Енохъ, кажется, не дожидались общаго суда; и ежели сказанное разбойнику *Днесь со мною будеши въ раи*, значитъ, по вашему мнѣнію, все будущее время, которое для Бога есть *днесь*: то воскресшія при воскресеніи Спасителя тѣлеса многихъ *святыхъ*, которыя и *явишася многымъ*, не непоказываютъ того, чтобъ воскресеніе ихъ разумѣлось въ будущемъ, а притомъ они названы именно *Святыми*.

13. Различіе, какое вы находите между пѣснію: Господи силъ съ нами буди; иного бо развѣ тебя помощника въ скорбѣхъ не имамы, и пѣснію: Господи, аще небыхомъ имѣли Святыя твои молитвенники, како смѣли быхомъ, и проч. по мнѣнію моему, не показываетъ ничего инаго, какъ различныя состоянія духа. Иногда духъ благодушествуетъ, имать дерзновеніе къ Богу; иногдаже немоществуетъ, находится въ робкомъ, сокрушенномъ, уничиженномъ состояніи, и ему кажется, что онъ ни пѣть, ни хвалить, ни молить самъ не можетъ: онъ весь смиреніе, бѣдность, нужда, и самъ въ себѣ отчаянъ: тогда онъ радъ у всѣхъ и у всего просить себѣ

подкрепленія, дабы возпарить къ Богу. Блаженно оное состояніе дерзновенія: но блаженно и сіе состояніе крайняго смиренія? Давидъ, въ псалмахъ котораго всѣ состоянія духовныя изображены ясно, часто представляется въ сихъ двухъ различныхъ положеніяхъ, и я не знаю, когда онъ пріятнѣе былъ Богу: тогда ли напримѣръ, когда онъ взывалъ: *суди ми Боже по правдѣ моей*: или когда вопіялъ: *помилуй мя Боже* (уже не поправдѣ моей, но:) *повелицѣй твоей милости*: а я *въ безъзаконіяхъ* зачатъ и во грѣхахъ рожденъ?

14. На разсужденіе ваше, что вамъ не вѣроятнымъ кажется утверждаемое Штиллингомъ мнѣніе о тысящелѣтнемъ Царствіи Господа Іисуса здѣсь на землѣ: потому что и самъ Спаситель сказалъ, что Царствіе Его нѣсть отъ сего міра и проч. въ отвѣтъ скажу: это не одинъ Штиллингъ утверждаетъ, а многіе писали о семъ и до него, и даже нѣкоторые объявляли при томъ, что пишутъ о семъ поотровенію. Пророки всѣ, предрекая Страданія и смерть Іисусову, пророкали вмѣстѣ и славное его Царствіе на земли, избавленіе избраннаго его народа израильскаго отъ пленения, и проч. Іудеи въ томъ и ошиблись, что ждали Мессію грядущаго во славѣ, а не въ уничиженіи; ибо прежде разрушенія клятвы ожидали славы. Но сіе первое пришествіе Спасителя не исполнило еще всѣхъ обѣтованій; возлюбленный Его народъ не изведенъ еще изъ плѣненія, и продолжаетъ быть въ разсѣяніи еще паче прежняго; и земля, мѣсто грѣха, невозстановлена еще въ прежнѣе райское свое достоинство, какъ то истребитель грѣха произвесть долженъ; и возвѣщенная Исаіею слава Іерусалима и Сіона, куда должны стечься чада Его отъ востока, запада, сѣвѣра и юга, ни вовремя житія Христова на земли, ни по отшествіи Его, еще неявлялась. Намъ возвѣщено при вознесеніи Господнемъ, что онъ паки такъ же прійдетъ на землю, какъ видѣли Его отъ шедшимъ отъ нея; Любимцу своему Іоанну въ откровеніи Его, называемомъ апокалипсисомъ, онъ открылъ, что будетъ царствовать на земли седьмый тысячалѣтній день. Да и при жизни еще своей въ молитвѣ своей училъ онъ учениковъ своихъ молить: *Да прійдетъ Царствіе Твое!* какое жъ это царствіе? Если небесное, то тамъ давно отецъ его царствуетъ: Но оно должно сойти и на землю, *Да будетъ воля Его и на земли такъ какъ на небеси*. Когда жъ такъ воля божія на земли исполнялась, чтобъ никто не противорѣчилъ и не противился Ей, какъ то дѣлается на небеси? И когда жъ приходило Царствіе Сіе?—Такого совершеннаго яко на небеси, ни въ одномъ уголку земли до днесь не бывало. Слѣдовательно сему еще быть должно. Ибо въ молитвѣ, которой научены мы отъ самого Господа, пустыхъ прошеній и быть не можетъ. Вы видите, что Царство Сіе

и не будетъ отъ міра сего, когда и Господь и Царство Его и градъ Его святый Іерусалимъ (апокал: XXI. 10.) снидутъ съ небеси.

Я не стану вамъ приводить разныхъ мѣстъ изъ Св. Писанія, свидѣтельствующихъ то, ибо какъ вы сами Св. Писаніе читаете и знаете: то принявъ мысль сію, вы увидите, что многія мѣста онаго вамъ лучше объяснятся. Чрезъ прекращеніе уже гоненій на христіанъ, Царство Божіе на земли еще не утверждалось, ибо недожидаясь тысячи лѣтъ, христіане и христіанство:—дѣжъ тутъ Царствіе Божіе, особливо 1000 лѣтнее? Не соблазняйтесь чувственностію и плотію. Не всяка плоть таже плоть; вспомните что плоть возвеличена Богомъ Словомъ и вознесена имъ одесную отца. Человѣкъ долженъ блаженъ сдѣлаться съ тѣломъ; и ѣсть и пить онъ самъ обѣщалъ вмѣстѣ съ учениками въ семъ Царствіи, о пришествіи котораго училъ ихъ молиться. Не презирайте такъ яденія и питія, въ которомъ заключается величайшее таинство и радостное и вожделенное дѣйствіе. Обжорство и піянство грѣхъ, а неяденіе и питіе, котораго грѣха, такъ какъ и другихъ плотскихъ грѣховъ, конечно, уже небудетъ, когда имя его будетъ вездѣ святиться, царствіе Его во всемъ господствовать, и воля Его твориться и на земли такъ какъ на небеси.

Для такого царя надобно приготовить ему приличный и народъ.—Вы найдете въ пророчествахъ, что такъ и будетъ. Всѣ человѣки, неспособные къ сему царствію, истребятся и останется ихъ столько какъ винограду, позборѣ винограду, т. е. кое гдѣ, такъ что человѣкъ обрадуется увидя другаго человѣка; потомъ явятся и другіе подданные сего Царя, принадлежащіе къ сему царству, которые съ нимъ же прійдутъ (Солун. гл. 4), ибо будетъ два воскресенія и двѣ смерти, и блаженъ кто будетъ имѣть часть въ воскресеніи первомъ, въ которое только возстанутъ участники сего царствія на земли. По окончаніи же онаго будетъ воскресеніе всѣхъ мертвыхъ для всеобщаго суда.

Если же вамъ все сіе кажется невѣроятнымъ, не побезпокойтесь: паки и паки повторяю, дѣло не въ понятіяхъ и разумѣніи, а въ возрожденіи въ новую тварь.

Вотъ вамъ милостивый Государь мой, отвѣтъ на любезнѣйшее письмо ваше.

Прошу покорнѣйше недавать моимъ мыслямъ излишняго вѣса, я ихъ предоставляю совершенно вашему сужденію. Я и неосмѣлился бы такъ много разпространится въ изложеніи оныхъ, и даже иногда противорѣчить человѣку, мнѣ вовся неизвѣстному, и такъ много любовію и благосклонностію своею меня обязывающему; если бы вы вторичнымъ письмомъ вашимъ неподтвердили настоятель-

наго вашего требованія отъ меня отвѣта на откровенное письмо ваше, безъ всякой закрышки и бережи. Одинакія побужденія и одинакая цѣль, сведшія наше знакомство, и подавшія мнѣ лестное удовольствіе найти такого друга и собесѣдника въ незнакомце, утвердили сію мою смѣлость. Еще прошу васъ покорнѣйше извинить меня и въ томъ, если я въ объясненіяхъ моихъ недовольно что выяснилъ. Я нестоль свободенъ и нестоль воленъ въ своемъ времени, какъ вы, по описанію вашему: привыкши уже поставлять себѣ долгомъ, не оставлять никого долго безъ отвѣта, я нехотѣлъ продолжать времени, чтобъ написанное здѣсь разомъ, пересмотрѣть еще, дополнить и переправить; притомъ же какъ видите, и пишу все своею рукою. И такъ надѣюсь вашего снисхожденія.

Остается мнѣ просить васъ включить меня въ число ближнихъ вашихъ, включить въ братскую вашу любовь, не поплоти, которая крѣпче и надежнѣе еще плотской, и вспоминать обо мнѣ въ лучшія ваши минуты, когда вы бесѣдуете съ вездѣсущимъ. Обязуюсь и самъ взаимно тѣмъ же, съ истиннымъ почтеніемъ и братною любовію есть и пребуду.

вашъ М: Г: моего
покорнѣйшій слуга
Ѳ: Михайловъ.

августа 19 дня
1807 года
С: П: бургъ.

Матеріалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в. [1]).

Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину.

(Окончаніе).

101.

29 января 1835 г. Ставрополь.

Ø себѣ писать ровно нечего, кромѣ: живъ и здоровъ; затѣмъ до сихъ поръ не писалъ и теперь не пишу, а посылаю Вамъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, какъ коренному любителю Расина, сцену пророчества изъ Гоѳоліи. Она была уже дважды переведена [2]), и не безъ достоинствъ: бывшимъ товарищемъ моимъ по полку, покойникомъ Шапошниковымъ [3]) и бывшимъ моимъ другомъ, благополучно здравствующимъ Жандромъ. При сличеніи ихъ съ подлинникомъ, сами увидите, почему я покусился перевести въ третій разъ. Покажите Каратыгину, который самъ за то покажетъ Вамъ нѣчто

---

[1]) См. „Русскую Старину“ августъ 1911 г.

[2]) „Гоѳолія“ (Athalie) была переведена гр. Сергѣемъ Павловичемъ Потемкинымъ и Петромъ Ѳедоровичемъ Шапошниковымъ. Первыя два дѣйствія и всѣ хоры принадлежатъ гр. Потемкину, а три акта—Шапошникову. Трагедія представлена 1 разъ въ концѣ 1810 г. Переводы А. А. Жандра изъ „Гоѳоліи“ напечатаны въ „Сынѣ Отечества“ 1816 г. ч. 27, № 1 стр. 25—31 (Д. I явл. 4-ое и Д. II явл. 9-ое, тутъ же напечатано рекомендательное письмо Катенина отъ 2 янв. 1816) и въ „Сѣверномъ Наблюдателѣ“ 1817 г. II № 14, стр. 11—17 (Д. III явл. 7).

[3]) Капитанъ Шапошниковъ былъ убитъ въ Бородинскомъ сраженіи. О немъ см. П. Араповъ—„Любовь къ русской словесности и благородные спектакли въ Лейбъ-Гвардіи Преображенскомъ полку“ („Сѣверная Пчела“ 1857 г. № 65).

мое же, къ нему посланное для напечатанія. Съ тѣмъ же послалъ я къ Пушкину сонетъ [1]) который увидите, вѣроятно, въ Библ. для чт. да сверхъ того безъ книги, а на память, перевелъ все второе дѣйствіе той же Гоѳоліи, премудреное. Коли отвѣтите, пришлю и то; и хотѣлось бы мнѣ, чтобъ Каратыгинъ въ свой бенефисъ, или чей-нибудь, сыгралъ эти два первыя дѣйствія, составляющія отдѣльно отъ прочихъ нѣчто цѣлое. Пророчество можетъ онъ прочесть не въ счетъ. Вы меня совершенно забыли, что не совсѣмъ похвально; я съ выѣздомъ моимъ изъ Петербурга ни отъ кого слова не получилъ. За что такая не милость?.. Вы скажете: самъ пиши; но во первыхъ: почему же я обязанъ всегда начинать? а во вторыхъ: о чемъ писать отсюда, и всегда ли можно? что у Васъ дѣлается? что новаго? я рѣшительно, какъ бы на томъ свѣтѣ. Тамъ ли Вы все живете, гдѣ прежде? пришлите свой адресъ на всякой случай.

Будьте здоровы.

Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

102.

9-го мая 1835 г. Ставрополь.

Придираюсь къ случаю, къ сегодняшнимъ имянинамъ Вашимъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, чтобы еще разъ писать къ Вамъ, хотя бы, правду сказать, и не слѣдовало послѣ Вашего со мною недружескаго, ничѣмъ незаслуженнаго молчанія; я имѣлъ бы право оскорбиться имъ, но мнѣ отраднѣе думать, что заботы по службѣ и городскія разсѣянности вдвоемъ только виноваты, а собственное Ваше разположеніе по крайней мѣрѣ отчасти право. Увидимъ, что будетъ далѣе, и на какомъ мнѣніи Вамъ за благо разсудится меня оставить; въ умѣ Вашемъ сомнѣнія нѣтъ, стало сердцу только рѣшить. Покуда имѣю къ Вамъ небольшую просьбу. Въ семъ 1835 г. совершается для меня, за вычетомъ отставки, пятнадцатилѣтняя давность офицерскаго чина, и надо просить пряжки; для полученія оной, какъ сказывалъ мнѣ самъ Вельяминовъ [2]), нужно получить сперва изо всѣхъ мѣстъ, гдѣ жилъ и былъ, свидѣтельства, даже за время неслуженія отъ Предводителя дворянскаго; но не о немъ и не о полкахъ рѣчь, а о Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія, въ коемъ я служилъ съ іюня 1806 по мартъ 1810-го года, сирѣчь безъ

---

[1]) Ср. письмо Катенина къ Пушкину отъ 4 янв. 1835 г. (бумаги Пушкина, вып. 1-ый М. 1881).

[2]) Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ род. въ 1785 г., ум. въ 1838 г., Начальникъ Кавказской области.

малаго четыре, гдѣ получилъ сперва чинъ коллегіи-юнкера 1806 г. 31 декабря, а черезъ два года даже титулярнаго совѣтника. Нынѣшній Директоръ Департамента, я думаю, князь Платонъ Александровичъ Шихматовъ-Ширинскій [1]); онъ мнѣ знакомый и товарищъ по Россійской Академіи, стало Вамъ не неловко будетъ съ нимъ заговорить обо мнѣ, начавъ съ поклона моего ему. Я бы прямо написалъ, но во-первыхъ, не увѣренъ, все ли онъ, или другой Директоромъ, а во-вторыхъ, не надобно ли отъ меня формальнаго прошенія въ Департаментъ; буде можно обойтись безъ сего лишняго бумагомаранья, я очень радъ буду, но такъ-ли, сякъ-ли, мнѣ потребно свидѣтельство, какое обыкновенно въ подобномъ случаѣ выдается, и по которому, пріобщивъ его къ другимъ ему подобнымъ, мнѣ выдадутъ пряжку. Потрудитесь, почтеннѣйшій, съѣздить къ Шихматову и переговоривъ съ нимъ, меня увѣдомить. Какова погода у Васъ? Здѣсь ужасъ: дождь, вѣтеръ и стужа; вчера топилъ я печь въ своей комнатѣ. По ландкартѣ судя, надлежало бы здѣсь теплу царствовать, но видно мнѣ на роду писано вездѣ испытывать холодъ. Прощайте до отвѣта, коли отвѣтите, будьте здоровы, а я бы желалъ: по прежнему во всемъ; я не мѣняюсь и весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

103.

8-го іюля 1835 г. Ставрополь.

Какая мысль, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, чтобы я хотѣлъ прекратить съ Вами переписку? Похоже ли такое дѣло на меня, который иначе не терялъ друзей, какъ смертью, либо разрывомъ съ ихъ стороны, и въ обоихъ случаяхъ до слезъ огорчался? Можетъ быть, полагая Васъ (къ щастью понапрасну, въ чемъ и прошу простить) виноватымъ по дружбѣ долгимъ молчаньемъ, я бы не рѣшился поздравить съ имянинами, кабы уже зналъ о возвышеніи Вашемъ по службѣ [2]); и то, нѣтъ: я бы поколебался и написалъ, убѣжденный, что умъ Вашъ выше Превосходительства, и чувства цѣннѣе девятнадцати тысячъ, и воображать Васъ спѣсивымъ значитъ: обижать. Оставя это, успѣхи Ваши меня нечаянно много обрадовали; когда пріятели мои идутъ въ гору, я наслаждаюсь

---

[1]) Князь Платонъ Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ, р. въ 1796 г., ум. въ 1853 г., былъ директоромъ Департамента Народн. Просв. съ 1833 г., товарищемъ министра съ 1842 г. и министромъ Народн. Просв. съ 1850 г.

[2]) 6-го декабря 1834 г. Бахтинъ назначенъ Управляющимъ Комитета министровъ.

на двое: за нихъ, по привязанности душевной, и за себя, по самолюбію, которое шепчетъ мнѣ тогда, что, коли я нещастливъ, то не по недостатку средствъ или достоинствъ, ибо близкіе ко мнѣ успѣваютъ же, но по чему-то непостижимому и того гляди неодолимому. Вы посмѣетесь надо мной, и власть Ваша; оно, въ самомъ дѣлѣ, должно смѣшнымъ казаться. Но какъ быть? Я становлюсь фаталистомъ. Разумъ споритъ, отвергаетъ, но опытъ и событія безпрестанно новые примѣры представляютъ, и наконецъ, выходитъ ихъ такой скопъ, что на вѣсахъ внутренняго слѣпого увѣренія, никакая дѣльная отрицательная теорія не въ силѣ перетянуть ихъ положительнаго убійственнаго свидѣтельства. Сія метафизика, до которой я, впрочемъ, не охотникъ, ясно укажетъ Вамъ, что здѣшнее житіе мое не малина; въ подробности же его входить на бумагѣ не хочется, а скажу Вамъ только, что въ столицѣ понятія не имѣютъ о злѣ всякаго рода, какое господствуетъ въ предѣлахъ отдаленныхъ: о неограниченномъ самовластіи высокихъ, о столько же безпредѣльномъ вліяніи на нихъ нѣкоторыхъ изъ низкихъ, о невозможности съ правилами честности неуклонной добиться даже малаго, когда многое берутъ тѣ, кому бы, по справедливости, не слѣдовало ничего за способности и наказаніе за дѣла, о невѣжествѣ и ничтожности всѣхъ вообще, и проч. и проч. и проч. Причинъ тому, конечно, не одна, но главная, по мнѣнію моему, та, что въ столицѣ есть уже какое-нибудь общее мнѣніе и сторонній судъ, а въ Сатрапіяхъ ни того ни другого, и дважды два могутъ тамъ изъ четырехъ превратиться въ пять, чуть оно покажется выгоднымъ по разчету, хоть одному лицу, не всегда главному, но управляющему: никто не отважится на повѣрку, а буде сыщется такой смѣльчакъ, то онъ въ большой опасности. Всѣ такъ обременены множествомъ дѣлъ, что ни одного не дѣлаютъ, сирѣчь къ добру; ибо ко злу все не въ очередь творится весьма скоро и никогда не поправляется; почтенія къ истинѣ, къ правотѣ, къ невинности, къ страданію, двумя словами: совѣсти и человѣколюбія—въ поминѣ нѣтъ; о скукѣ и пустотѣ житейской говорить лишнее. Понынѣ задерживаетъ меня въ Ставрополѣ окончаніе порученнаго мнѣ уголовнаго слѣдственнаго дѣла; оно до меня въ рукахъ дюжины слѣдователей тянулось ровно четыре года и никогда бы не кончилось, ибо иной длилъ нарочно, чтобъ закрыть грѣхи себѣ подобныхъ (какъ сплошь водится), иной, видя, что открыть ихъ вѣрная бѣда себѣ, послѣ двухъ или трехъ попытокъ, уклонялся отъ зла; я въ четыре не сполна мѣсяца подвелъ къ концу, встрѣчая на каждомъ шагу препятствія, а такія, что пересказать на диво, и теперь еще борюсь и, по окончаніи, предвижу неизбѣжныхъ большихъ неудовольствій, имянно за по-

хвальное и награды достойное дѣйствіе. Какъ бы тамъ ни было, надѣюсь въ августѣ сложить это бремя и отправиться къ отряду войскъ, уже, вѣроятно, начавшихъ ежегодную малую войну съ горцами въ горахъ Черноморскихъ. Сборы къ этой отправкѣ унесли уже немало денегъ: къ тремъ верьховымъ я прикупилъ трехъ упряжныхъ лошадей съ хомутами etc., сшилъ палатку, въ ней приборъ кой-какой, то другое, и вся тысяча; что понадобится собственно въ походѣ, то еще впереди; все сіе, дабы имѣть честь быть подстрѣленнымъ, и, коли не захотятъ употребить благонамѣренно, то утратить деньги и труды и хоть жизнь безъ пользы и безъ славы: высѣять всю чистую пшеницу свою въ песокъ безплодный и, не собравъ никакой жатвы, послѣднія зерна потерять. Вотъ тутъ фатализмъ утѣшеніемъ служитъ, твердя: судьбы своей не минуешь, дѣлай, что почитаешь за лучшее и о послѣдствіяхъ всуе не заботься. Не хочу вѣрить, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, чтобъ Вы совсѣмъ удалились отъ словесности, или, точнѣе молвить, отъ поэзіи: она цвѣтъ жизни. Я послалъ около мѣсяца тому, черезъ брата Мих. Андр., къ Каратыгину un furieux paquet прозы и стиховъ; достаньте ихъ, прочтите и увѣдомьте меня; еще посылаю нынѣче къ Пушкину для напечатанія басню: *Топоръ* [1]). Но лучшаго изъ предпринятыхъ здѣсь стихотвореній, кантаты: *Сафо* не могу сдѣлать, не имѣвъ ни греческаго подлинника со словаремъ, ни точнаго перевода ея Гимна Венерѣ и отрывка: *блаженъ* etc, которые бы мнѣ хотѣлось оба туда включить [2]). Жандровъ переводъ конца

---

[1]) См. письмо Катенина къ Пушкину отъ 7-го іюля 1835 г. („Бумаги Пушкина", вып. 1. М. 1881).

[2]) Кантата „Сафо" сохранилась въ собственноручной рукописи Катенина, помѣченной 1838 г., въ рукописномъ отдѣленіи Имп. Публичной библіотеки. Катенинъ писалъ Пушкину изъ Ставрополя 1-го іюня 1835 г.: „Нѣтъ ли у тебя знакомаго греколога, кто бы могъ en vile prose рабски переложить крошечныя два стихотворенія изъ Сафы: Венерѣ и Heureux qui etc. Очень бы ты одолжилъ. Кантата засѣла въ головѣ и никакъ не можетъ вылѣзть за недостаткомъ книжныхъ пособій". См. также письма Катенина къ Пушкину отъ 16-го мая и 7-го іюля того же года („Бумаги Пушкина" вып. I. М. 1881.). Пушкинъ исполнилъ просьбу пріятеля. Въ его бумагахъ отыскались два отрывка изъ Сафо, переведенные прозою: „Пѣсенка Аѳродитѣ" и „Діонизіи". Привожу соотвѣтствующія мѣста изъ Катенинской кантаты:

Гимнъ Сафы Аѳродитѣ:

Златопрестольница, о Аѳродита безсмертная,
Козни плетущая, хитрое Діево чадо,
Нѣтъ, не смиряй ихъ, владычица, душу снѣдающихъ
Скорбей моихъ.

3-го дѣйст. Гоѳоліи съ его хоромъ напечатанъ въ *Наблюдателѣ*, журналѣ, издаваемомъ въ 1817 и 1818 годахъ Корсако-

---

Нѣтъ; но сама ты приди, какъ и прежде подвигнута
Гласомъ призывнымъ моимъ, приходила спасая,
Съ горней разставшись обителью, съ отчимъ надъоблачнымъ
Домомъ златымъ.

———

Правила ты колесницей; везли ее лѣпые
Быстрые врабіи, воздухъ густыми крылами
Вья; между черной землей и эѳира высокаго
Самой средой.

———

Легкимъ полетомъ неслись они; ты же, блаженная,
Ласково мнѣ улыбаяся ликомъ безсмертнымъ,
Чѣмъ я скорблю, вопрошала, и для чего въ горести
Съ неба зову,

———

Что есть желанье мое, и чего изступленная
Въ помощь ищу для души, и о чемъ умоляю,
Въ сѣтяхъ любви истомившаясь: „Кто же обидѣлъ такъ,
Сафо, тебя?“

———

„Если теперь убѣгаетъ онъ, вскорѣ погонится;
„Если даровъ не пріемлетъ, самъ придетъ съ дарами,
„Если не любитъ, полюбитъ, и вскорѣ, и даже хоть
„Хочешь, хоть нѣтъ“.

———

Нынѣ приди же ко мнѣ, и печали тяжелое
Бремя сними, и души вождѣленія вполнѣ
Всѣ соверши, и сама, о богиня, поборницей
Буди ко мнѣ.

———

Пѣснь Сафы Фаону.

Какъ онъ блаженъ, равенъ богамъ,
Тотъ кто сидитъ противъ тебя,
Слышитъ вблизи звуки рѣчей,
Видитъ улыбку!

———

О, что тогда, боги, со мной?
Сердце въ груди рвется насквозь;
Только взгляну, липнетъ языкъ,
Голосъ окованъ.

———

Топкое вдругъ пламя внутри
Тѣло кругомъ бѣгая жжетъ;
Слухъ же и взоръ: тьма лишь въ очахъ,
Шумъ только въ ухѣ.

———

вымъ [1]) и Загоскинымъ; хоры 1 и 2 дѣйст. въ Сынѣ Отечества 1815, либо 1816 г. У Васъ подчиненныхъ много, прикажите филологу какому-нибудь отъискать сіи періодическія изданія и сличите, ибо я и хоры всѣ перевелъ вновь съ нѣкоторыми сокращеніями, какъ увидите, взявъ у Каратыгина. Прощайте, Николай Ивановичъ, но не забывайте меня; адресъ просто: въ Ставрополь. Уѣхавъ отсюда въ горы, я распоряжусь на счетъ писемъ, получаемыхъ съ почтою, и они будутъ черезъ штабъ доставлены ко мнѣ, гдѣ бы я при отрядѣ ни находился. Письма людей, къ кому мы, по чувству и разсудку, равно привязаны, всегда пріятны, а въ одинокомъ положеніи моемъ нынѣ величайшая, коли не единственная, отрада: буду ждать ихъ отъ Васъ регулярно, какъ слѣдуетъ отъ дѣлового и дѣльнаго человѣка. Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

104.

Ольгинское укрѣпленіе. Сентября 29-го 1835 г.

Давно не писалъ я къ Вамъ, любезнѣйшій и почтеннѣйшій Николай Ивановичъ; даже не поблагодарилъ за бумагу, добытую изъ Департамента Народнаго Просвѣщенія, за которую прошу отъ меня поблагодарить и князя Шихматова, при первой съ нимъ встрѣчѣ. Спѣшилъ я въ Ставрополѣ окончаніемъ порученнаго мнѣ дѣла и

Выступитъ потъ хладный въ лицѣ,
Трепетъ меня всю проберетъ;
Блекну какъ злакъ; близится смерть,
Духъ замираетъ.

Вотъ еще, для образчика, одинъ отрывокъ изъ той же кантаты:

О какъ любовью жизнь красна,
Свѣтла, игрива и полна!
Летитъ и распѣваетъ птицей,
Цвѣтетъ, какъ Гиперидскій садъ,
Сверкаетъ огненной зарницей,
Кипитъ, какъ горный водопадъ,
Скорбей и страховъ привидѣнья
Отъ ней бѣгутъ далеко прочь,
И день начало наслажденья,
И верхъ отрадъ нѣмая ночь.
Что противъ нихъ всѣ щастья міра,
Богатство Креза, слава Кира?
Одной любовью жизнь красна,
Свѣтла, игрива и полна...

[1]) Петръ Александровичъ Корсаковъ, цензоръ, переводчикъ, издавалъ съ М. Н. Загоскинымъ „Сѣверный Наблюдатель“ (р. въ 1790 г., ум. въ 1844 г.).

къ 12-му августа успѣлъ заключить; сдать некому было: Начальникъ штаба отъѣзжалъ на кислыя воды къ больной женѣ; возвратился 30-го. Вмѣстѣ съ тѣми бумагами, подалъ я свою собственную о томъ, что мнѣ ѣхать къ отряду не съ чѣмъ, ибо за текущій годъ изъ Грузіи не присылали жалованія. Бумагу мою послалъ онъ къ Розену [1]), находившемуся тоже на водахъ, и отъ него получено 9-го сентября приказаніе: выдать мнѣ въ счетъ тысячу рублей. Кое-какъ купилъ я наскоро лошадей въ телѣгу, и пр. и пр. и пр. и 11-го числа обозъ свой отправилъ, самъ пустился 15-го, такъ что 17-го вмѣстѣ поспѣли мы въ Екатеринодаръ, а на другой день сюда, за 60 верстъ ниже по Кубани. Отрядъ за недѣлю передъ тѣмъ ушелъ, пришлось дожидаться, пока онъ возвратится, чтобъ забрать новые припасы и снова двинуться во вражью землю. Ожидаютъ прихода его въ началѣ октября. До тѣхъ поръ вообразите мое положеніе: такъ называемое Ольгинское укрѣпленіе расположено на обоихъ берегахъ Кубани; на правомъ комендантъ (казачій маіоръ изъ черкесовъ), всѣ продовольствія и угодья (NB очень скудныя), тамъ остались мои шесть лошадей и четверо людей; я же съ двумя на лѣвомъ берегу и занимаю собственную Вельяминова комнату, въ которой дождь льетъ какъ на дворѣ. Въ семъ *мостовомъ прикрытіи* (надо знать, что моста не бывало, а паромъ причаливаетъ отъ валу слишкомъ въ 300 шагахъ въ чистомъ полѣ) находится, кромѣ меня, до пятидесяти человѣкъ гарнизона, охраняющихъ два бастіона и маленькій равелинъ, между ними, жалкую пародію крѣпости; въ нее въѣхать можно въ каретѣ, имѣя порядочный спускъ; и я не могу подивиться глупости черкесовъ, несмѣющихъ взять ее въ любой день, собравшись въ числѣ хоть двухъ сотъ. Здѣсь и госпиталь съ больными, и множество ядеръ, пороху etc. и все это Богъ бережетъ. Прибавьте, что черкесы, называющіеся мирными, поодиночкѣ ѣздятъ сюда; при мнѣ двое пріѣзжали: одинъ продавать лошадей, другой съ разказомъ о бывшемъ маленькомъ сраженьи; съ этимъ я послалъ къ Вельяминову рапортъ о своемъ прибытіи и ожиданіи. Рѣка Абина, гдѣ онъ находится, въ 36 верстахъ отселѣ, пушечные выстрѣлы слышны, а попасть никакой возможности, и нѣтъ сообщенія, кромѣ подъ прикрытіемъ цѣлой колонны, либо для бумагъ случайно черезъ вышеупомянутыхъ лазутчиковъ. За всѣмъ, начиная съ баранины, надо въ челнокѣ ѣздить черезъ Кубань, и слова молвить не съ кѣмъ. Вчера Богъ принесъ

---

[1]) Баронъ Григорій Владиміровичъ Розенъ. Командиръ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса (до 1837 г.) р. 1782 г., ум. въ 1841 г.

сюда осматривать госпиталь барона Корфа [1]), брата тому, на чье мѣсто Вы поступили; сегодня онъ ѣдетъ, я съ нимъ отправляю письмо мое къ Вамъ. Прилагаю къ нему маленькую вѣщь, очень желая, чтобъ она Вамъ понравилась, ибо тогда я буду надѣяться угодить Вамъ и большою, которая давно была припасена въ моей головѣ и въ Ольгинскомъ укрѣпленіи на досугѣ поступаетъ на бумагу; имя ей *Новая быль*. При семъ прилагаемая *Дура* была сперва въ ней, какъ эпизодъ, но я разсуждалъ, что онъ отвлечетъ вниманіе отъ главнаго дѣйствія, и переиначилъ; а какъ мнѣ не хотѣлось его потерять, то округлилъ и пускаю отдѣльно. Потрудитесь черезъ Пушкина, либо Каратыгина, передать сію идиллію Смирдину для напечатанія. Прощайте, дорогой мой Николай Ивановичъ, будьте здоровы, помните насъ и (усердная просьба) пишите. Адресъ по прежнему: въ Ставрополь; начальникъ Штаба генералъ-маіоръ Петровъ [2]), лучшій по мнѣ изъ всѣхъ здѣшнихъ, доставитъ, по возможности скоро всюду, гдѣ я ни буду. Я постараюсь не упускать случая писать изъ похода, въ который еще не попалъ и надѣюсь попасть, само собою разумѣется: коли живъ останусь.

Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

Дура

Идиллія.

Въ новомъ селѣ, что на Унжѣ, у старосты Пимена въ домѣ
Дѣвка племянница, всѣ зовутъ ее дурой Ненилой.
Въ дѣтствѣ она въ сѣнокосъ брала въ лѣску за остожьемъ
Ягоды: много ихъ алыхъ растетъ у пней обгорѣлыхъ;
Рядомъ былъ посѣянъ овесъ въ огнищѣ. Медвѣди
Лакомы лѣтомъ къ овсу, пока въ немъ молочныя зерна;
Ходятъ на сѣвъ, хоть часто ихъ ловятъ и бьютъ на приманку.
Взялъ повадку одинъ, залегъ въ бороздѣ, и не видно.
Рѣзвясь безпечно дитя бѣжало прямо на звѣря:
Пять бы саженъ еще, и попалась въ острые когти.

---

[1]) Баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ р. въ 1800 г., ум. въ 1876 г., занималъ должность управляющаго дѣлами комитета министровъ съ 1831 по 1839 г., когда былъ смѣненъ Н. И. Бахтинымъ, затѣмъ государственный секретарь. У него были два брата: Николай Андреевичъ, полковникъ, и Ѳедоръ Андреевичъ, ум. въ 1839 г.

[2]) Павелъ Петровичъ Петровъ, изъ Костромскихъ дворянъ, р. въ 1792 г., ум. въ 1871 г., назначенъ начальникомъ штаба войскъ Кавказской линіи и Черноморіи въ 1834 г., затѣмъ подольскій губернаторъ, въ 1840 г. вышелъ въ отставку и поселился въ Костромской губ.

Къ щастью шорохнулся онъ и привсталъ; на крикъ ея страшный
Въ мигъ сбѣжались косцы, и струсилъ ворогъ косматый:
Въ рѣчку, въ плавь, и въ дебрь. Лежала безъ памяти дѣвка;
Подняли, смотрятъ: жива и здорова, но умъ помутился:
Дура съ тѣхъ поръ; услышитъ имя: медвѣдь, и припадки.
Можетъ, прошло бы, но глупый народъ не лѣчитъ, а дразнитъ.
Жаль! прекрасная дѣвка была бы: высокая ростомъ,
Статная, благообразная, взглядъ лишь нѣсколько смутенъ,
Складно все, что скажетъ голосомъ стройнымъ и тихимъ,
Только, буде не спросятъ, рѣдко слово промолвитъ.
Въ поле боится ходить, но дома всегда за работой:
Пряжу прядетъ, дѣтей качаетъ и водитъ у брата,
Дѣти любятъ ее и тетей зовутъ, а не дурой;
Дѣти одни. Другимъ отвѣта на грубое слово
Нѣтъ никогда; привыкла: молчитъ и терпитъ. Отрада
Божія церковь у ней и теплая сердца молитва.
Въ лучшіе годы ни краски въ лицѣ, ни улыбки; худѣетъ,
Чахнетъ, гаснетъ: словно въ дому опустѣломъ лампада,
Теплясь послѣдней каплей масла въ теми предъ иконой.
Долго ей не томиться: милуетъ скорбныхъ Спаситель.

105.

Ольгинское укрѣпленіе. Окт. 14-го 1835 г.

Я уже писалъ къ Вамъ отселѣ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Николай Ивановичъ, и просилъ барона Корфа отправить письмо, что онъ, вѣроятно, и сдѣлалъ. Теперь пишу вторично, передъ уходомъ въ Черкесскую землю. Три баталіона пришли сюда съ ранеными и завтра возвращаются; я съ ними отправляюсь, проживъ здѣсь, какъ въ карантинѣ, отъ 18-го сентября, то есть безъ мала мѣсяцъ, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ безъ дѣла, какъ докажетъ Вамъ прилагаемое стихотвореніе [1]). Сегодня только успѣлъ я его переписать до конца набѣло; судьба назначила ему быть готовымъ, по моему желанію, и поспѣть къ отправкѣ. Не подумайте, однако, чтобъ я безъ пути торопился, сочиняя его, хоть всѣ стихи до одного написаны въ Ольгинскомъ; je n'avais que les vers à faire, остальное давно было готово и припасено въ головѣ. Не мнѣ судить: хорошо ли, по крайней мѣрѣ, что называется: капитальная вѣщь, какъ по объему, такъ и по новости основы и краски. Повто-

---

[1]) „Инвалидъ Горевъ“. (Библіотека для чтенія 1836 г., т. XVII, стр. 3—16).

рять прозою, что уже сказано стихами въ посвященіи: лишнее, развѣ прибавить, что тамъ, вопреки вольности поэтической, все сущая правда. Вы, безъ сомнѣнія, сами захотите отдать въ печать; а какъ? Ваша воля. Смирдинъ (то есть Библіотека), безъ сомнѣнія, лучше тѣмъ, что онъ денегъ дастъ, а мнѣ онѣ крайне по зубамъ въ нынѣшнемъ положеніи. Впрочемъ, это все не главное; сила въ томъ, чтобы Вы были довольны мною, какъ стихотворцемъ и какъ пріятелемъ; тогда я на прочее плюну. Просить Васъ объ отвѣтѣ лишнее; хоть черезъ Ставрополь, хоть черезъ Екатеринодаръ (на имя ген.-маіора Шипова) [1]), все равно. Прощайте, и не забывайте. Экспедиція продлиться не можетъ, время осеннее; стало, коли живъ и здоровъ останусь, напишу вскорѣ; но пишите и Вы, а то на краю (коли не за краемъ) свѣта, грустно быть забытымъ.

Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

106.

23-го ноября 1835 г. Екатеринодаръ.

Походъ, въ который я собирался, когда писалъ къ Вамъ изъ Ольгинска, теперь конченъ; подвиги наши, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, такъ велики, что моего краснорѣчія не достанетъ, развѣ поможетъ Фебъ или Фивъ со времянемъ воспѣть ихъ въ новой Иліадѣ. Мы ходили по дождю, стояли въ грязи, стрѣляли изъ ружей и пушекъ очень много, сожгли до пяти или шести сотъ хижинъ, награбили сѣна и соломы на столько, что лошади наши остались въ живыхъ; взятыя въ плѣнъ кошки и куры сверхъ счета, какъ роскошь побѣдъ. Теперь отдыхаю я на лаврахъ въ Екатеринодарѣ, ибо не съ чѣмъ доѣхать до Ставрополя, благодаря тому, что полковой командиръ князь Дадьяновъ [2]) женился на дочери корпус-

---

[1]) Иванъ Павловичъ Шиповъ, р. въ 1793 г., ум. въ 1845 г., служилъ въ Преображенскомъ полку до чина полковника включительно. Въ 1825 г. былъ назначенъ командиромъ Л.-гв. Гренадерскаго полка, но, привлеченный къ слѣдствію, какъ членъ союза Благоденствія, изъ котораго онъ вышелъ, однако, уже въ 1821 г. и оставленный, вслѣдствіе этого, „безъ вниманія“, былъ переведенъ командиромъ Л.-гв. Своднаго полка, съ которымъ былъ отправленъ на Кавказъ. Въ 1829 г., въ чинѣ генералъ-маіора, былъ снова назначенъ командиромъ Л.-гв. Гренадерскаго полка, которымъ командовалъ до 1833 г. Подробн. см. Архивъ Раевскихъ, т. I, стр. 309.

[2]) Князь Александръ Леоновичъ Дадьянъ, р. 1800 г., ум. 1865 г., служилъ въ Преображенскомъ полку съ 1821 г. 6-го декабря 1829 г. назначенъ командиромъ Эриванскаго Карабинернаго полка. 11-го октября 1837 г. за различныя злоупотребленія, учиненныя во время командованія полкомъ, лишенъ

наго командира барона Розена и, упоенный (какъ Лобановъ въ одѣ) возторгомъ сладкимъ, не высылаетъ мнѣ жалованья. Помогите мнѣ въ бѣдѣ моей, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, и не откажите прислать по скорѣе хоть пять сотъ рублей, сюда въ Екатеринодаръ на имя генералъ-маіора Ивана Павловича Шипова: *для доставленія П. А. Катенину*. Вы знаете пословицу: дорога милостыня во время скудости. Съ тѣмъ вмѣстѣ напишите о *Новой были*; я нетерпѣливо жду отзыва Вашего объ ней, также и о прочихъ моихъ стихотвореніяхъ сего 1835 года, коли Вы ихъ въ рукописи какъ-нибудь прочитали. Во время похода случай познакомилъ меня съ Бестужевымъ, который гораздо порядочнѣе своихъ сочиненій, не глупъ, не нахалъ, словомъ человѣкъ, какъ и другой, между тѣмъ какъ пишетъ безусловно нелѣпицу: я это объясняю себѣ довольно просто и почти увѣренъ, что Вы разсудите также. Здоровье мое безъ измѣны хорошо, осенняя непогодь не разстроила его ни на одинъ день, но при всемъ томъ платье оказываетъ, что я худѣю, вѣроятно отъ того, что душѣ не весело. Обрадуйте хоть увѣреніемъ постоянной дружбы Вашей; въ моей нечего Васъ увѣрять.

Павелъ Катенинъ.

107.

26-го января 1836 г. Ставрополь.

Хотя давно жду отвѣтовъ на два письма, посланныя къ Вамъ изъ Ольгинскаго укрѣпленія: первое, черезъ барона Корфа, второе, черезъ генерала Шипова, и въ доставленіи, по крайней мѣрѣ, послѣдняго увѣренъ отзывомъ Каратыгина о *Новой были*, однако не смѣю сѣтовать на Васъ, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, ибо узналъ, по пріѣздѣ въ Ставрополь, что три письма на имя мое, по недоумѣнію, были отправлены въ Грузію и оттолѣ еще не возвращены; легко можетъ статься, что и Ваше въ томъ числѣ. Полагаю сверхъ того, что мнѣ слѣдуетъ благодарить Васъ за поспѣшную присылку прошенныхъ мною пяти сотъ рублей. Я получилъ ихъ передъ новымъ годомъ въ Екатеринодарѣ. Записки при деньгахъ

званія флигель-адъютанта (полученнаго имъ 16-го іюля 1829 г.) и преданъ военному суду, по приговору котораго (въ 1840 г.) лишенъ орденовъ, чиновъ, дворянскаго достоинства и сосланъ въ городъ Вятку. По манифесту отъ 25 августа 1856 г. ему даровано помилованіе и возвращены утраченныя по суду права. Кн. Дадьянъ былъ женатъ на дочери барона Розена (Лидіи Григорьевнѣ, 1817—1866 г.). Этими указаніями я обязанъ Б. Л. Модзалевскому, къ любезному содѣйствію котораго мнѣ не разъ приходилось прибѣгать, при составленіи примѣчаній.

не было, и печати мнѣ незнакомыя, но, кромѣ Васъ, я не ждалъ ни отъ кого и потому смѣло считаю это дѣломъ Вашимъ: большое спасибо. Суровая зима нынѣшняго года сильно на меня подѣйствовала съ помощью холодныхъ квартиръ и путешествія въ перекладныхъ саняхъ; я сижу и лежу дома двѣ недѣли, ломъ въ костяхъ отъ простуды; около крещенья приходилось такъ плохо, что я было собрался ad patres, но вижу, что мнѣ на роду написано сто лѣтъ мытарствовать въ сей юдоли, которая право не стоитъ ни малой привязанности. Нѣсколько хорошихъ людей, подобныхъ Вамъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, разсѣяны кое-гдѣ, и съ тѣми мнѣ не дано жить вмѣстѣ, а прочее такая дрянь, прости Господи! что подлинно день пятницы, въ онь же создалъ Богъ человѣка, долженъ почитаться (какъ изкони у всѣхъ и ведется) за черный день. Читали ли Вы сочиненія Paul Louis Courier [1])? если нѣтъ, купите ихъ и прочтите. Оставя нѣсколько неосновательныхъ, либо на своемъ ego основанныхъ пристрастій, какъ-то: противъ дворянства вообще и за Орлеанскаго герцога, что нынѣ король, вообще преумный писатель; онъ много тѣшилъ меня, и я увѣренъ, что и Вамъ полюбится: въ наше премудрое столѣтіе, quoiqu'on dit здравый смыслъ въ числѣ рѣдкостей, и хорошій слогъ также: у него и то и другое. Вельяминовъ теперь въ Петербургѣ: узнайте и увѣдомьте, какъ его примутъ etc. etc. Будьте здоровы и успѣвайте во всемъ, Николай Ивановичъ, mais ne m'oubliez pas [2]), какъ поютъ въ пѣснѣ.

Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

108.

28-го іюля 1836 г. Ставрополь.

Не пишу длиннаго письма, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, потому что нездоровъ и, сверхъ того, опасаюсь Вамъ наскучить; Вы такъ рѣшительно меня закинули съ той самой поры, какъ я послалъ къ Вамъ Новую быль, что я уже не знаю, что и подумать. Если посвященіе отъ души и стихи Вамъ не понравились, то, хотя я не того ждалъ, однако, все легче чего другого; впрочемъ, стоитъ ли, послѣ многолѣтней дружбы, разлюбить за стихи не по вкусу? сдѣлайте милость, выведите изъ недоумія, право тяжкаго. До такой степени не хочется бѣдѣ своей вѣрить, что я не вѣрю и, въ дока-

---

[1]) Paul-Louis Courier, р. 1772 г., ум. 1825 г.

[2]) „Но не забывайте меня“.

зательство, приношу нѣкоторыя просьбы: прикажите справиться обо мнѣ, гдѣ слѣдуетъ; я долженъ быть представленъ, во-первыхъ, къ пряжкѣ за 15 лѣтъ, во-вторыхъ, къ назначенію комендантомъ въ Кизляръ; получены ли въ Петербургѣ представленія и вскорѣ ли выйдетъ. Другая просьба о присылкѣ мнѣ желѣзнаго Кульмскаго креста въ томъ видѣ, какъ его нынѣче носятъ, у кого онъ есть, сирѣчь въ крупномъ; у меня, по старинѣ, игрушечный, а ихъ давно отставили. Возвращаясь къ важнѣйшему по чувству, буду ждать съ нетерпѣніемъ разрѣшенія моихъ горестныхъ сомнѣній, но надѣюсь, что тревожусь по напрасну, ибо Вы слишкомъ разумны и справедливы, чтобъ перемѣниться безъ причины къ человѣку, который постоянно и горячо Васъ любилъ и уважалъ, и который самъ столько же неизмѣненъ, какъ и злая его судьба. Прощайте, и будьте здоровы.

Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

109.

1-го октября 1840 г. Чухлома.

Братъ Александръ Андреевичъ, проѣздомъ гостя у меня въ Кизлярѣ, увѣрялъ, что Вы, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, не перемѣнили своего расположенія ко мнѣ; не подавъ, кажется, ни малѣйшей къ тому причины, я и желаю и обязанъ вѣрить его слову; но Вы такъ давно не писали ко мнѣ, даже не отвѣчали на мои письма, что мнѣ иногда становится страшно, и страхъ мой пройдетъ только, когда Вы сами меня успокоите. Уволенный отъ службы безъ моей воли, хотя совершенно безъ вины и даже безъ предлога [1]), возвратясь въ деревню, гдѣ многое въ безпорядкѣ, и мнѣ вообще не житье, я болѣе чѣмъ когда-либо имѣю нужду найти друзей моихъ по прежнему; грѣхъ пожаловаться на кого-нибудь изъ всѣхъ видѣнныхъ мною въ Москвѣ и вездѣ по пути, и несказанная бы мнѣ скорбь была, если бъ тотъ, котораго я въ правѣ считать первымъ, не сохранилъ одинъ той пріязни, постоянно добываемой мною во столько годовъ, по всѣмъ вѣроятіямъ казавшейся мнѣ до конца неизмѣнною. Не приложу ума, что виною, когда я тому безъ мала пять лѣтъ, посвятилъ Вамъ *Новую быль*, и такое свидѣтельство моей приверженности и уваженія должно бы Вамъ показаться нѣсколько пріят-

---

[1]) Высочайшимъ приказомъ отъ 20 нояб. 1838 г. Катенинъ уволенъ отъ службы генералъ-маіоромъ.

нымъ и достойнымъ, по крайнѣ мѣрѣ, одного привѣтнаго слова, что виною (повторяю) Вашего съ той поры молчанія и какъ бы охлажденія; стихотворное достоинство тутъ не главное дѣло, ненапечатаніе посвященія въ Библіотикѣ для чтенія не отъ меня, и даже доказываетъ, что издатели, не жалуя ни меня, ни Васъ, опасались для себя огласить мои къ Вамъ чуства. Какой же враждебный демонъ похитилъ у меня сокровище: Вашу дружбу? Мыслить не хочу, боюсь обидѣть Васъ мыслью такою, чтобы сторонніе слухи, сплетни, клеветы, могли поколебать человѣка съ такимъ умомъ и характеромъ. Какъ бы то ни было, душа моя смущена, и одинъ отвѣтъ Вашъ можетъ возвратить ей утраченную тишину и увѣренность. Мнѣ очень нуженъ по разнымъ обстоятельствамъ Вашъ совѣтъ; можетъ быть, и Ваша помощь; и я не рѣшаюсь покуда просить ни того ни другого, а буду ждать пока Вы объявите мнѣ, что не отказываетесь подать мнѣ то или другое. На этомъ я долженъ по неволѣ теперь остановиться; но не въ силахъ выразить, какъ грустно мнѣ будетъ, если отвѣтъ Вашъ, либо (что еще хуже) молчаніе, заставятъ меня остановиться такъ навсегда, лишась еще одной надѣжды въ добавокъ къ утраченнымъ преждѣ, такъ часто и такъ горько, и такъ (смѣю сказать) по напрасну. Знаю, что Вы имѣете занятія по службѣ, многія и важныя; но развѣ старинная связь не имѣетъ также правъ? развѣ не сыщется свободнаго часа для бесѣды, положимъ краткой, съ человѣкомъ, нуждающемъ въ ней, какъ въ отрадѣ сердечной? Я все сказалъ и стану молчать, пока Вы слово скажете. Дай Богъ, чтобы оно меня утѣшило, и Вы остались для меня тѣмъ же, чѣмъ были, и чѣмъ я остаюсь неизмѣнно, тоесть душевно почитающимъ и преданнымъ.

Павелъ Катенинъ.

P. S. Извините, что я ни въ началѣ, ни въ концѣ не употребилъ условныхъ формъ между посторонними; въ письмѣ къ Вамъ, и отъ сердца, я ихъ не позволилъ себѣ употребить.

110.

16-го октября 1840 г. Чухлома.

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ къ Вамъ, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, я такъ увлекся главною мыслію, что не упомянулъ объ одномъ обстоятельствѣ, которое потомъ показалось мнѣ стоющимъ объясненія: Лѣтъ пять безъ мала тому назадъ Вы ссудили меня пятью стами рублей, и я понынѣ не заплатилъ; причина одна: нечѣмъ было. Конечно, иной на моемъ мѣстѣ въ Кизлярѣ нашелъ бы средства раздѣлаться даже не съ такимъ долгомъ, но я родился

и умру честнымъ человѣкомъ, и мнѣ показалось лучшимъ несравненно изъ двухъ золъ: оставаться въ долгу у пріятеля, по щастью не нуждающемуся (какъ я думаю) въ такомъ незначительномъ количествѣ денегъ. Впрочемъ, онѣ будутъ заплачены, коль скоро я перезаложу имѣніе въ Опекунскомъ совѣтѣ, о чемъ я въ отдаленности хлопотать не могъ, а тотчасъ по пріѣздѣ началъ и никакихъ препятствій не предвижу.

Еще другое слово (простите его моему самолюбію); посвященная Вамъ Новая былъ есть, по моему мнѣнію, самое зрѣлое, дѣльное, съ природы схваченное изо всѣхъ моихъ стихотвореній, и посвященіе вполнѣ соотвѣтствуетъ самой вѣщи; многіе люди со вкусомъ, кому я читалъ, также судятъ, и сказанное въ томъ письмѣ: что не о поэтическомъ достоинствѣ рѣчь, отнюдь не значитъ, чтобъ я его не предполагалъ; болѣе скажу: я бы никогда не отважился Вамъ посвятить чего-нибудь, кромѣ того, что въ моихъ глазахъ есть nec plus ultra моихъ поэтическихъ способностей.

Очень желаю не наскучить Вамъ, однако боюсь; жду отвѣта и дотолѣ съ неизмѣннымъ почтеніемъ и привязанностью за честь ставлю быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

Павелъ Катенинъ.

111.

14/26 февраля 1842 г. Кологривъ.

Съ полнымъ радушіемъ, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, принимаю и кладу къ сердцу Вашу руку, простираемую ко мнѣ изъ за моря на возобновленіе нашихъ сношеній и пріязни. Горько, больно, обидно было Ваше, какъ сами Вы называете, упорное молчаніе; оно казалось чѣмъ-то хуже охлажденія, имѣло видъ отвращенія, или (прости Господи) пренебреженія. Между тѣмъ совѣсть, свидѣтель неподкупный, увѣряла меня, что, послѣ нашей разлуки, я ничѣмъ не заслужилъ ничего подобнаго, а напротивъ во многихъ трудныхъ опытахъ явилъ новыя доказательства свойствъ и правилъ, достойныхъ любви и уваженія людей хорошихъ и способныхъ все хорошее цѣнить. Повѣрьте, что и я, въ свою очередь, цѣню вполнѣ благородство Вашего признанія въ прошедшей винѣ противъ святой дружбы; кто чувствуетъ такъ, безъ сомнѣнія, въ другой разъ ее не оскорбитъ, и душевныя раны мои отъ нее изцѣлѣютъ, и горести усладятся. Перестанемъ же изъ минувшаго поминать злое, когда въ немъ и добраго много бывало, а постараемся утѣшить себя въ настоящемъ и будущемъ, сколько судьба его каждому опредѣлила. И такъ, Италія, Флоренція, Данте мнѣ помогли. Спасибо имъ; я

любилъ ихъ всегда, теперь стану любить еще больше; радъ бы съѣздить къ нимъ на поклонъ, но грѣхи въ рай не пускаютъ, тоесть денегъ нѣтъ. Пока я служилъ на Кавказѣ, братъ мой Петръ Александровичъ, имѣвшій отъ меня довѣренность, продалъ одну изъ моихъ деревень въ 50 душъ, а выручку промоталъ; возвратясь восвояси, нашелъ я свое имѣніе совершенно разстроенное и кругомъ въ долгу; мнѣ удалось въ одинъ годъ уплатить 12.500 р.; оно казалось бы и хорошо, но въ нынѣшніе неурожайные годы малѣйшая разточительность или неудача можетъ вновь все разстроить, и необходимо беречься и беречь. Кончина брата, застрѣленнаго въ деревнѣ баронессы Кампенгаузенъ бѣглыми ея крестьянами, вѣроятно, недовольными управленіемъ, прибавила мнѣ 120 душъ, такъ что всего у меня нынѣче 340; но тамъ еще болѣе всякихъ недостатковъ и долговъ etc. Скрѣпя сердце, приходится жить въ своихъ деревняхъ, переѣзжать со вредомъ здоровья изъ одной въ другую, и съ году на годъ отлагать поѣздку даже въ Петербургъ, гдѣ бы мнѣ хотѣлось, однако, напечатать третью часть моихъ стихотвореній, конечно послѣднюю, ибо съ лѣтами изчезаетъ и поэтическое вдохновеніе. О посѣщеніи чужихъ краевъ и, въ особенности, моей любезной Италіи, думать не смѣю. Скажите-ка мнѣ: какъ Вы тамъ находитесь, когда я Васъ воображалъ зарытымъ въ бумагахъ Комитета? Чѣмъ Вы больны и чѣмъ лѣчитесь? Долго ли пробудете? Скоро ли воротитесь? Я готовъ закидать вопросами, но Вы и безъ нихъ догадаетесь, что мнѣ знать любопытно, и надѣюсь, сообщите. Можете ли для меня купить и привезти хорошее изданіе Divina Comedia, съ изъясненіями, и еще Orlando innamorato rifatto dal Berni [1])? всего бы лучше, кабы найти его вмѣстѣ съ Orlando furioso. Паче всего, жду писемъ, чаще, длиннѣе, подробнѣе: оно послужитъ яснѣйшимъ доказательствомъ, что Фениксъ возродился изъ пепла.

Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

Сообщилъ А. Чебышевъ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

[1]) Francesco Berni р. въ 1490 г., ум. въ 1536 г., извѣстенъ своею передѣлкою „Orlando innamorato“ Boyardo.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 26 января по 6 апрѣля 1911 г.

Князьковъ, С. Какъ сложилось и какъ пало крѣпостное право въ Россіи. Историческій очеркъ. Подъ ред. А. А. Кизеветтера. М. 1911. Изд. І. Кнебеля, 4-е. Тип. А. Левенсона (Трехпрудный пер., с. д. 8°. (13×20). 102 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 11 л. 13.500 экз.

Краткая исторія 2-го пѣхотнаго Софійскаго Императора Александра III полка за сто лѣтъ его существованія. 17 января 1811 г.—17 января 1911 г. Смоленскъ. 1911. Тип. губернская. 8°. (15×20). 24 стр.+2 портр. Вѣсъ 3 л. 2.300 экз.

Кречетовичъ, І. П., прот. Объявленіе воли въ гор. Саратовѣ и Саратовской губерніи (по даннымъ архива Саратовской Духовной Консисторіи). Саратовъ. 1911. Тип. союза печ. дѣла (Армянская). 8° (13×21). 24 стр. Съ портр. Ц. 5 к. Вѣсъ 2 л. 6.000 экз.

Ксеньинъ, В. В. Паденіе крѣпостного права, юбилейное изданіе ко дню 50-лѣтія освобожденія крестьянъ. М. 1911. Тип. Т. Ф. Дортманъ (Срѣтенскія ворота, 1). 16° (12×18). 30 стр. Съ рис. Ц. 5 к. Вѣсъ 2 л. 15.000 экз.

Лейсманъ, Н. А., прот. Судьба православія въ Лифляндіи, съ 40-хъ до 80-хъ годовъ XIX столѣтія. Рига. 1910. Изд. Риж. Петро-Павловск. Прав. Брат. Тип. Г. Гемпль и К° (Крѣпостная, 7). 8° (14×22). 12 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 10 л. 1.000 экз.

Малининъ, В. Н., проф. Десять словъ Златоструя XII вѣка. Спб. 1911. Изд. Отд. рус. яз. и слов. Акад. Наукъ. Тип. Академіи Наукъ. 8° (20×25). 124 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 19 л. 623 экз.

Матеріалы по крѣпостному праву. Саратовская губернія. Въ память 50-лѣтія со дня освобожденія крестьянъ. Саратовъ. 1911. Изд. (Сарат. Губ. Ученой Архив. Коммис. Тип. Союза Печ. Дѣла (Армянская). 8° (17×25). IX+23+196+29+46+16 стр.+1 портр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 1 ф. 2 л. 750 экз.

Мельниковъ, А. П. Къ трехсотлѣтію Смутнаго времени. Нижній-Новгородъ и Нижегородскій Край. І. Историческій очеркъ Нижняго-Новгорода. II. Этнографическій очеркъ Нижегородскаго края. М. 1911. Тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая. с. д.). 8° (16×24). 177+1 стр. Съ рис.+2 карты. Ц. 80 к. Вѣсъ 20 л. 3.000 экз.

Мироновъ, А. М., проф. Исторія христіанскаго искусства. Казань. 1911. Тип. Казанскаго университета. 4° (28×36). 215 стр. Вѣсъ 1 ф. 6 л. 100 экз.

Москва въ ея прошломъ и настоящемъ. Часть четвертая. М. 1911. Изд.

книгоизд. тов. Образованіе (Тверская-Ямская, 46—7). Тип. Русскаго тов. (Мыльниковъ пер., св. д.). 4⁰ (25×33). 116 стр.+20 лист. рис. Вѣсъ 2 ф. 17 л. 5.000 экз.

Обозрѣніе преподаванія Историко-Филологическаго ѳакультета Кіевскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ на весеннее полугодіе 1911 года. Кіевъ. 1911. Тип. Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговск., 6). 16⁰ (11×17). 19 стр. Вѣсъ 1 л. 1.000 экз.

Опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Сенатскомъ архивѣ. Отд. II, т. II. Апрѣль 1801—1803 г. Спб. 1911. Тип. Сенатская. 8⁰ (18×17). 11+142 стр. Вѣсъ 22 л. 300 экз.

Орловская, М. В. О женскомъ движеніи въ Россіи. Спб. 1911. Тип. „Мирный Трудъ“ (Верейская, 6). 8⁰ (14×21). 13 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 2 л. 500 экз.

Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Т. XIV. Первая половина: 1) Повѣсть о честномъ житіи Царя и Великаго Князя Ѳеодора Ивановича Всея Руси. 2) Новый лѣтописецъ. Спб. 1910. Изд. Археографич. Комиссія. Тип. Александрова (Недеждинская, 43). 4⁰ (26×38). 1+154 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 6 л. 500 экз.

Понафидинъ, С. Историческая памятка 29-й Артиллерійской бригады. Рига. 1910. Тип. Шнакенбургъ (Конюшенная, 5) 8⁰ (15×23). 201 стр. Съ рис. и портр. +1 карта. Вѣсъ 21 л. 200 экз.

Семеновъ, Вл. Расплата. Трилогія. III. Цѣна крови. Спб. 1911. Изд. 2-е посмертное и тип. т-ва М. О. Вольфъ. (Вас. Островъ, 16 л. св. д.). 8⁰ (16+23). 182 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 21 л. 1.000 экз.

Срезневскій, В. И. и Покровскій, Ѳ. И. Описаніе рукописнаго отдѣленія библіотеки Имп. Академіи Наукъ. I. Рукописи т. I. 1) книги св. писанія. II) книги богослужебныя. Спб. 1910. Изд. и тип. Академіи Наукъ. 8⁰ (17×25). XVI+525 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 2 ф. 450 экз.

Терновскій, Ф. Императоръ Петръ I-й въ его отношеніяхъ къ царевичу Алексѣю. (По поводу выхода въ свѣтъ VI тома исторіи царствованія Петра Великаго Устрялова). Кіевъ. 1911. Тип. Т. Г. Мейнандера (Пушкинская, 20). 8⁰ (18×27). 41 стр. Вѣсъ 6 л. 40 экз.

1861—19 февраля—1911. М. 1911. Тип. т-ва И. Д. Сытина. f⁰ (29×46). 1 стр. съ рис. Вѣсъ 4 л. 5.000 экз.

1861—19-го февраля—1911. (Стихи). М. 1911. Тип. т-ва И. Д. Сытина. f⁰ (29×46). 1 стр. съ рис. Вѣсъ 1 л. 5.000 экз.

1861—19 февраля—1911. Великая реформа. Сборникъ статей: А. И. Яковлева, В. И. Семевскаго, В. Я. Уланова, В. Е. Чешихина-Вѣтринскаго. М. 1911. Изд. т-ва Образованіе. Тип. Рус. т-ва (Мельниковъ п., с. д.). 8⁰ (18×26). 191×1 стр. съ портр. и рис. Вѣсъ 1 ф. 15 л. 5.000 экз.

Шумахеръ, Ал. Великая Крестьянская Реформа при Царѣ-Освободителѣ. Спб. 1911. Тип. Ю. Мансфельдъ (ул. Гоголя, 9). 8⁰ (16×24). 34 стр. Съ портр. Складъ: Колокольная ул., № 14, у Березовскаго Ц. 20 к. Вѣсъ 5 л. 1.000 экз.

Щербаковъ, Н. 1-й кадетскій корпусъ. (179 годовщина, 17 февр. 1911 года). (Стихотвореніе). Спб. 1911. Тип. Отд. кор. погр. стражи (В. О., у Биржи). 4⁰ (22×35). 1 стр. Вѣсъ 1 л. 1.020 экз.

А. К. Русскія святыя женщины и подвижницы. Спб. 1911. Изд. журн. „Отдыхъ Христіанина“. Тип. Алекс.-Невск. общ. трезв. (Обводный кан., 116). 8⁰ (15×21). 164 стр. Вѣсъ 11 л. 500 экз.

Аѳанасьевъ, А. Н. Русскія дѣтскія сказки. Съ рис. Н. Н. Каразина.

М. 1911. Изд. А. К. Залѣсской (Воздвиженка, д. Армандъ), 14-е. Тип. Г. Лиснера и Д. Собко (Крестовоздвиж. п., д. 9). 8⁰ (15×23). 304 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 75 к. Вѣсъ 31 л. 4.000 экз.

Бобринскій, А. А., гр. Народныя русскія деревянныя издѣлія. Предметы домашняго, хозяйственнаго и отчасти церковнаго обихода. Вып. IV. 15 фототип. таб. (съ 42 по 56 включит.). Раб. фот. П. П. Павлова. М. 1910. Изд. гр. А. А. Бобринскаго. Тип. А. А. Левенсонъ. f⁰ (32×42). 5 стр.+15 табл. рис. Вѣсъ 1 ф. 9 л. 500 экз.

Бронзовъ, А. А., проф. Протопресвитеръ Іоаннъ Леонтьевичъ Янышевъ. Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Трезвые Всходы“. Спб. 1911. Тип. М. П. Фроловой (Галерная, 6). 8⁰ (15×22) 108 стр. Вѣсъ 8 л. 100 экз.

Булановы, бр. Ив. и Ник. 50-лѣтіе освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Составлено по историческимъ даннымъ. Спб. 1911. Изд. А. А. Григорьева. Тип. Экономическая (В. О., 14 л. 5). 8⁰ (16×23) 16 стр. Съ рис. Вѣсъ 2 л. 2.000 экз.

Варакинъ, Д. С. Обзоръ вѣроученія странниковъ бѣгуновъ. М. 1911. Тип. П. П. Рябушинскаго (Страстной бульв., Путников. пер., соб. д.). 8⁰ (15×22). 53 стр. Вѣсъ 5 л. 3.000 экз.

Веретенниковъ, В. И. Изъ исторіи тайной канцеляріи. 1731—1762 г. Очерки. Харьковъ. 1911. Тип. М. Зильбербергъ и С-вей (Донецъ-Захаржевская, 6). 8⁰ (17×25). 120 стр. Вѣсъ 16 л. 200 экз.

Гейсманъ, П. А. Столѣтіе Военнаго Министерства. Историческій очеркъ возникновенія и развитія въ Россіи генеральнаго штаба въ 1825—1902 г.г. Вып. II. Спб 1911. Изд. Воен. Министерства. Тип. М. О. Вольфъ (В. О., 16 линія, 5—7). 4⁰ (23+28). 414 стр. и 12 картъ. Томъ IV. Часть 2. Вѣсъ 2 ф. 30 л. 2.200 экз.

Глубоковскій, Николай. Блаженный Августинъ въ изображеніи русскаго свѣтскаго историка. (От. изъ журн. „Труды Кіев. Дух. Акад.“ 1911 г.) Кіевъ. 1911. Тип. Акц. О-ва П. Барскій (Крещатикъ, 40). 8⁰ (17×24). 38 стр. Вѣсъ 3 л. 165 экз.

Голицынъ, В., кн. Записка о Румянцовскомъ Музеѣ. М. 1911. Тип. А. Снегиревой. 8⁰ (16×23). 14 стр. Вѣсъ 2 л. 300 экз.

Грачевъ, В. К. Крѣпостное Право и освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. (Смоленскіе дворяне въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ). Историческая справка. (1861—1911 г. 19-го февраля). Смоленскъ. 1911. Тип. П. А. Силина. 8⁰ (14×22). 44 стр. Вѣсъ 3 л. 500 экз.

Гусевъ, С. Я. Свѣжія раны. Воспоминанія корпуснаго контролера о русско-японской войнѣ. Спб. 1911. Тип. А. Суворина (Эртел. пер., 13). 8⁰ (17×23). 230 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 25 л. 2.000 экз.

Давидовичъ, Б. Святый Алексій, Митрополитъ всея Руси. Очеркъ его жизни и дѣятельности церковной и государственной. Спб. 1910. Изд. Училищ. Сов. при Свят. Синодѣ. Тип. Синодальная. 8⁰ (14×21). 57 стр. Съ рис. Вѣсъ 5 л. 5.000 экз.

Евгеній, еп. О церковномъ прославленіи и почитаніи св. праведной Іуліаніи Лазаревской (Историческій очеркъ). Муромъ. 1910. Тип. Н. В. Зворыкина. 8⁰ (18×26). 34+II стр. Вѣсъ 6 л. 600 экз.

Житіе Св. Праведной Іуліаніи Лазаревской (въ двухъ редакціяхъ) и служба ея. Приложеніе къ историческому очерку „О церковномъ прославленіи и почитаніи св. праведной Іуліаніи Лазаревской“. Спб. 1910. Изд. еп. Евгенія. Тип. Синодальная. 8⁰ (20×26). 48 стр. Вѣсъ 9 л. 600 экз.

Заболотскій, П. Музей имени Гоголя при Историко-филологическомъ Институтѣ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ. Нѣжинъ. 1910. Тип. Насл. В. К. Меленевскаго (д. Безсмертнаго). 8° (18×27). 9 стр. Вѣсъ 2 л. 300 экз.

Исторія русскаго права періода Имперіи. Хронологическая таблица, составленная студентомъ Императорскаго Спб. Унив-тета Е. А. Б. примѣнительно къ курсу орд. проф. В. Н. Латкина. Спб. 1911. Тип. 1-й Спб. Трудовой Артели (Лиговская, 34). f° (76×110). 1 листъ. Вѣсъ 7 л. 2.000 экз.

Кабановъ, А. К. Смута Московскаго государства и Нижній-Новгородъ. Очеркъ. Н.-Новгородъ. 1911. Тип. Отд. Волгаря (Н. Базаръ, д. Шунаевой). 8° (15×21). 32 стр. Вѣсъ 3 л. 1.020 экз.

Кавказъ. Описаніе края и краткій историческій очеркъ его присоединенія къ Россіи. Спб. 1911. Изд. Коммиссіи Народныхъ чтеній, 3-е. Тип. И. В. Леонтьева. 8° (13×19). 54 стр. и 1 карта. Ц. 15 к. Вѣсъ 3 л. 6.000 экз.

Кедровичъ, Стефанъ. Архіепископъ Херсонскій и Одесскій Димитрій (Муретовъ). † 14-го ноября 1883 г. Краткое жизнеописаніе. Одесса. 1911. Изд. и тип. Е. И. Фесенко (Ришельевская, 49). 8° (15×28). 31 стр. Съ рис. Вѣсъ 4 л. 300 экз.

Киричинскій, Е. Забытый поэтъ-націоналистъ. (Несторъ Васильевичъ Кукольникъ, род. 8 сент. 1809 г., умеръ 8 дек. 1868 года). Харьковъ. 1910. Тип. Мирный Трудъ (Дѣвичья, 14). 8° (15×23). 10 стр. Вѣсъ 2 л. 100 экз.

Князьковъ, С. А. 19 февраля 1861 года. М. 1911. Изд. К. И. Тихомирова (Кузнецк. м., д. Захарьина). Тип. А. Левенсонъ (Мамоновск. п., с. д.). 16° (13×19). 47 стр. Съ портр. и рис. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 5.000 экз.

Колюбакинъ, Б. М. 1812-й годъ. Воспоминанія офицера французскаго кираспрскаго № 2 полка о кампаніи 1812 года. Спб. 1911. Тип. Голике и Вильборгъ (Звенигор., 11). 4° (20×28). 56 стр. Съ рис. Вѣсъ 13 л. 500 экз.

Конспекты лекцій по исторіи и древностямъ Великаго Новгорода. Вып. I. Вып. II по Христіанской археологіи. Новгородъ. 1910. Изд. Новгородскаго Общ. любителей древностей. Тип. Губернская, 8° (12×18). 100 стр. + 2 плана. Ц. 20 к. и 15 к. Вѣсъ 5 л. 2.000 экз.

Краткая исторія 132-го пѣхотнаго бендерскаго полка. Кіевъ. 1911. Тип. Р. К. Лубковскаго (Б. Владимірская, 46). 16° (13×17). 16 стр. Вѣсъ 2 л. 510 экз.

Къ 300-лѣтнему юбилею Царствованія Дома Романовыхъ. (Историческій очеркъ). Спб. 1911. Изд. Ф. И. Романовской (Изм. п., 3-я рота, 4). Тип. Экономическая (В. О., 14 л., 5). 8° (16×23). 91 стр. Съ портр. Ц. 25 к. Вѣсъ 7 л. 4.000 экз.

Лаппо, И. И. Великое Княжество Литовское во второй половинѣ XVI столѣтія. Литовско-Русскій повѣтъ и его сеймикъ. Юрьевъ. 1910. Тип. К. Маттисена. 8° (17×25). XIII+624+192 стр, Ц. 5 р. Вѣсъ 2 ф. 17 л. 800 экз.

Лейбъ Гвардіи 2-й стрѣлковый Царскосельскій полкъ. Спб. 1911. Тип. Стойковой (Знаменская, 27). 16° (12×18). 48 стр. и 2 портр. Вѣсъ 4 л. 5.000 экз.

Лященко, П. И. Послѣдній Секретный Комитетъ по Крестьянскому дѣлу, 3-го января 1857 г.—16 фев. 1858 г. (По матеріаламъ Архива Госуд. Совѣта). Спб. 1911. Тип. Ред. Період. изданій Мин. Финансовъ. 8° (15×22). 56 стр. Ц. 35 к. Вѣсъ 7 л. 500 экз.

М—съ, А. А. Краткій курсъ Исторіи Русскаго права. Составленъ примѣнительно къ университетской программѣ по учебнику профессора М. Ф.

Владимірскаго-Буданова. Кіевъ. 1911. Изд. Книгоизд. И. И. Самоненко, 3-е. Тип. Акц. О-ва П. Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (16×24). 132+30 стр. Складъ: кн. маг. Л. Идзиковскаго (Крещатикъ, 29). Ц. 1 р. 40 к. Вѣсъ 13 л. 600 экз.

Макарій (Гнѣвушевъ) Архимандритъ. Крѣпостное право на Руси и Освобожденіе Крестьянъ отъ Крѣпостной зависимости. (19 февраля 1861 г.—19 февраля 1911 года). Спб. 1911. Изд. Училищнаго при Святѣйшемъ Сѵнодѣ Совѣта. Тип. Сѵнодальная. 8° (16×24). 59 стр. Съ 10 рис. Вѣсъ 3 л. 12.000 экз.

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1904 годъ. Спб. 1911. Тип. Киршбаума (Новоисаакіевская, 20). 8° (19×28). VII+171 стр. Вѣсъ 1 ф. 6 л. 600 экз.

Перельманъ, М. А. Л. Н. Толстой. Краткій очеркъ жизни, ученія, творчества. М. 1911. Изд. т-ва Эпоха (Чернышевск. пер., 12). Тип. М. В. Балдина и К° (Арбатъ, 7). 8° (15×22) 23 стр. Съ портр. и рис. Ц. 15 к. Вѣсъ 3 л. 1.500 экз.

Перетцъ, В. Н. Новый трудъ по исторіи Украинскаго театра. Спб. 1911. Тип. Сенатская. 8° (16×25). 42 стр. Вѣсъ 7 л. 200 экз.

Погодинъ, А. Л., проф. Лекціи по славянскимъ древностямъ. Харьковъ. 1910. Тип. С. Иванченко (Костюренскій, 2). 8° (18×26). 452 стр. Вѣсъ 1 ф. 6 л. 100 экз.

Покровскій, И. П. Членъ Госуд. Думы. Государственный бюджетъ Россіи за послѣднія десять лѣтъ (1901—1910). Спб. 1911. Изд. „Жизнь и Знаніе“. Тип. Б. М. Вольфа (Невскій, 125). 4° (20×27). 118 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 25 л. 2.000 экз.

Поповъ, Петръ (П. Княжнинъ). Шесть лѣтъ въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ. 1870—1875. Спб. 1911. Тип. Голике и Вильборгъ (Звенигор., 11). 8° (18×25). 107 стр. Вѣсъ 23 л. 1.025 экз.

Саводникъ, В. Ѳ. Чувство природы въ поэзіи Пушкина, Лермонтова и Тютчева. М. 1911. Тип. С. П. Яковлева (Салтыковск. п., 9). 8° (16×23). 211 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 1 ф. 18 л. 500 экз.

Савостинъ, И. Краткій обзоръ царствованія Царя-Освободителя, Императора Александра II. Ко дню 50-лѣтняго юбилея освобожденія крестьянъ. М. 1911. Изд. газ. „Воинъ и Пахарь“ (Пречистенск. набер., 213). Тип. С. П. Яковлева (Салтыковск. п., 9). 8° (15×23). 82 стр. Съ рис. Ц. 25 к. Вѣсъ 8 л. 5.000 экз.

Савостинъ, И. Памятка русскому народу ко дню 50-ти-лѣтняго юбилея освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости 19-го февраля 1861—19-го февраля 1911 г. М. 1911 г. Изд. газ. „Воинъ и Пахарь“ (Пречистенская набережная, 213). Тип. С. П. Яковлева (Петровка, Салтыковскій пер., 9). 8° (16×23). 24 стр. Съ рис. Ц. 7 к. Вѣсъ 2 л. 1.000 экз.

Фирсовъ, А. И. Бѣлгородъ и его святыни. Бѣлгородъ. 1910. Тип. А. А. Вейнбаумъ (ул. Имп. Николая II, соб. д.). 8° (14×22). 24 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 2 л. 5.000 экз.

Царь-Освободитель, самодержецъ Всероссійскій Императоръ Александръ II Николаевичъ (1855—1881). М. 1911. Изд. А. С. Балашова (Трубная, д. Нелидова). Тип. Ломоносова (Тверская, д. Соловьева). ½ (36×46). 1 листъ съ портр. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Шевченко, Е. П. Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. 1861—19 февраля — 1911. Полтава. 1911. Тип. И. А. Дохманъ. 8° (13×21). 8 стр. Съ портр. Вѣсъ 1 л. 1.000 экз.

Юнидкій, А. А. О состояніи нашихъ провинціальныхъ лѣсныхъ архивовъ и о тѣхъ мѣрахъ, которыя могли бы улучшить архивное дѣло. Спб. 1911. Тип. Градоначальства (Измаил. п., 8 р., д. 20-б). 8⁰ (16×24). 5 стр. Вѣсъ 1 л. 500 экз.

Янжулъ, Иванъ. И. Е. Цвѣтковъ. (Основатель Цвѣтковской картинной галлереи въ Москвѣ). Спб. 1911. Тип. Стойковой (Знаменская, 27). 8⁰ (16×25). 17 стр. Съ портр. Вѣсъ 4 л. 500 экз.

А. З. Истинный пастырь. (Жизнь и дѣятельность бывшаго настоятеля московскаго придворнаго Архангельскаго Собора, протоіерея В. Н. Амфитеатрова). М. 1911. Тип. И. Ефимова (Б. Якиманка, св. д.). 8⁰ (18×27). 321 стр. Съ 18 рис. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 6 ф. 22 л. 1.000 экз.

А. М. 19 февраля 1861 года. (Краткій историческій очеркъ развитія крѣпостного права на Руси и освобожденія крестьянъ). (Для школъ, войскъ и народа). Спб. 1911. Изд. В. Березовскаго. Тип. Безобразова (В. О., Бол. просп., 61). 8⁰ (15×23). 47 стр. Съ рис. Ц. 20 к. Вѣсъ 4 л. 5.000 экз.

Авчинниковъ, А. Г. Два крестьянина костромича: Иванъ Осиповичъ Сусанинъ и Осипъ Ивановичъ Коммисаровъ. Иллюстрированный очеркъ. Къ 50-тилѣтію освобожденія крестьянъ и 300 лѣтію Царствованія Дома Романовыхъ. Екатеринославъ. 1911. Изд. автора. Тип. М. С. Копылова (Проспектъ, соб. д.). 8⁰ (14×22). 40 стр. Съ рис. Ц. 30. к. Вѣсъ 4 л. 10.000 экз.

Васинъ, Н. Исторія крѣпостного права въ Россіи. Сборникъ статей о крѣпостномъ правѣ отъ его начала до паденія. М. 1911. Изд. Книжн. склада М. В. Клюкина. Тип. В. И. Воронова. 8⁰ (14×19) 143 стр. Съ 4 рис. Ц. 45 к. Вѣсъ 13 л. 3.000 экз.

Великая Реформа. Русское общество и крестьянскій вопросъ въ прошломъ и настоящемъ. Юбилейное изданіе. Томъ IV. (Историческая коммиссія Учебнаго Отдѣла О. Р. Т. З. Редакція А. К. Джавелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета). М. 1911. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 4⁰ (22×29). 280 стр. Съ рис. Вѣсъ 3 ф. 21 л. 3.000 экз.

Вѣтринскій, Ч. Крѣпостное право и освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ. Общедоступный историческій очеркъ. Н.-Новгородъ. 1911. Изд. Об-ва распр. нач. образ. Нижегор. губ. Тип. Нижегор. печ. дѣло З. А. Остафьевой. 16⁰ (13×17). 63 стр.+6 порт. Ц. 5 к. Вѣсъ 3. л. 12.000 экз.

Вѣтринскій, Ч. Тарасъ Григорьевичъ Шевченко. Очеркъ жизни и дѣятельности. Съ приложеніемъ портрета и избранныхъ произведеній Шевченко въ переводѣ русскихъ поэтовъ. М. 1911. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 8⁰ (14×21). 80 стр. Ц. 15 коп. Вѣсъ 5 л. 10.000. экз.

Герье, В. 1861—19-го февраля—1910 14-го іюня. Второе раскрѣпощеніе. Общія пренія по Указу 9-го ноября 1906 года въ Государственной Думѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ. Съ текстомъ Указа 9-го ноября 1906 и закона 14-го іюня 1910. М. 1911. Тип. Печатня С. П. Яковлева (Петровка, Салтыковскій пер., 9). 8⁰ (17×26). VIII+232 стр. Вѣсъ 30 л. 600 экз.

Григорьевъ, Н. Г. „Слово о полку Игоревѣ". Текстъ поэмы съ примѣчаніями, переводъ и разборъ со стороны художественной и исторической (Школьная библіотека № 9). Варшава. 1911. Изд. Т-ва Оросъ (Новый Свѣтъ, 70), 2-е Тип. Л. Билинскаго и В. Масленковича (Новогродская, 17). 16⁰ (14×19). 78+1 нен. стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 7 л. 5.000 экз.

19 февраля 1861—1911. 1) А. В. Мезіеръ. Крѣпостное право въ Россіи и великій актъ 19 февраля. 2) Воспоминанія Авенаріуса, Арцимовича, Короленко, Крылова и др. 3) Разсказы и стих. о крѣпостномъ правѣ. Спб. 1911. Изд. и тип. Т-ва Общ. Польза (Б. Подъяческая, 39). 8° (19×27). 96 ст. (въ 2 ст.). Съ рис. Ц. 10 к. Вѣсъ 6 л. 5.000 экз.

Зелинскій, В. Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Часть I. М. 1911. Изд. 4-е. Тип. Вильде. 8° (16×23). XXV+217 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 22 л. 1.200 экз.

Иванцовъ, М. А. Пособіе къ лекціямъ по Исторіи культуры для учащихся въ Московской Консерваторіи. И. Р. М. О. Курсъ первый (шестой классъ). М. 1911. Изд. Консерваторіи Тип. В. И. Воронова (Моховая, д. кн. Гагарина). 8° (15×23). 224 стр. Вѣсъ 19 л. 600 экз.

Историческій очеркъ крестьянскихъ учрежденій Калужской губерніи съ 1861 по 1911 г. Калуга. 1911. Тип. губ. правленія. 8° (15×22). 24 стр. Вѣсъ 3 л. 500 экз.

Кіево-Печерскій Патерикъ. Полное собраніе житій святыхъ, въ Кіево-Печерской лаврѣ подвизавшихся. Въ новомъ полномъ переводѣ Е. Поселянина. Составленъ тремя Печерскими святыми: Несторомъ, лѣтописцемъ Печерскимъ, Симономъ, епископомъ Владимірскимъ и Суздальскимъ и Поликарпомъ, архимандритомъ Печерскимъ. М. 1911. Изд. 3-е, А. Д. Ступина. Тип. Печатникъ (Даниловск., 54). 8° (17×24). 415 стр. Съ рис. Ц. 1 р. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 4.000 экз.

Короленко, Владиміръ. Исторія моего современника. I. Раннее дѣтство и годы ученія. Спб. 1911. Изд. ред. „Русскаго Богатства“, 2-е (Спб., Баскова ул., д. 9). Тип. 1-й спб. трудовой артели (Лиговка, 34). 8° (15×21). IV+461 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 8 л. 6.000 экз.

Малицкій, П. И. Уроки по исторіи христіанской церкви. Вып. II. Русская церковная исторія. Тула. 1910. Изд. автора. Тип. С. И. Дружининой (Кіевская, 18). 8° (18×27). III+129 стр. Ц. 65 к. Вѣсъ 14 л. 1.200 экз.

Михеевъ, С. Исторія русской арміи. Вып. IV. Переходная эпоха (1815—1856 г.г.) М. 1911. Изд. С. Михеева и А. Казачкова (Знаменка, Александр. Воен. уч.). Тип. Штаба Моск. Воен. Окр. 8° (19×23) 72 стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 9 л. 1.200 экз.

Михневичъ, А. П. Полвѣка назадъ 19 февраля 1861 г. освобожденіе крестьянъ. (Чтеніе для школъ, войскъ и народа). Спб. 1911. Изд. П. В. Казначеева (Спб., Офицерск. улица, 23, кв. 11). Тип. Смирнова (Екатер. кан., 45). 8° (16×23). 40 стр. Съ рис. Ц. 35 к. Вѣсъ 6 л. 3.000 экз.

Недоумовъ, А. Д., прот. Московскій придворный Архангельскій соборъ. Описаніе сего собора и находящихся въ немъ Царскихъ и Княжескихъ гробницъ. М. 1900. Изд. 4-е. Тип. А. И. Снегиревой (Остоженка, Савелов. пер.). 16° (13×17). 64 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 5 л. 3.000 экз.

Никольскій, Н. В. Краткій конспектъ по этнографіи чувашъ. Казань. 1911. Изд. автора. Тип. Университета. 8° (17×25). IV+114 стр. Вѣсъ 18 л. 300 экз.

Новый Израиль. Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства и старообрядчества. Подъ ред. Владиміра Бончъ-Бруевича. Вып. IV. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Владиміра Бончъ-Бруевича.

Спб. 1911. Тип. Б. М. Вольфа (Невскій, 126). 8⁰ (18×26). CXXXI+4 нен.+485 стр. Съ 33 рис. и автограф. Складъ: Пески, Херсонская ул., д. 5, кв. 9). Ц. 5 р. Вѣсъ 3 ф. 15 л. 3.000 экз.

Норцевъ, А. Н. Архивъ графовъ Канкриныхъ-Ламбертъ-Сухтеленъ, (Общій обзоръ документовъ). Тамбовъ. 1910. Тип. Н. Бердоносова и Ф. Пригорина. 8⁰ (18×26). 54 стр. Вѣсъ 8 л. 600 экз.

Освобожденіе Крестьянъ 19-го февраля 1861 года. Спб. 1911. Изд. Общества Благотворенія въ память 19-го фев. 1861 г. (Тамбовская ул., 16). Тип. К. А. Четвериковъ (Караванная, 7). 8⁰ (15×23). 32 стр. Съ портр. Ц. 10 к. Вѣсъ 4 л. 10.000 экз.

Отчетъ о состояніи Нижегородскаго городского Художественнаго и Историческаго музея за 1909 годъ. Н.-Новгородъ. 1911. Тип. Нижегор. печ. дѣла, З. А. Остафьевой. 8⁰ (17×26). 21 стр. Вѣсъ 3 л. 125 экз.

Отчетъ о состояніи Нижегородскаго городского Художественнаго и Историческаго музея за 1910 годъ. Н.-Новгородъ. 1910. Тип. Нижегор. печ. дѣла, З. А. Остафьевой 8⁰ (17×26). 14 стр. Вѣсъ 2 л. 125 экз.

Покровскій, В. И. Иванъ Андреевичъ Крыловъ, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1911. Изд. 3-е доп. Тип. Г. Лисснера и Собко. 8⁰ (16×25). 200 стр. Цѣна 50 к. Вѣсъ 20 л. 5.000 экз.

Пятидесятилѣтіе Освобожденія Крестьянъ. Спб. 1911. Изд. Е. В. Богдановича. Тип. Голике и Вильборгъ (Звенигородская, 11). 8⁰ (16×23). 48 стр. Съ рис. Вѣсъ 4 л. 450.000 экз.

Рождественъ, А. Ушинскій національный русскій педагогъ. Казань. 1911. Тип. Университета. 8⁰ (17×25). 15 стр. Вѣсъ 1 л. 2.000 экз.

Ромашковъ, Д., свящ. Уроки 1812 года. Къ столѣтнему юбилею отечественной войны. (От. изъ №№ 1—2 газ. „Голосъ Русскаго“ за 1911 г.). М. 1911. Тип. А. Снегиревой (Остоженка, Савеловскій пер.). 16⁰ (12×18). 15 стр. Вѣсъ 1 л. 1.000 экз.

Свенцицкій, В. Жизнь Ѳ. М. Достоевскаго. № 1-й. Свѣточи міра М. 1911. Изд. и тип. пар., книгоизд. (Б. Дмитровка, 26). 16⁰ (11×15). 77 стр. Ц. 7 к. Вѣсъ 3 л. 3.000 экз.

Семеновъ-Тянъ-Шанскій, П. П. Эпоха освобожденія крестьянъ въ Россіи (1857—1861 г.г.). Т. I. На правахъ рукописи. Спб. 1911. Тип. Мин. Путей Сообщенія. 8⁰ (19×29). XI+III+440 стр. Вѣсъ 2 ф. 14 л. 200 экз.

Тарасовъ, Н. Г. и Гартвигъ, А. Д. Изъ исторіи русской культуры. В вѣче въ Новгородѣ. М. 1911. Изд. В. В. Думнова. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздвиж. п., с. д.). 8⁰ (17×24). 18 стр. Съ рис. Ц. 15 к. Вѣсъ 4 л. 3.100 экз.

Тарасовъ, Н. Г. и Гартвигъ, А. Д. Изъ исторіи русской культуры. На пристани въ Новгородѣ. М. 1911. Изд. В. В. Думнова. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздвиж. п., с. д.). 8⁰ (17×24). 24 стр. Съ рис. Ц. 15 к. Вѣсъ 5 л. 3.100 экз.

Тарасовъ, Н. Г. и Гартвигъ, А. Д. Изъ исторіи русской культуры. Съѣздъ князей. М. 1911. Изд. В. В. Думнова. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздвиж. п., с. д.). 8⁰ (17×24). 15 стр. Съ рис. Ц. 15 к. Вѣсъ 4 л. 3.100 экз.

Терентьевъ, М. А., ген.-лейт. Исторія завоеванія Средней Азіи.

(Съ картами и планами). 3 тома. Спб., 1906. Тип. В. В. Комарова (Невскій пр., 136). 8⁰ (17×26). 510+547+526 стр. и чер. и пл. 23, картъ 2. Вѣсъ 6 ф. 10 л. 1.200 экз.

Царствованіе Императора Александра II. Его великія реформы и освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости 19-го февраля 1861 года. М. 1911. Изд. и тип. Е. Коноваловой и К⁰ (Б. Андроніевская, с. д.). 18⁰ (12×17). 32 стр. Вѣсъ 1 л. 12.000 экз.

Чертковъ, В. О послѣднихъ дняхъ Льва Николаевича Толстого на ст. „Астапово“. М. 1911. Тип. В. Чичеринъ и К⁰ (Марьинск. уч., с. д.). 8⁰ (15×22). 31 стр. Складъ: Петровск. в., 25. Г. Р. Штегеманъ. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 3. 5.000 экз.

Чертковъ, В. О послѣднихъ дняхъ Л. Н. Толстого. (Библіотека Л. Н. Толстого, подъ ред. П. И. Бирюкова, № 3). М. 1911. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.). 8⁰ (13×20). 31 стр. Вѣсъ 3 л. 1.000 экз.

Шамбинаго, С. Трилогія романтизма (Н. В. Гоголь). М. 1911. Изд. Книгоизд. Польза В. Антикъ и К⁰ (Козицкій пер., 2). Тип. Русскаго тов. 8⁰ (14×20). 158 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 15 л. 2.000 экз.

Авчинниковъ, А. Г. Императоръ Александръ II. Царь-Освободитель. Иллюстрированный очеркъ. Народное изданіе. Екатеринославъ. 1911. Тип. М. С. Копылова (Проспектъ, соб. д.). 8⁰ (14×22). 36 стр. Съ рис.+ 2 листа рис. Складъ: книжн. маг. В. Е. Алексѣева. Ц. 30 коп. Вѣсъ 5 л. 8.000 экз.

Алексѣевъ, В. 1861—1911. Сборникъ Стихотвореній русскихъ поэтовъ въ память 19-го февраля 1861 г. Спб. 1911. Тип. „Бережливость“ (Невскій, 139). 8⁰ (13×19). 31 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 3 л. 3.000 экз.

Баіовъ, А. проф. Отзывы, составленные по порученію Академіи Наукъ о сочиненіяхъ: а) П. Паренсова—„Изъ прошлаго“ ч. 4 и 5 и б) Н. Ухачъ-Охоровичъ—„Набѣгъ на Инкоу“, Спб. 1911. Тип. Скачкова (Итальянск., 16). 8⁰ (14×21). 48 стр. Вѣсъ 5 л, 200 экз.

Бархатовъ, М. Е. и Функе, В. В. Исторія Русско-Японской войны. Томъ III и IV. Спб. 1907 и 8 г. Тип. Голике и Вильборгъ (Звениг., 11). 4⁰ (26×35). 503—800+801—1032 стр. Съ рис. Вѣсъ 5 ф. 14 л. 8.800 экз.

Великій праздникъ пятидесятилѣтія со дня освобожденія крестьянъ 19-го февраля 1861 г. М. 1911. Изд. книгоизд. Максимова (Лубянская пл., д. Духовной Консисторіи). Тип. Филатова (Колокольн. пер., 26). 18⁰ (11×18). XVI стр. Вѣсъ 1 л. 20.000 экз.

Вишневецкій, П. Народный сборникъ памяти Царя-Освободителя и великаго событія 19-го февраля 1861 г. Спб. 1911. Тип. А. С. Суворина (Эртелевъ, 13). 8⁰ (15×22). 58 стр. Ц. 22 к. Вѣсъ 8 л. 2.000 экз.

Вороновъ, Л. Н. Крестьянская реформа. 19-го февраля 1861—1911 г. I. Крѣпостное право. II. Освобожденіе крестьянъ. III. Выкупъ надѣловъ. IV. Общинное землевладѣніе. V. Завершеніе реформы. М. 1911. Изд. Ком. по орган. общеобр. чт. для раб. (Трубник. п., д. Ржановой). Тип. Рус. Т-ва (Мыльник. п., с. д.). 8⁰ (18×26). 115 стр.+2 портр. Вѣсъ 14 л. 6.000 экз.

Въ память пятидесятилѣтія освобожденія крестьянъ. Спб. 1911. Изд. С.-Пет. Купеческаго Общества. Тип. М. Д. Ломковскаго (Думская, 5). 8⁰ (17×24). 48 стр. Вѣсъ 13 л. 5.000 экз.

Въ память Л. Н. Толстого. Альбомъ изображеній Толстого и о Толстомъ, подъ ред. Юрія Битовтъ М. 1911. Тип. К. А. Фишеръ (Кузнецкій мостъ, 15) 4⁰ (28×36) 4 стр.+40 лист. рис. и портр. Вѣсъ 1 ф. 29 л. 1.200 экз.

Глаголевъ, С., проф. О графѣ Львѣ Николаевичѣ Толстомъ. (Рѣчь). Сергіевъ Посадъ. 1910. Изд. Москов. Дух. Акад. Тип. Св., Тр. Сергіевой Лавры. 8⁰ (17×35). 21+1 нен. стр. Вѣсъ 3 л. 600 экз.

19-е февраля (О празднованіи пятьдесятъ лѣтъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости). Кіевъ. 1911. Тип. Окр. Штаба (Банковая, 11). 8⁰ (16×22). 8 стр. Вѣсъ 1 л. 74.000 экз.

Дмитріевъ, Н. 50-ти-лѣтіе Освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости (1861 г. 19 февр. 1911 г.) Одесса. 1911. Тип. С. Скарлато и А. Долинскаго (Красный пер., 5). 8⁰ (13×21). 41 стр.+2 портр. Вѣсъ 4 л. 1.000 экз.

Драке, Л. Л. Кадетскій бытъ 50-хъ годовъ. (Отрывочныя воспоминанія). Спб. 1911. Изд. В. Березовскаго. Тип. В. Безобразова (В. О., Большой пр., 61). 8⁰ (16×23) 32 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 5 л. 1.000 экз.

Дюнькинъ, Н. И. и Новиковъ, А. И. Подъ ред. Владиміра Рябова. Майковъ, А. Н. Біографія и разборъ его главныхъ произведеній. Спб. 1911. Изд. кн. маг. Ив. Загряжскаго (Пет. ст., Большой пр., 13). Тип. В. Безобразова и К⁰ (В. О., Б. пр., 61). 8⁰ (16×23). 37 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 5 л. 2.000 экз.

Е. Д. Возникновеніе и отмѣна крѣпостного права въ Россіи. 1861—1911. Кіевъ. 1911. Изд. Кіев. Учеб. Окр. Т-во Тип. И. Н. Кушнеревъ и К⁰ (Караваевская, 5). 8⁰ (15×22). 31 стр. Ц. 5 к. Вѣсъ 3 л. 190.000 экз.

Елеонскій, Сергѣй. Великій врагъ цивилизаціи. I. Культура въ изображеніи произведеній Льва Толстого. II. Толстой и его предшественникъ. (Перепечатано изъ №№ 47, 49 и 50 Нижегородскаго Церковно-Общественнаго Вѣстника за 1910 годъ). Н.-Новгородъ. 1911. Тип. Нижегор. губ. Правленія. 16⁰ (11×17). 17 стр. Вѣсъ 2 л. 50 экз.

Жаковъ, К. У инвенскихъ пермяковъ. 1902—1910 г. Сентябрь. Архангельскъ. 1910. Тип. Губернская. 8⁰ (12×23). 13 стр. Вѣсъ 1 л. 250 экз.

Жуковскій, Ю. Г. Крестьянское дѣло и общественная иниціатива. Спб. 1911. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 4⁰ (20×30). 211 стр. Скл.: „Общественная Польза“ (Невскій, 40). Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 3 л. 600 экз.

Зайдманъ Моисей. Ѳ. М. Достоевскій въ западной литературѣ. (Характеристика творчества и личности писателя въ западной критической и научной литературѣ). Одесса. 1911. Тип. Кульбергъ и Каплanъ (Екатерининск., 78) 8⁰ (17×25). 127 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 15 л. 1.200 экз.

Императоръ Александръ II. Государь Освободитель. Борзна. 1910. Изд. Борзенскаго зем. Тип. Г. Л. Арлозорова. 8⁰ (15×20). 31 стр. Вѣсъ 3 л. 5.000 экз.

Исторія Правительствующаго Сената за двѣсти лѣтъ (1711—1911 г.г.). Т. I—IV и V дополнительный. Спб. 1911. Тип. Сенатская. 4⁰ (23×32). I) XI+665+29 рис. II) 806+26 рис. III) 712+11 рис. IV) 529+15 рис. V) 224 стр.+ 9 рис. Вѣсъ 34 ф. 16 л. 1.200 экз.

Исторія русской арміи и флота. Вып. I. М. 1911. Изд. Книгоизд. Образованіе. Тип. Русск. Тов. (Чист. Пруды. Мыльниковъ пер., с. д.). 8⁰ (18×26). 191 стр.+18 лист. рис. Вѣсъ 1 ф. 23 л. 5.000 экз.

Какъ прекратилось крѣпостное право на Руси. Отечественная библіотека. Спб. 1911. Изд. Всероссійскаго Національнаго Клуба. Тип. „Трудъ“ (Кавалергардская, 40). 8⁰ (15×21). 28 стр. Съ рис. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 50.000 экз.

Клокова, М. Крѣпостное право и освобожденіе крестьянъ. Очеркъ. М. 1911. Изд. Школьной библіотеки. Тип. Русскаго товарищества. 8° (14×21). 43+4 нен. стр. Съ рис. Ц. 15 к. Вѣсъ 6 л. 2.150 экз.

Колюбакинъ, Б. Прейсишъ-Эйлауская операція. Сраженіе у Прейсишъ-Эйлау (25 и 27 Января 1807 года). Спб. 1911. Тип. Г. Скачкова (Итальянск., 16). 8° (17×22). 32 стр. и планъ. Вѣсъ 5 л. 500 экз.

Краткая исторія 12-го пѣхотнаго Великолуцкаго полка. Въ 2-хъ частяхъ. 1711—1911. М. 1911. Тип. А. Лсвенсонъ (Трехпрудный пер., с. д.). 8° (18×26). 334+III стр. 20 лист. и картъ. Вѣсъ 2 ф. 5 л. 525 экз.

Кузнецовъ, Н. Русская художественная литература въ отношеніи къ вопросамъ религіи. Сергіевъ Посадъ. 1910. Изд. Москов. Дух. Акад. Тип. Св.-Тр. Сергіевой Лавры. 8° (17×25). 20 стр. Вѣсъ 2 л. 100 экз.

Къ пятидесятилѣтію освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. 19-е февраля 1861 г.—19-е февраля 1911 г. М. 1911. Изд. Гор. скл. учеб. пос. Тип. Городская. 8° (16×23). 40 стр.+1 портр. Вѣсъ 5 л. 20.000 экз.

Лозинскій, Евгеній. Левъ Толстой объ интеллигенціи и рабочемъ вопросѣ,—Съ приложеніемъ двухъ неизданныхъ писемъ Толстого къ автору. Спб. 1911. Изд. автора. Тип. „Сѣверная Печатня“ (Вас. О., 14 лин., д. 2). 8° (16×23). 16 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 1.000 экз.

Любичъ-Кошуровъ, І. А. Партизаны 1812 г. Рисунки П. Абрамова. М. 1911. Изд. книгоизд. Заря. Тип. Рекордъ (Б. Афанасьевскій пер., 32). 8° (15×23). 166 стр. Съ рис. Складъ: кн. маг. Сотрудникъ Провинціи (уг. Тверск. бульв. и Мл. Бронной). Ц. 85 к. Вѣсъ 22 л. 1.500 экз.

Матеріалы по вопросу о введеніи суда съ присяжными засѣдателями въ Тверской области и объ учрежденіи окружнаго суда въ городѣ Пятигорскѣ. (Въ память 45-лѣтія судебныхъ уставовъ Императора Александра II). Пятигорскъ. 1911. Тип. К. К. Кибардина. 8° (15×22). 51 стр.+1 карта. Вѣсъ 6 л. 170 экз.

Михеевъ, С. Отечественная война 1811—1912. Бородинское сраженіе. М. 1911. Тип. Окр. Штаба. 8° (17×25). 47 стр. Съ рис. Ц. 25 к. Вѣсъ 8 л. 2.000 экз.

Московскій Публичный и Румянцевскій музеи. Картинная галлерея. Добавленіе къ каталогу. Собраніе картинъ и скульптуръ, завѣщанное почетнымъ членомъ музеевъ, коммерціи совѣтникомъ К. Т. Солдатенковымъ. М. 1911. Тип. А. Снегиревой (Савеловскій пер., св. д.). (16° (13×17). 26 стр. Вѣсъ 1 л. 2.400 экз.

Н. И. Пироговъ (Къ 100-лѣтію со дня рожденія $1810\frac{13}{11}$ 1910. Томскъ. 1911. Изд. Пироговъ, студен. медиц. об-ва. Тип. Сибир. т-ва печ. дѣла. 8° (15×23). 82 стр. Вѣсъ 6 л. 1.000 экз.

Нечаевъ, Н. П. Къ 50-лѣтію освобожденія Крестьянъ. Историческій Очеркъ Закрѣпощенія и освобожденія Крестьянъ. Спб. 1911. Тип. В. Д. Смирнова (Екатерининскій каналъ, 45). 8° (16×23). 35 стр. Вѣсъ 5 л. 2.000 экз.

Никифоровъ, Н. и Шиманскій, М. Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. 1861—1911. Кіевъ. 1911. Изд. Кіев. Учеб. Округа. Тип. Т-ва И. Н. Кушнерева и К° (Караваевская, 5). 8° (15×22). 32 стр. Ц. 5 к. Вѣсъ 3 л. 20.000 экз.

Освобожденіе Крестьянъ. Сборникъ статей. Спб. 1911. Изд. „Жизни

для всѣхъ". Тип. „Энергія". 8° (13×21). 330 стр. Ц. 85 к. Вѣсъ 20 л. 1.000 экз.

Петрусевичъ, В. И. Плоды раздумья. Сборникъ литературно-художественный въ память 50-лѣтія освобожденія крестьянъ. Спб. 1911. Тип. К. Л. Пентковскаго (Б. Подъяческ., 22). 8° (17×25). 270 стр. Съ 10 рис. Складъ: Спб., Тверская ул., 12. Ц. 1 р. Вѣсъ 31 л. 5.000 экз.

Попельницкій, А. Письмо депутата перваго призыва (Къ исторіи участія дворянскихъ депутатовъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ). Съ отмѣтками Императора Александра II. Спб. 1911. Тип. Н. Я. Стойковой (Знаменская, 27). 8° (16×25). 21 стр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Прилуко-Прилуцкій, Н. Г. Корифеи русскаго слова. Вып. I Ломоносовъ.—Жизнь и творчество. Спб. 1911. Изд. Т-ва Оросъ (7 рота, 26). Тип. Герольдъ (7 рота, 26). 8° (16×26). 88 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 9 л. 5.000 экз.

Пфлугъ-Гартунгъ. Всемірная Исторія. Отъ Вестфальскаго міра до паденія Наполеона I (1650—1815). Пер. съ доп. подъ ред. пр. Н. И. Карѣева и С. Г. Лозинскаго. Отдѣлъ русской исторіи—Н. П. Василенко. Спб. 1911. Изд. и тип. Брокгаузъ и Ефронъ. 8° (20×29). 479 стр. Съ 67 рис. Вѣсъ 5 ф. 4 л. 5.000 экз.

Пѣвницкій, В. Ѳ., проф. Мои воспоминанія. II. Студенческіе годы. 1851—1855 г. Кіевъ. 1911. Тип. Акц. О-ва И. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (16×25). 182 стр, Вѣсъ 16 л. 125 экз.

Пятидесятилѣтіе освобожденія крестьянъ. 1861—1911. Очеркъ исторіи закрѣпощенія и освобожденія крестьянъ. Спб. 1911. Изд. и тип. т-ва „Копѣйка" (Лиговская, 34). 4° (21×30). 63 стр. Съ рис. Ц. 20 к. Вѣсъ 10 л. 25.000 экз.

Римскій-Корсаковъ, Н. А. Музыкальныя статьи и замѣтки (1869—1907). Со вступит. статьей М. Ф. Гнѣсина. Подъ ред. Н. Римской-Корсаковой. Спб. 1911. Тип. М. М. Стасюлевича. 8° (14×21). XLVI+223 стр. Ц. 90 к. Вѣсъ 23 л. 1.500 экз.

Русова, С. Тарасъ Григорьевичъ Шевченко. Украинскій народный поэтъ (Его жизнь и произведенія). Кіевъ. 1911. Изд. книгоизд. Сотрудникъ (Александровская, 27). Тип. С. Г. Слюсаревскаго (Институтская, 14), 8° (12×20). 80 стр. Съ портр. и рис. Ц. 15 к. Вѣсъ 6 л. 5.000 экз.

Рыбаковъ, Г. Воспоминанія о С.-Петербургской духовной академіи. Спб. 1911. Тип. М. Меркушева (Невскій, 8). 8° (16×24). 10 стр. Вѣсъ 2 л. 30 экз.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. 132. Переписка Имп. Николая Павловича съ В. К. Цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ. Т. II (1830—31). Спб. 1911. Изд. И. Р. Ист. Общества. Тип. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (20×29). V+249 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 8 л. 1.250 экз.

Семинъ, Орестъ. Великая годовщина. Аграрный вопросъ и крестьянская (крѣпостная) реформа на Кавказѣ. Историческій очеркъ. Кіевъ. 1911. Изд. т-ва Вся Россія (Пушкинская, 31), Л. М. Фишъ. Тип. К. Ш. Круглянскаго (Спасская, 10). 8° (15×22). 164+2 нен. стр. Ц. 70 к. Вѣсъ 16 л. 10.000 экз.

Сивковъ, К. В. Крѣпостное право и русская изящная литература (1762—1861 гг.). М. 1911. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Воздвиж. пер., 9).

16⁰ (13×17). 37 стр. Складъ: Кн. скл. Народное право (Моховая, 14). Ц. 15 к. Вѣсъ 3 л. 1.000 экз.

Соловьевъ, Сергѣй Михайловичъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Кн. 1. Т. I—V. Спб. 1911, Изд. 3-е и тип. Тов. „Общ. Польза“ (Б. Подъяческая, 39). 8⁰ (20×28). XII+1726 столб.+2 табл. Ц. 15 р. за VII книгъ. Вѣсъ 3 ф. 20 л. 3.500 экз.

Третьяковъ, М. Сектантство Тамбовской губерніи (Отд. оттискъ изъ журн. „Мисс. Обозр.“ № 12 за 1910 г.). Спб. 1910. Тип. „Колоколъ“ (Невскій, 127). 8⁰ (17×25). 46 стр. Вѣсъ 5 л. 200 экз.

Труды Вятской Ученой Архивной комиссіи. 1910 годъ. Вып. II—III. Съ приложеніемъ. Вятка. 1910. Тип. губернская. 8⁰ (15×23). 79+151+136+II+121 стр. Вѣсъ 29 л. 350 экз.

1861—50—1911. 19 февраля. Тула. 1911. Тип. Е. И. Дружинина. 8⁰ (17×26). 4 стр. Съ портр. Вѣсъ 1 л. 40.000 экз.

Чернышевскій, М. Н. О Чернышевскомъ. Библіографія 1854—1910. Спб. 1911. Изд. 2-ое испр. и значит. доп. Тип. Т-ва „Общественная Польза“ (Б. Подъяческая, 39). 8⁰ (18×22). 78. стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 11 л. 500 экз.

Ѳоменко, Кл., прот. Пятидесятилѣтній юбилей освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и дарованія земельныхъ надѣловъ. На память доброму Русскому народу. Кіевъ. 1911. Изд. и тип. Кіево-Печерск. Успенск. Лавры. 8⁰ Вѣсъ 2 л. 10.000 экз.

Арнольдовъ, М. А. Краткій историческій обзоръ земской ветеринаріи Симбирской губерніи за истекшія 25 лѣтъ. Симбирскъ. 1910. Тип. Н. П. Сидневой и К⁰. 8⁰ (17×25). 20 стр. Вѣсъ 3 л. 150 экз.

Бродскій, Н. Л. Къ волѣ. Крѣпостное право въ народной поэзіи. (Универсальная библіотека, №№ 506—507). М. 1911. Изд. Польза, В. Антикъ и К⁰ (Козицкій, 2). Тип. А. А. Левенсонъ. 16⁰ (9×14). 190+2 нен. стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 6 л. 7.200 экз.

Великая Реформа. Русское общество и крестьянскій вопросъ въ прошломъ и настоящемъ. Юбилейное изданіе. Томъ V (Историческая Коммиссія Учебнаго Отдѣла О. Р. Т. З. Редакція А. К. Дживелегова, С. И. Мельгунова, В. И. Пичета). М. 1911. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 4⁰ (22×30). 308+2 нен. стр. Съ рис. и портр.+31 листъ рис. и портр. Вѣсъ 4 ф. 14 л. 3.000 экз.

Глубоковскій, Н. Н., проф. Родословіе Смарагда (Крыжановскаго), архіепископа рязанскаго. М. 1910. Изд. Имп. Общ. Ист. и древн. россійскихъ. Тип. Синодальная (Никольская, св. д.). 8⁰ (19×28). 46 стр. Вѣсъ 8 л. 120 экз.

Городъ Симбирскъ по двумъ переписямъ недвижимыхъ имуществъ (1910—1911 г.г. земской и 1909 г.—городской). Симбирскъ. 1911. Изд. Оцѣн. Вѣсъ 1 ф. 4 л. 150 экз.

Готье, Ю. В. Десятни по Владиміру и Мещерѣ 1590—1615 г.г. М. 1910. Изд. Имп. Общ. Истор. и древн. рос. при Моск. универ. Тип. Синодальная. 8⁰ (18×28). 39 стр. Вѣсъ 6 л. 60 экз.

Дудинъ, В. О. Стеблевъ, А. П. и Толстовъ, А. С. 1861 года 19-го февраля. Очеркъ исторіи крѣпостного права на Руси и отмѣна его. М. 1911. Изд. Н. А. Хорошкевича. (Ср. Пресня, Б. Никольск. п., д. Мельниковой). Тип. Вильде. (М. Кисловка, с. д.). 8⁰ (14×21). 192 стр. съ портр. Ц. 60 к. Вѣсъ 18 л. 2.400 экз.

Ермиловъ, В. Е. Въ память 19-го февраля. Воля. Сборникъ. Завѣты

лучшихъ людей отъ Радищева до Льва Толстого. Разсказы, стихи, народныя пѣсни, воспоминанія, сцены, характеристики, изреченія, біогр. очерки. Съ предисловіемъ П. С. Когана. М. 1911. Изд. Н. Н. Клочкова. (Мясницк., 24). Тип. С. П. Яковлева (Салтыковск. п., 9). 8⁰ (17×23). IX+275 стр. Ц. 1 р. 35 к. Вѣсъ 1 ф. 9 л. 1.800 экз.

Жерве, Н. П. Императоръ Александръ II и освобожденіе крестьянъ. 1861 г. 19-го февраля 1911 г. Спб. 1911. Изд. Имп. русск. военно-историч. общества. Тип. Тренке и Фюсно (Максимил. пер., 13). 8⁰ 14×20). 64 стр. Съ 20 рис. Вѣсъ 7 л. 100.000 экз.

Жизнь за Царя костромского крестьянина Ивана Сусанина или Русскіе люди въ 1612 году. Повѣсть, составленная по историческимъ даннымъ и драмѣ „Борисъ Годуновъ" Пушкина. М. 1911. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 18⁰ (13×18). 107 стр. Вѣсъ 4 л. 30.000 экз.

Изданія Императорской Археографической Коммиссіи на 1-е января 1911. Спб. 1911. Тип. Сенатская. 8⁰ (17 × 25). 14 стр. Вѣсъ 2 л. 300 экз.

Карцовъ, Ю. и Военскій, К. Причины войны 1812 года. Спб. 1911. Тип. Штольценбурга (Моховая, 37). 8⁰ (15×23). XIV+115 стр. Вѣсъ 16 л. 3.000 экз.

Каталогъ аукціона собранія русскихъ монетъ Имп. Петра II, Имп. Анны Іоанновны, Имп. Іоанна Антоновича и Петра I и до Петровскаго періода, принадлежащихъ нумизматической фирмѣ Б. Ф. Копылова. Ч. III. Спб. 1911. Изд. И. Общ. Поощренія художествъ. Тип. „Капиталъ" (6-я Рожд., № 27). 8⁰ (16×23). 38 стр. Вѣсъ 5 л. 500 экз.

Каталогъ Шевченковской выставки въ Москвѣ по поводу пятидесятилѣтія со дня его смерти 1861 26/II 1911. М. 1911. Тип. П. П. Рябушинскаго (Страстной бульв., соб. д.). 8⁰ (15×23) 27 стр. Съ рис. и портр. Вѣсъ 4 л. 300 экз.

Ковалевскій, П. И., проф. Завоеваніе Кавказа Россіей. Историческіе очерки. Спб. 1911. Тип. Акинфіева (Басковъ пер., 10). 12⁰ (12×19). 334 стр. Съ карт. и рис. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 25 л. 500 экз.

Кузнецовъ, Я. О. Дворцовые управители Унженской волости. Страничка изъ быта крестьянъ XVIII стол. Меленковскаго уѣзда. Владиміръ. 1911. Тип. Губ. Правл. 8⁰ (15×23). 8 стр. Вѣсъ 1 л. 200 экз.

Макарій, архим. 19 февраля 1861 года—19 февраля 1911 года. М. 1911. Тип. русск. печатня (Тріумф. Садов., 170). 8⁰ (18×27). 4 стр. Вѣсъ 1 л. 50.000 экз.

Матеріалы къ исторіи рода Олсуфьевыхъ. Линія Василія Дмитріевича. (1796—1858) перваго графа Олсуфьева М. 1911. Тип. Синодальная. 8⁰ (21×28). 47 стр. Вѣсъ 12 л. 30 экз.

Муравьевъ, М. В. Матеріалы по исторіи освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ Новгородской губерніи. 1861 г.—1911 г. Новгородъ. 1911. Тип. Ив. Як. Мастакова. 8⁰ (15×22). 30 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 3 л. 300 экз.

Н. И. Пироговъ. Хирургъ, педагогъ и общественный дѣятель. Къ 100-лѣтію со дня рожденія Н. И. Пирогова 13 ноября 1910 года. Екатеринбургъ. 1911. Изд. Уральск. Мед. общ. и семейно-педагог. кружка Тип. Уральская жизнь. 8⁰ (16×25). 66 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 8 л. 3.000 экз.

Овсянико-Куликовскій, Д. Н. Собраніе сочиненій. Томъ 9-й. Исторія русской интеллигенціи. Часть третья. 80-е годы и начало 90-хъ.

Спб. 1911. Изд. Т-ва „Общественная Польза“ и „Прометей“ (Поварской, 10). Тип. „Общественная Польза“ (Б. Подъяческая, 39). 8⁰ (17×23). 224 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 24 л. 7.000 экз.

Орловъ. Шахе. Дѣйствія западнаго отряда ген. Бильдерлинга на рѣкѣ Шахе—Мукденъ. Дѣйствіе 2-й арміи во время мукденскаго сраженія. Спб. 1911. Изд. Топогр. и геодез. журнала. Тип. Улей (Морская, 13—3). 8⁰ (15×21). 87 стр. и 1 карта. Ц. 50 к. Вѣсъ 8 л. 1.400 экз.

Освобожденіе крестьянъ. Дѣятели реформы. М. 1911. Изд. „Научнаго Слова“ (Нѣмецк. ул., д. Рахманова). Тип. И. Кушнеревъ и К⁰ (Пименовск., с. д.). 8⁰ (18×25). XXXII+342 стр. Съ портр. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 29 л. 3.200 экз.

Освобожденіе крестьянъ (19 февраля 1861 г.—19 февраля 1911 г.). Краткая записа объ историческомъ ходѣ и развитіи крестьянской реформы въ примѣненіи ея во Владимірской губерніи. (Составлена Непр. Членомъ Владим. Губ. Присутствія А. А. Бурминымъ и Земскимъ начальникомъ 1-го уч. Шуйскаго у. М. Г. Смирновымъ. Владиміръ. 1911. Тип. Губ. Правленія. 4⁰ (22×28). 26 стр. Вѣсъ 4 л. 800 экз.

Пантелѣевъ, С В. Изъ пережитаго въ шестидесятыхъ годахъ. Спб. 1911. Тип. М. Меркушева (Невскій, 8). 8⁰ (15×22). 40 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 5 л. 1.000 экз.

Петрусевичъ, В. И. По поводу празднованія 50-лѣтія освобожденія крестьянъ (Историческій очеркъ до-крѣпостного права). Спб. Изд. газеты „Русское Знамя“. Тип. „Отечественная“ (Шпалерная, 26). 8⁰ (17×25). 25 стр. Ц. 5 к. Вѣсъ 3 л. 1.000 экз.

Розановъ, И. и Сидоровъ, Н. Рабство и воля. Крѣпостное право и крестьянскій бытъ въ русской литературѣ. Сборникъ (Универсальная библіотека № 508—9). М. 1911. Изд. Польза В. Антикъ и К⁰ (Козицкій п., 2). Тип. А. Левенсонъ (Мамоновскій п., с. д.). 16⁰ (10×15). 207 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 6 л. 4.200 экз.

Соловьевъ, Н. И. Разсказы о жизни Императора Александра Благословеннаго и отечественной войнѣ 1812 года. Спб. 1911. Изд. В. Березовскаго. Тип. Рус. скоропечатня (Екатер. кан., 94). 8⁰ (15×21). 157 стр. Съ рис. Ц. 50 к. Вѣсъ 18 л. 5.000 экз.

Станьковскій, И. В. Памятка Петербуржца. Краткій Обзоръ важнѣйшихъ событій изъ Исторіи Лейбъ-Гвардіи С.-Петербургскаго Короля Фридриха Вильгельма III полка. Варшава. 1911. Изд. Автора. Тип. Русскаго Общества (пл. Св. Александра, 4). 16⁰ (14×19). 29+3 нен. стр. Съ рис. Вѣсъ 4 л. 3.000 экз.

Старина и новизна. Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ ревнителей Рус. Ист. Просв. въ память Имп. Александра III. Кн. 15. Спб. 1911. Тип. Стасюлевича (В. О., 5 л., № 28). 8⁰ (20×28) XII+1 таб.+ 30 стр.+35 ст.+256 ст.+5 картъ. Вѣсъ 2 ф. 20 л. 1.000 экз.

Сташевскій, Е. Десятни Московскаго уѣзда 7086 и 7094 г. г. М. 1910. Изд. Об-ва ист. и древн. Россійскихъ. Тип. Синодальная. 8⁰ (19×28). 50 стр. Вѣсъ 8 л. 200 экз.

Тарапыгинъ, Ѳ. А. Извѣстные русскіе дѣятели. Краткое ихъ жизнеописаніе. Выпускъ IV. Редакція Ѳ. А. Витберга. Спб. 1911. Тип. Леонтьева (Басковъ пер., 4), 8⁰ (28×20). 25 стр. Съ рис. Ц. 30 к. Вѣсъ 7 л. 1.000 экз.

Тарапыгинъ, Ѳ. А. Извѣстные русскіе дѣятели. Краткое ихъ жизне-

описаніе. Выпускъ 5. Редакція Б. Б. Глинскаго. Спб. 1911. Тип. Леонтьева (Басковъ пер., 4). 8⁰ (28×20). 23 стр. Съ рис. Ц. 30 к. Вѣсъ 6 л. 1.000 экз.

Титовъ, Ан. Святыни и древности Ростова-Великаго. М. 1911. Тип. А. И. Снегиревой (Савеловскій пер., св. д.). 8⁰ (16×24). 25 стр. Ц. 5 к. Вѣсъ 3 л. 2.400 экз.

Тургеневъ, И. С. Неизданныя произведенія. (Сокровищница русской литературы. „Произведенія руск. писателей, не вошедшія въ собраніе ихъ сочиненій“ № 1). Казань. 1911. Изд. изд. Молодыя силы (Дегтярная, д. Стахѣева). Тип. В. В. Вараксина. 8⁰ (15×22). 29 стр. Ц. 12 к. Вѣсъ 3 л. 3.000 экз.

Ухтубужскій, П. Отмѣна Крѣпостного Права. Спб. 1911. Тип. т-ва Свѣтъ (Невскій, 136). 8⁰ (17×25). 62 стр. Ц. 15 к. Вѣсъ 8 л. 5.000 экз.

Ушаковъ, Н. Къ 50-лѣтней годовщинѣ обновленія Россіи. Владиміръ. 1911. Тип. Губ. Правл. 8⁰ (14×21). 12 стр. Вѣсъ 1 л. 200 экз.

Царь-Освободитель. Къ пятидесятилѣтію освобожденія крестьянъ. М. 1911. Изд. А. С. Балашева. Тип. п. ф. Ломоносовъ (1-я Тверск.-Ямск., д. 24). 8⁰ (15×23). 8 стр. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Царю-Освободителю Александру Николаевичу II. Отъ богодарнаго русскаго народа 19 февраля 1911 года. М. 1911. Изд. А. С. Балашова. Тип. п./ф. Ломоносовъ (1-я Тверск.-Ямск., 24). 8⁰ (15×23) 8 стр. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Чистяковъ, С. Начало 1-го Финляндскаго стрѣлковаго полка. Ко дню столѣтняго юбилея 1811—1911 г.г. По даннымъ Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи. Митава. 1911. Тип. И. Ф. Штеффенгагена и Сына (Литейная, 22). 8⁰ (18×22). 36 стр. Вѣсъ 6 л. 1.150 экз.

Шахъ-Пароніанцъ, Леонъ. 1861 г.—19 Февраля 1911 г. Священной памяти Царя-Мученика Императора Александра II. (Стихотв.). Спб. 1911. Тип. В. Д. Смирнова (Екатерининскій кан., 45). 8⁰ (17×24). 4 стр. Вѣсъ 1 л. 1. 1.000 экз.

Шеръ, В. В. Исторія профессіональнаго движенія рабочихъ печатнаго дѣла въ Москвѣ. Матеріалы къ исторіи профессіональнаго движенія въ Россіи. Выпускъ IV. М. 1911. Изд. книгоизд. „Наука“. Тип. П. Рябушинскаго (Страстной бульваръ, св. д.). 8⁰ (14×21). XII+475 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 1 ф. 9 л. 1.000 экз.

Шубинскій, С. Н. Историческіе очерки и разсказы. Спб. 1911. Изд. 6-е. Тип. А. С. Суворина (Эртелевъ пер., д. 13). 8⁰ (17×26). VI+712 стр. Съ 89 рис. Ц. 4 р. Вѣсъ 3 ф. 6 л. 1.500 экз.

Аксаковъ, А. П. Отмѣна крѣпостного права на Руси. 1861—1911 г. Спб. 1911. Тип. Улей (Морская, 13—3). 8⁰ (15×22). 31 стр. Съ портр. Ц. 10 к. Вѣсъ 4 л. 13.000 экз.

Архивъ братьевъ Тургеневыхъ. Вып. I. Дневникъ и письма Н. И. Тургенева за 1806—1811 года. (I томъ). Подъ ред. и съ примѣч. Е. И. Тарасова. Спб. 1911. Изд. и тип. Академіи Наукъ. 4⁰ (20×26). XXXII+512 стр. Съ 4 табл. Ц. 3 р. Вѣсъ 3 ф. 20 л. 830 экз.

Ашевскій, С. Бѣлинскій въ оцѣнкѣ его современниковъ. Спб. 1911. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 8⁰ (17×23). VII+328 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 1 ф. 1 л. 3.000 экз.

Б—въ, Ю. Конспектъ по исторіи русскаго гражданскаго и уголовнаго права. Составл. по учебнику проф. Д. Я. Самоквасова. М. 1911. Тип. А. П.

Поплавскаго (Лялинъ пер., соб. д.). 8 (14×22). 29 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 4 л. 3.000 экз.

Бергъ, Александръ. Подвигъ командира 6-й егерской роты Куринскаго полка капитана Колодько въ 1837 году въ борьбѣ съ Шамилемъ. Пьеса для солдатскаго спектакля въ 1-й картинѣ. М. 1911. Изд. и тип. Театральной б-ки С. Ѳ. Разсолина (Тверская, Георгіевск. пер., 16). 8° (18×26). 7 стр. Вѣсъ 1 л. 110 экз.

Бороздинъ, А. К. Литературныя характеристики. Девятнадцатый вѣкъ. Томъ I. Спб. 1911. Изд. Кн-ства „Учебникъ“, 2-е, доп. Тип. „Энергія“ (Загородный пр., 17). 8° (17×24). VIII+375 стр. Складъ: Спб., Садовая. 18, книжн. складъ „Коммиссіонеръ“. Ц. 5 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 8 л. 3.000 экз.

Буланже, П. А. Толстой и Чертковъ. М. 1911. Изд. и тип. И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (13×21). 19 стр. Съ рис. Ц. 4 к. Вѣсъ 2 л. 1.000 экз.

Вакаръ. 19 февраля 1861—19 февраля 1911 г. Краткій историческій обзоръ дѣятельности крестьянскихъ учрежденій Кіевской губерніи за 50 лѣтъ въ связи съ очеркомъ современнаго положенія крестьянскаго дѣла. Кіевъ. 1911. Изд. Кіев. губ. по крестьян. дѣл. присут. Тип. Губ. правл. (Софійская пл., зд. прис. мѣстъ). 8° (18×26). 19 стр. Вѣсъ 5 л. 100 экз.

Валишевскій, К. Полное собраніе сочиненій. Т. II. Царство женщинъ. „Екатерина I, Анна, Елизавета. Ихъ интимная жизнь“. Полн. перев. съ франц. А. Гретманъ. М. 1911. Изд. Книгоизд. Сфинксъ (Петровка, 17). Тип. М. В. Балдина (Арбатъ, 7) 8° (20×28). 441 стр.+4 листа рис. Ц. 3 р. Вѣсъ 2 ф. 12 л. 2.000 экз.

Владимірскій-Будановъ, М, Ф. Das Russische Recht. Русская правда. Кіевъ. 1911. Тип. Акц. Об-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (18×26). 14 стр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Военскій, К. Отечественная война 1812 года въ запискахъ современниковъ. Спб. 1911. Тип. Глав. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40), 8° (16×25). 95 стр. Вѣсъ 11 л. 1.000 экз.

Вѣтринскій, Ч. Крѣпостное право и освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ. Историческій очеркъ. Н.-Новгородъ. 1911. Изд. 2-е Об-ства распр. нач. обр. въ Н.-Нов-дѣ. Тип. Нижегородское печ. дѣло. 16° (12×17). 68 стр. Съ портр. Ц. 5 к. Вѣсъ 3 л. 1.200 экз.

Граппре, К. де-. Примѣненіе Наполеономъ войскъ при оборонѣ. (По опыту обороны Неаполитанскаго королевства въ 1806 г.). Съ франц. Ан. Ш. Съ предисловіемъ А. Г. Елчанинова. Спб. 1911. Изд. Сѣв. книгоиздательства (Поварской пер., 12). Тип. П. П. Сойкина (Стремянная, 12). 8° (16×23). 140 стр. и 3 картъ. Ц. 1 р. Вѣсъ 21 л. 2.050 экз.

Гуревичъ, Я. Г. Историческая христоматія по Русской Исторіи. Томъ III. Спб. 1911. Изд. 3-е перераб. Тип. Стасюлевича (Вас. О., 5 л., 28). 8° (17×26). XVI+569 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 21 л. 4.000 экз.

Довнаръ-Запольскій, М. В. проф. На зарѣ крестьянской свободы. Публичныя чтенія о крѣпостномъ правѣ наканунѣ раскрѣпощенія и краткій ходъ реформы. Кіевъ. 1911. Тип. И. И. Чоколова (Фундуклеевская, 22). 8° (16×24). 238+2 нен. стр.+2 карты. Складъ кн. маг. Л. Идзиковскаго (Крещатикъ, 29), Ц. 1 р. Вѣсъ 28 л. 2.000 экз.

Древлянинъ, В. Просвѣщеніе крестьянъ. Дьячковская и церковно-

приходская школа четверть вѣка тому назадъ. Богуславъ. 1911. Тип. А. М. Лепскаго. 16⁰ (8×18). 8 стр. Вѣсъ 1 л. 150 экз.

Елеонскій, Ѳ. 19-е февраля. Н.-Новгородъ. 1911. Тип. Губ. Правленія. 16⁰ (11×17). 28 стр. Вѣсъ 2 л. 20 экз.

Жилинъ, А. А. Научная дѣятельность и труды профессора А. В. Романовича-Славатинскаго. Докладъ, прочитанный въ Собраніи Кіевскаго Юридическаго Общества 18-го сентября 1910 г. Кіевъ 1911. Тип. Акц. Об-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8⁰ (18×26). 16 стр. Вѣсъ 5 л. 100 экз.

Катаевъ, М. М. Мѣстныя Крестьянскія учрежденія (Историческій очеркъ ихъ образованія и нормъ дѣятельности). Ч. I. Спб. 1911. Изд Земск. Отд. Мин. Вн. Дѣлъ. Тип. Мин. Вн. Дѣлъ. 8⁰ (18×25). 128 стр. Вѣсъ 14 л. 1.000 экз.

Катаевъ, М. М. Очерки законоположеній о неотчуждаемости надѣльныхъ земель. Спб. 1911. Изд. Земскаго Отдѣла Мин. Вн. Дѣлъ. Тип. Мин. Внутр. Дѣлъ. 8⁰ (17×25). 139 стр. Вѣсъ 18 л. 1.000 экз.

Ковалевскій, Александръ. Освободительная реформа Императора Александра II и осуществленіе ея въ предѣлахъ Черниговской губерніи (1858—1861 г.г.). Юбилейное изданіе къ 19 февраля 1911 года. Кіевъ. 1911. Изд. автора (Театральная, 1). Тип. Губернскаго Правленія (Софійская пл., зд. Прис. М.). 4⁰ (22×30). XIV+84 стр. Съ 12 лист. портр. и рис. Ц. 75 к. Вѣсъ 30 л. 1.000 экз,

Коганъ, П. Бѣлинскій и его время. М. 1911. Изд. Заря (уг. Тверск. б. и М. Бронной). Тип. Обществен. Польза (Б. Тверск.-Ямская, 26). 8⁰ (15×23). 151 стр. Ц. 70 к. Вѣсъ 13 л. 5.000 экз.

Кранихфельдъ, Вл. П. Т. Г. Шевченко — пѣвецъ Украины. Критико-біографическій очеркъ 1861—1911. Спб. 1911. Изд. „Нов. Журнала для Всѣхъ“. Тип. Л. В. Гутмана (Калашниковскій пр. 13). 8⁰ (15×21). 96 стр. Адр. скл.: Спб. Невскій, 55, кн. складъ „Земля“. Ц. 50 к. Вѣсъ 10 л. 2.000 экз.

Лебедевъ, А. Поэтъ-христіанинъ Н. В. Гоголь въ русской литературѣ и искусствѣ (1829—1908) библіографическая монографія. Вып. II. Саратовъ. 1911. Изд. ред. Дух. Вѣстн. (Армянская). Тип. Союза печ. Дѣла (Армянская). 8⁰ (15×22). 59—242 стр. Вѣсъ 10 л. 200 экз.

Линникъ, Гр. Крѣпостное право въ Россіи. (Экономическія его основы). Кіевъ. 1911. Тип. Акц. Об-ва Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8⁰ (18×27). 26 стр. Вѣсъ 4 л. 80 экз.

Мемуары графини Головиной, урожденной графини Голицыной (1766—1821). Предисловіе и примѣчанія К. Валишевскаго. Полный переводъ съ французскаго К. Папудогло. Съ портретомъ гр. Головиной и принцессы Луизы Баденской. (Историческая библіотека Сфинкса. Т. I). М. 1911. Изд. Сфинксъ (Петровка, 17). Тип. Рекордъ (Б. Афанасьевск., 32). 8⁰ (17×23). 410 стр.+2 портр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 18 л. 2.500 экз.

Морозовъ, М. Очерки Новѣйшей Литературы. Спб. 1911. Изд. „Прометей“ (Поварской, 10). Тип. Общественная Польза (Б. Подъяч., 39). 8⁰ (17×24). 254 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 28 л. 2.100 экз.

Николаевъ, подполк. Краткія свѣдѣнія о боевой жизни 16-го пѣх. Ладожскаго полка съ 5-го Января 1708 г. по 1-е Декабря 1910 года. Варшава. 1911. Тип. Окр. Штаба (Саксонская пл., 7). 16⁰ (11×16). 18 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 1 л. 3.000 экз.

Освобожденіе крестьянъ. 1861 — 19 февраля — 1911. № 18. Спб. Изд. Русск. Народн. Союза Имени Михаила Архангела. Тип. Т-ва „Свѣтъ“ (Невскій просп., д. 136). 16⁰ (13 × 17). 52 стр. Ц. 5 коп. Вѣсъ 1 л. 25.000 экз.

Отечественная война 1812 года. Спб. 1911. Изд. М. Бархатова (Спб., Пушкинская, 10). Тип. Голике и Вильборгъ (Звенегород., 11). 4⁰ (26×35). 302 стр. Съ 270 рис. и карт. Вѣсъ 3 ф. 3.300 экз.

Покровскій, В. Иванъ Савичъ Никитинъ, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1910. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздвиж. п. с. д.). 8⁰ (16×25). 167 стр. Складъ: кн. маг. В. Спиридонова и А. Михайлова (Столешниковъ п., д. Ліанозова). Ц. 50 к. Вѣсъ 17 л. 3.000 экз.

Романовскій, В. Е. Государственныя учрежденія древней и новой Россіи. Для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. М. 1911. Изд. І. Кнебель (Петровскія линіи, 13—14). Тип. А. А. Левенсонъ (Мамоновскій пер., соб. д.). 8⁰ (17×26). IV+1 нен.+452 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 30 л. 3.000 экз.

Русская женщина въ гравюрахъ и литографіяхъ. Выставка портретовъ. Спб. 1911. Изд. Кружка любителей изящныхъ изданій. Тип. Голике и Вильборгъ. 8⁰ (17×24) 64 стр. Съ 15 рис. Ц. 3 р. Вѣсъ 26 л. 350 экз.

Сборникъ въ память П. И. Мельникова (Андрея Печерскаго). Н.-Новгородъ. 1911. Изд. Нижегор. Губ. Учен. Арх. Комис. Тип. Т-ва Машистова. 8⁰ (17×25). Ш+Ш+313+VII+328+VI+II нен. стр.+1 табл.+1 портр. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсъ 2 ф. 9 л. 450 экз.

Сборникъ матеріаловъ по Русско-Турецкой войнѣ 1877—78 г.—на Балканскомъ полуостровѣ. Вып. 82. Отчетъ по управленію военными сообщеніями Дѣйствующей Арміи. Спб. 1910. Изд. Воен.-Истор. Ком. Глав. Упр. Ген. Штаба. Тип. Энергія (Загор. просп., 17). 4⁰ (20×30). VII+416 стр. и 3 карты. Вѣсъ 2 ф. 28 л. 200 экз.

Сидоровъ, А. Къ пятидесятилѣтію освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. 19-го февраля 1861 г.—19-го февраля 1911 г. М. 1911. Изд. Гор. Скл. Учеб. Пос. Тип. Городская. 8⁰ (15×22). 40 стр.+1 портр. Вѣсъ 5 л. 10.000 экз.

Соловьевъ, Владиміръ Сергѣевичъ. Письма. Томъ III. Подъ ред. Э. Л. Радлова. Спб. 1911. Тип. т-ва „Общественная Польза“ (Б. Подъяческ., 39). 8⁰ (17 × 24). 336 + II стр. Ц. 2 руб. Вѣсъ 1 ф. 4 л. 4.000 экз.

Хоцяновъ, К. Рѣчь о Н. В. Гоголѣ по случаю столѣтія со дня его рожденія (произнесенная 20-го марта 1909 г. въ Псковскомъ Кадетскомъ Корпусѣ). Псковъ. 1910. Тип. „Трудъ и Знаніе“. 16⁰ (12×18). 22 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 400 экз.

Чертковъ, В. О послѣднихъ дняхъ Льва Николаевича Толстого. Записки (Изъ №№ 12 и 13 „Русскихъ Вѣдомостей“ за 1911 годъ). Раненбургъ. 1911. Тип. Бр. Колпаковыхъ. 8⁰ (15 × 21). 32 стр. Вѣсъ 3 л. 2.000 экз.

Штейнъ, фонъ. Краткая исторія 141-го пѣхотнаго Можайскаго полка для нижнихъ чиновъ. По 1-е сентября 1910 г. Орелъ. 1911. Тип. А. А. Легунова. 16⁰ (11×17). 34 стр. Вѣсъ 2 л. 5.000 экз.

Александровъ, А. И., проф. Царь-Освободитель, Преобразователь и Просвѣтитель Россіи Императоръ Александръ II. Казань. 1911. Изд. Ка-

занск. об. трезв., 7-е. Тип. университета. 8° (15×23). 32 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 6.000 экз.

Антикварная книжная торговля П. Шибанова. Новыя пріобрѣтенія. № 161. М. 1911. Тип. А. И. Снегиревой. 16° (12×17). 32 стр. Вѣсъ 2 л. 1.225 экз.

Булычевъ, Н. И. Архивныя свѣдѣнія, касающіяся отечественной войны 1812 года по Калужской губерніи (Калужское Дворянское Ополченіе). Калуга. 1911. Тип. Губ. правленія. f° (30×43). 34+161 стр. Съ рис. и картою. Вѣсъ 5 ф. 400 экз.

В. А. Бородинское сраженіе 26-го августа 1812 г. Краткій исторический опытъ. М. 1911. Изд. Спасо-Бородинск. монастыря. Тип. А. Снегиревой (Савеловскій пер. св. д.). 16° (13×17). 64 стр. Съ рис. +1 карта. Вѣсъ 5 л. 1.600 экз.

Вороновъ, А. А. Патріархъ Филаретъ. Спб. 1911. Изд. Постоянной Комиссіи народныхъ чтеній, 2-е. Тип. И. В. Леонтьева. (Басковъ пер., 4). 8° (12×18). 32 стр. Съ портр. Ц. 8 к. Вѣсъ 2 л. 6.000 экз.

Времена крѣпостного права. Дворня. (Библіотека новой школы. Для старшихъ. № 3). Тулупова, Н. В. и Шестакова, П. М. М. 1911. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина, 2-е (Пятницкая, соб. д.). 16° (13×17) 48 стр. Ц. 4 к. Вѣсъ 2 л. 10.000 экз.

Времена крѣпостного права. Деревня. Для старшихъ. Библіотека новой школы. Тулупова, Н. В. и Шестакова, П. М. М. 1911. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина, 2-е (Пятницкая, с. д.). 16° (13×17). 47+1 нен. стр. Ц. 4 к. Вѣсъ 2 л. 10.000 экз.

Въ кружкѣ ревнителей памяти Отечественной войны 1812 г. М. 1911. Тип. В. М. Саблина (Петровка, д. Обидиной). 8° (16×26). 2 стр. Вѣсъ 1 л. 70 экз.

Галаховъ, Іаковъ, прот., Левъ Николаевичъ Толстой и его религіозное міровоззрѣніе. Томскъ. 1911. Изд. Попеч. о бѣдн. Тип. Дома трудолюбія. 8° (16×23). 28 стр. Ц. 15 к. Вѣсъ 2 л. 200 экз.

Грабарь, Игорь. Исторія Русскаго Искусства. Вып. 8-й. Спб. 1911. Изд. І. Кнебель (Москва). Тип. Р. Голике и А. Вильборгъ (Звенигородская 11). 4° (24×31). 142 стр. Съ рис. Ц. 1 руб. 60 коп. Вѣсъ 2 ф. 15.000 экз.

Евреиновъ, Н. Крѣпостные актеры. Историческій очеркъ. Спб. 1911. Изд. и тип. Дирекціи Спб. Имп. Театровъ. (Моховая, 40). 8° (21×24). 80 стр. Съ рис. Ц. 1 р. Вѣсъ 16 л. 250 экз.

Жеваховъ, Н. Д., кн. Святитель Іоасафъ Горленко, Епископъ Бѣлгородскій и Обоянскій. (1705†1754). Матеріалы для біографіи. Томъ III. Дополнительный. Кіевъ. 1909. Изд. кн. Жевахова. Тип. Кіево-Печер. Успенск. Лавры. 8° (18×26). 752+1 нен. стр.+4 листа рис. Ц. 3 р. Вѣс. 4 ф. 22 л. 1.125 экз.

Жизнь и подвиги схимонаха Ѳеодора. Казанск. Амвросіев. жен. пустынь. 1910. Изд. 4-е, Козельск. Введен. Оптин. Пустыни. Тип. Казанск. Амвросіевск. жен. пустыни, 8° (15×22). 61 стр. Вѣсъ 6 л. 3.000 экз.

Записки московскаго Археологическаго Института издаваемыя подъ редакціей А. И. Успенскаго. Т. IX. М. 1911. Тип. А. И. Снегиревой. (Савеловскій пер., с. д.). 8° (18×27). 160+125+2 стр. Съ рис. Ц. 5 руб. Вѣсъ 2 ф. 3. л. 600 экз.

Зѣнченко, Т. Енисейская губернія. Полтава 1911. Изд. Бюро Обл.

Пересел. Орг., 2-е. Тип. И. Фришберга (ул. им. Котляревскаго). 8° (15×22) 24+1 нен. стр.+1 карта. Вѣсъ 4 л. 1.000 экз.

Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Вып. 22. М. 1911. Изд. Т-ва Міръ (Знаменка, 9). Тип. И. Кушнерева и К° (Пименовск., с. д.). 8° (19×28). 321—374+32 стр.+4 портр. Вѣсъ 21 л. 13.000 экз.

Коробка, Н. И. Опытъ обзора исторіи русской литературы. Для школъ и самообразованія. Часть I. Вып. 2. Спб. 1911. Изд. Т-ва „Петерб. учебн. магазинъ“ (Пет. ст., Б. пр., 10). Тип. М. П. Фроловой (Галерная, 6). 8° (16×23). 136+VI стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 14 л. 5.000 экз.

Крачковскій, И. Легенда о Св. Георгіи Побѣдоносцѣ въ арабской редакціи (Оттискъ изъ журнала „Живая Старина“, вып. III, 1910 г.). Спб. 1911. Тип. Мин. Путей Сообщенія (Фонтанка 117). 8° (16×24). 18 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Крестьянинъ, К. О равенствѣ съ разборомъ писательской дѣятельности гр. Л. Н. Толстого. Кіевъ. 1911. Тип. Русская Печатня (Михайловскій пр., 20). 8° (13×17). 96 стр. Складъ: Н. К. Максимовъ (Тургеневская, 41). Ц. 10 к. Вѣсъ 5 л. 5.000 экз.

Лукомскій, В. и Тройницкій, С. Списки Лицамъ, Высочайше пожалованнымъ дипломами съ гербами на дворянское достоинство Всероссійской Имперіи и Царства Польскаго. Спб. 1911. Тип. Сиріусъ (Соляной, 7). 8° (17×23). 79 стр. Ц. 85 к. Вѣсъ 11 л. 500 экз.

Марксъ, Н. Азбука-пропись временъ Царя Михаила Ѳеодоровича. М. 1911. Изд. Моск. Археологическ. института. Тип. А. Снегиревой. 8° (18×27). 16 стр. Вѣсъ 9 л. 600 экз.

Мурзановъ, Н. А. Правительствующій Сенатъ (Господа—Сенатъ)—22 февр. 1711—22 февр. 1911. Списокъ Сенаторовъ. Спб. 1911. Тип. Сенатская. 4° (23×32). 55 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 22 л. 500 экз.

Мятлева, Т. П. Происхожденіе самобытной русской народности и Россія въ стародавнія времена до образованія русскаго государства. Часть I. Вып. I—III. Спб. 1910. Тип. Синодальная. 8° (17×26). XXIV+130+2 нен. + III+142+II+71 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 ф. 24 л. 3.000 экз.

Мятлева, Т. П. Исторія Русскаго Государства и Православной Церкви. Часть. II. Вып. I—III. Спб. 1911. Тип. Синодальная. 8° (17×26). 187+143+187 стр. Съ рис. Вѣсъ 2 ф. 8 л. 3.000 экз.

Назаревскій, В. В. Патріархъ Гермогенъ, народныя ополченія Д. М. Пожарскаго и К. З. Минина и избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. Къ трехвѣковымъ юбилеямъ 1912 и 1913 годовъ. Чтенія для Московскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ. М. 1911. Тип. Т-ва И. Д. Сытина. 8° (19×27). 104 стр. Съ рис. Вѣсъ 18 л. 4.000 экз.

Народная энциклопедія научныхъ и прикладныхъ знаній. Томъ VII. Языкознаніе и исторія литературы. М. 1911. Изд. Харьков. об-ва распр. въ нар. грамотн. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (17×25). VIII+612 стр. Съ рис.+1 карта. Вѣсъ 2 ф. 10.000 экз.

Носковъ, Георгій. Откуда явилась секта баптистовъ на Руси и давно ли она существуетъ по даннымъ самихъ же баптистовъ (Обличеніе баптистовъ на основаніи Св. писанія и ихъ же литературы). Балашовъ. 1911. Изд. 3-е. Тип. И. П. Бѣлова и К°. 16° (12×18). 32 стр. съ портр. Ц. 5 к. Вѣсъ 1 л. 3.000 экз.

Носковъ, Георгій. Откуда явилась секта баптистовъ на Руси и

давно ли она существуетъ по даннымъ самихъ же баптистовъ (Обличеніе баптистовъ на основаніи св. писанія и ихъ же литературы). Балашовъ. 1911. Изд. автора 4-е. Тип. И. П. Бѣлова и К°. 16° (11×18). 32 стр. Съ портр. Ц. 5 к. Вѣсъ 2 л. 500 экз.

Обнинскій, Викторъ. Новый строй. Часть I. Манифестъ 17-го октября 1905 г.—8 іюля 1906 г. М. 1911. Изд. Образованіе (за Тверск. Застав., д. 34—7). Тип. Рус. Т-ва (Мыльниковъ п., с. д.). 8° (18×26). 157 стр.+6 лист. рис. Вѣсъ 1 ф. 8 л. 5.000 экз.

Обнинскій, Викторъ. Новый строй. Часть II. Реакція. М. 1911. Изд. Образованіе (3-я Тверск. Ямск., д. 46—7). Тип. Рус. Т-ва (Мыльниковъ пер., с. д.). 8° (18×26). 163—327 стр.+5 лист. рис. съ портр. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 5.000 экз.

Озеровъ, С. Историческія свѣдѣнія о Лефортовѣ и описаніе петропавловскаго храма (1711—1911 г.г.). Юбилейное изданіе для мѣстныхъ жителей. М. 1911. Тип. И. Ефимова (Бол. Якиманка, соб. д.). 8° (16 × 24). 62+II стр. Съ рис. Ц. 20 к. Вѣсъ 9 л. 2.000 экз.

Покровскій, К. Литературныя вліянія и отзвуки въ поэзіи Никитина М. 1911. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздвиж. п., 9). 8° (17×25). 31 стр. Вѣсъ 6 л. 50 экз.

Солодовниковъ, Д. Д. Въ Московскомъ царствѣ. Историческія картинки. Библіотека для семьи и школы. М. 1911. Изд. Ред. журн. Юная Россія (Б. Молчановка, 18), 3-е. Тип. К. Л. Меньшова (Арбатъ, Никольскій пер., 21). 8° (16×21). 95 стр. Съ рис. Ц. 30 к. Вѣсъ 10 л. 3.600 экз.

Титовъ, Ѳ. Пр. Пятидесятилѣтіе освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. (1861 г.—19 февраля 1911 г.). Кіевъ. 1911 Изд. Кіев. Св. Владимірск. Бр-ва. Тип. Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (17×24). 23 стр. Вѣсъ 2 л. 1.000 экз.

Труды Московскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Восточно-историческаго общества. Т. I. Росписной списокъ г. Москвы 1634 года. Подъ ред. И. С. Бѣляева. Съ планомъ г. Москвы 1634 года. М. 1911. Тип. Университетская. 4° (22×31). XXXX+313 стр. Складъ: Пречистенка, д. Штаба Округа. Ц. 4 р. Вѣсъ 1 ф. 29 л. 600 экз.

Труды Общества Изслѣдователей Волыни. Т. IV. 1911 г. Житоміръ. 1911. Тип. М. Денемана (Михайловская, 6). 8° (14×22). 198+7+12+1 нен. стр.+6 табл. Вѣсъ 24 л. 600 экз.

Шантгай, И. Н. „Прекрасное Россіи упованье". Краткій очеркъ жизни и царствованія Царя Освободителя ко дню 50-лѣтія освобожденія крестьянъ (19 февр. 1861 г.—19 февр. 1911 г.), Варшава. 1911. Изд. автора (5-я мужская гимназія). Тип. XX вѣкъ (Братская, 13). 8° (14×21). 27 стр.+1 портр. Складъ: кн. маг. Карбасникова. Ц. 15 к. Вѣсъ 4 л. 1.000 экз.

Шереметевъ, С. гр. Татьяна Васильевна Шлыкова 1773—1863. Спб. 1911. Изд. 2-е. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 51). 8° (17×25). 42 стр. Вѣсъ 13 л. 300 экз.

Щегольковъ, Николай. Историческія свѣдѣнія о городѣ Арзамасѣ. Арзамасъ. 1911. Тип. Н. Доброхотова. 4° (26×43). 281 стр. Съ рис. Вѣсъ 2 ф. 30 л. 500 экз.

Акты, издаваемые Виленскою коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Т. XXXV. (1751—1789). Инвентари старостъ, имѣній, фольварковъ

и деревень за вторую половину XVIII вѣка. Вильна. 1910. Тип. Русскій Починъ (Сиротская, 20). 4° (24 × 31). XXXII + 624 стр. Вѣсъ 3 ф. 23 л. 400 экз.

Алавердянцъ, М. Я. Новыя данныя изъ армянской литературы о Нинѣ Александровнѣ Грибоѣдовой (къ біографіи А. С. Грибоѣдова). Отд. отт. изъ „Русской Старины“ за 1911 г. Спб. 1911. Тип. Н. Я. Стойковой. 8° (16×25). 14 стр. Вѣсъ 3 л. 200 экз.

Антикварная книжная торговля В. И. Клочкова. Каталогъ № 504. Спб. 1911. Тип. Арнгольда (Литейный, 59). 8° (17 × 24). 16 стр. Вѣсъ 3 л. 1.500 экз.

Борзаковскій, П. Великій русскій ученый и писатель-поэтъ Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Съ портретами, образцами сочиненій, факсимиле и рисунками. Одесса. 1911. Изд. автора (Лютеранск. пер., 4), Тип. Л. Нитче (ул. Кондратенко, 30), 8° (14×20). 64 стр. Съ портр. и рис. Ц. 20 к. Вѣсъ 5 л. 1.000 экз.

Бѣлинскій, В. Г. Статьи о Лермонтовѣ. Съ приложеніемъ біографіи Лермонтова, библіографическаго указателя литературы о Лермонтовѣ и списка темъ для самостоятельныхъ работъ по его сочиненіямъ. Литературная библіотека № 3. Вильна. 1910. Изд. Сѣв.-Зап. Книгоизд. Тип. А. Г. Сыркина (Большая, соб. д.). 8° (14 × 22). XXIX + 168 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 15 л. 2.000 экз.

Веселовскій, Борисъ. Исторія Земства. Томъ четвертый. Спб. 1911. Изд. Изд-ства О. Н. Поповой. Тип. „Русская Скоропечатня“ (Екатерининскій кан., 94). 8° (19×27). VIII+696+104+XXIX стр. Складъ: Спб., Невскій пр., д. 54. Ц. 20 р. за 4 тома. Вѣсъ 3 ф. 26 л. 1.050 экз.

Дмитріевъ, Н. 50-лѣтіе освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости (1861 г. 19 февр. 1911 г.). Одесса. 1911. Тип. С. Скарлато и А. Доменскаго (Красный пер., 5). 8° (14×21). 42 стр. Вѣсъ 4 л. 10.000 экз.

Изъ архива тайныхъ дѣлъ. Спб. 1911. Изд. Общ. Ревнит. Рус. ист. просвѣщенія. Тип. М. М. Стасюлевича. 8° (20×28). 146 стр. Вѣсъ 1 ф. 2 л. 100 экз.

Классики русской литературы Ч. I. Памятники древнѣйшей русской литературы (отъ начала письменн.), Кантемиръ, Ломоносовъ, Сумароковъ, Екатерина II, Херасковъ, Озеровъ, Фонъ-Визинъ, Державинъ, Карамзинъ, Жуковскій. М. 1911. Изд. Н. А. Степанова (Гранатный пер., 8). Тип. Т-ва Печатня С. П. Яковлева. 8° (15×22). II+90 стр. Ц. 75 к. Вѣсъ 8 л. 2.000 экз.

Колосовъ, В. И. Тверской Музей и его пріобрѣтенія въ 1908 и 1909 годахъ. Тверь. 1911. Тип. Губернская. 8° (16×25). 72 стр. Вѣсъ 6 л. 300 экз.

Корененко, К. И. Просвѣщеніе и школы въ Россіи въ XVII вѣкѣ. Историческій обзоръ возникновенія и развитія школъ въ Россіи со времени введенія христіанства до царствованія Петра Великаго. Севастополь. 1911. Тип. Ф. Антекмана (Нахимовская, 42). 8° (15×21). 30 стр. Складъ: кн. маг. Н. Протопоповой (Нахимовскій прос., 7). Ц. 15 к. Вѣсъ 4 л. 1.050 экз.

Кузнецовъ, Н. Д. Русская художественная литература въ отношеніи къ вопросамъ религіи. Спб. 1911. Тип. Алекс.-Невск. Общ. Трезв. (Обводный, 116). 8° (15×21). 40 стр. Ц. 35 к. Вѣсъ 4 л. 500 экз.

Мальковскій, Владиміръ. Народное сказаніе объ исчезнувшемъ храмѣ Святого Сергія, бывшемъ нѣкогда близъ деревни Тельцово, Рыбин-

ской волости, Бѣжецкаго уѣзда и объ иконѣ святителя Николая, Мирликійскаго чудоворца, именуемой по народному преданію „Никола на Бреневѣ или Никола Лаптево". Опытъ историко-археологическаго изслѣдованія съ приложеніемъ рисунка иконы Св. Николая. Тверь. 1911. Тип. губернская. 8⁰ (16×26). 32 стр.+1 листъ рис. Вѣсъ 3 л. 1.000 экз.

Муравьевъ, А. Н. Памятная записка для будущаго. Изъ бумагъ Андрея Николаевича Муравьева. Спб. 1911. Изд. Общ. Ревнит. Русс. Истор. Просвѣщен. Тип. М. М. Стасюлевича. 8⁰ (19×27). 4 стр. Вѣсъ 1 л. 100 экз.

Мятлева, Т. П. Древнѣйшая карта всей мѣстности намъ современной Россіи и прилежащихъ къ ней странъ исторической эры отъ 500 л. до Р. Х. и по 4-е столѣтіе послѣ Р. Х., согласно представленію Геродота и позднѣйшимъ ея измѣненіямъ до нашествія Гунновъ. Спб. 1911. Тип. Ильина (Пряжка, 5). f⁰ (52×70). 1 листъ. Вѣсъ 4 л. 3.000.

Мятлева, Т. П. Древняя карта всей мѣстности намъ современной Россіи и прилежащихъ къ ней странъ послѣ нашествія Гунновъ приблизительно до IX и X столѣтія. Спб. 1911. Тип. Ильина (Пряжка, 5) f⁰ (52×70). 1 л. Вѣсъ 4 л. 3.000 экз.

Партизаны 1812 года Давыдовъ, Фигнеръ, Сеславинъ. (Отечественная библіотека, № 5). Спб. 1911. Изд. Всерос. національ. клуба, 2-е Тип. А. Суворина (Эртелевъ пер., 13). 8⁰ (15×21). 50 стр. Съ рис. Ц. 15 к. Вѣсъ 5 л. 10.000 экз.

Перевозникова, И. П. „Положеніе книжнаго дѣла въ Россіи" (разсужденіе стараго книжника). Спб. 1911. Тип. Болянской (Загородный пр. 74). 8⁰ (15 × 21). 72 стр. Адр. изд.: Спб. Банковск. пер., 31 — 32. Вѣсъ 5 л. 1.200 экз.

Содержаніе. 1) Можетъ ли существовать Всероссійское Общество Книгопродавцевъ и издателей при тѣхъ условіяхъ, какими оно сформировалось 12 ноября 1910 г. по новому уставу?

Переписка по дѣлу о развращеніи отставнымъ штабсъ-капитаномъ Митьковымъ своихъ дворовыхъ людей въ понятіяхъ христіанской религіи чтеніемъ рукописнаго стихотворенія „Гавриліады", а также о допросѣ по этому дѣлу А. С. Пушкина и его письменныхъ отвѣтахъ на вопросномъ листѣ, имъ лично подписанномъ 1828 г. Спб. 1911. Изд. общ. ревнителей рус. инст. просвѣщ. Тип. М. М. Стасюлевича. 8⁰ (20×28). 30 стр. Вѣсъ 8 л. 100 экз.

Петрушевскій, А. Разсказы про старое время на Руси отъ начала Русской земли до Петра Великаго. М. 1911. Изд. В. В. Думнова. 17-е Тип. Г. Лиснера и Д. Собко (Крестовоздвиженскій пер., с. д.). 8⁰ (15×22). 352 стр. Съ рис. Ц. 75 к. Вѣсъ 25 л. 2.100 экз.

Пожерскій, О. 26-я Артиллерійская бригада въ войну съ Японіей въ 1901 — 1905 г.г. Краткій очеркъ. Гродно. 1910. Изд. автора. Тип. К. Крамковскаго. 8⁰ (14×21). 55+1 нен. стр. +10 схемъ. Ц. 75 к. Вѣсъ 7 л. 200 экз.

Порфирьевъ, С. Нѣсколько данныхъ о приказномъ управленіи въ Казани въ 1627 году. (Отд. от. изъ XVII-го т. „Извѣстій об-ва археол., исторіи и этнографіи" за 1911 г.). Казань. 1911. Тип. университета. 8⁰ (17×25). 12 стр. Вѣсъ 2 л. 50 экз.

Романовъ, Е. Р. Археологическій очеркъ Гомельскаго уѣзда (Могилевской губерніи). Вильна. 1910. Изд. Сѣв. Зап. отд. Русск. Геогр. Общ.

Тип. А. Г. Сыркина (Большая, соб. д.). 8° (16×25). 32 стр. Съ рис. Ц. 50 к. Вѣсъ 4 л. 200 экз.

Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества. Т. 133. Акты, документы и Матерьялы для политической и бытовой исторіи 1812-го года Подъ ред. К. Военскаго. Т. II. Балтійская окраина въ 1812 году Спб 1911. Изд. И. Рус. Историч. Общества. Тип. Штольценбурга (Моховая, 32) 4° (20×28). LIII+573 стр.+10 табл. Ц. 5 р. Вѣсъ 3 ф. 14 л. 1.250 экз.

Сборникъ статей, посвященныхъ Сергѣю Ѳедоровичу Платонову. Спб. 1911. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая 40). 8° (16×23). XVII+568 стр.+1 портр. Ц. 2 р. Вѣсъ 2 ф. 15 л. 1.000 экз.

Семеновъ, Вл. „Флотъ“ и „Морское вѣдомство“, до Цусимы и послѣ. Спб. 1911. Изд. 2-е, посмертное и тип. Вольфъ (Вас. Остр., 16 л., св. д.). 8° (15×21). 109 стр. Ц. 90 к. Вѣсъ 12 л. 3.000 экз.

Соловьевъ, С. М. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Кн. Т. VI—X. Спб. 1911. Изд. 3-е и тип. тов. „Обществ. Польза“ (Б. Подъяческая, 39). 8° (20×28). XI+1726 столб. (въ 2 ст.). Вѣсъ 3 ф. 17 л. 3.500 экз.

Списки воеводъ и дьяковъ по Казани и Свіяжску, составленные въ XVII ст. (Отд. от. изъ XXVII-го т. „Извѣстій об-ва археол. исторіи и этнографіи“ за 1911 г.). Казань. 1911. Тип. Университета. 8° (16×24). 14 стр. Вѣсъ 2 л. 50 экз.

Товаровъ, А. Историческій очеркъ Минской губерніи въ начальную пору существованія Русскаго государства (отъ основанія Русскаго государства до распространенія господства Литвы). Минскъ. 1910. Тип. С. А. Некрасова (Захарьев., 52). 8° (14×20). 42 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 3 л. 1.200 экз.

Троцкій-Сенютовичъ, П. Н. Прошлое и настоящее Финляндіи. Спб. 1911. Тип. Орлова (Мытнинская, 11). 8° (15×22). 25 стр. Съ рис. Ц. 30 к. Вѣсъ 3 л. 700 экз.

Устимовичъ, М. П. Ченстоховская икона Богородицы. Ченстоховскій монастырь. Городъ Ченстоховъ. Историческое сказаніе. Варшава. 1911. Изд. варшав. православ. Св.-Троицкаго бр. (Долгая, 15). Тип. Губернская (Медовая 20). 8° (15×22). 58 стр.+1 лист. рис. Вѣсъ 6 л. 1.000 экз.

Фоминъ, И. А. Каталогъ исторической выставки архитектуры и художественной промышленности. Спб. 1911. Тип. Сиріусъ (Соляной 7). 8° (16×21). 95 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 18 л. 300 экз.

Хронологическій указатель военныхъ дѣйствій русской арміи и флота. Т. III.—1826—1854 г.г. Спб. 1911. Тип. Военная (въ зданіи Гл. Штаба). 8° (17×26). 202 стр. Вѣсъ 29 л. 1.040 экз.

Чечулинъ, Н. Д. Малорусскія басни Л. И. Глѣбова. Спб. 1911. Тип. Сенатская, 8° (16×24). 24 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Шахъ-Пароніанцъ, Л. М. Учебные наброски на темы изъ курса исторіи русской словесности. (Историко-литературныя характеристики). Первая часть. Спб. 1911. Изд. изд-ва „Русская Филологія“ (Мойка, 30 кв. 7). Тип. В. Д. Смирнова (Екатерин. кан., 45). 8° (16×24). 184 стр. Ц. 1 р. 20 к. Вѣсъ 21 л. 3.200 экз.

Эльмановичъ, Н. Н. Руководственныя указанія при чтеніи литературныхъ произведеній. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Бѣлевъ. 1911. Тип. М. А. Глаголева (Мухн. площ., д. Бородина). 8° (17×26). 40 стр. Вѣсъ 5 л. 300 экз.

Яблоневъ, Симеонъ, свящ. Исторія г. Скопина. Къ 300-лѣтнему

юбилею дома Романовыхъ. Рязань. 1911. Тип. Б-ва св. Василія. 8° (16×24). 25 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи. Отдѣленіе III (1786—1869 г.г.). Т. I. (1796—1803 г.г.). Съ предисловіемъ, введеніемъ и примѣчаніями прот. Ѳ. И. Титова. Кіевъ. 1911. Тип. И. И. Чоколова (Фундуклеевская. 22). 8° (18×26). LX+791+1 стр. Ц. 4 р. Вѣсъ 2 ф. 21 л. 500 экз.

Александровичъ Ю. Исторія новѣйшей русской литературы. 1880—1910 г. ч. I. Чеховъ и его время. М. 1911. Изд. Книгоизд. Сфинскъ (Петровка, 17). Тип. А. Л. Будо (Мясницк., 20). 8° (16×12). 288 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 31 л. 2.000 экз.

Багалѣй, Д. И., проф. Очерки изъ русской исторіи. Т. I. Статьи по исторіи просвѣщенія. Харьковъ. 1911. Тип. Печатное Дѣло (Конторская, Клещ., 3). 8° (18×27). III+624 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 2 ф. 15 л. 900 экз.

Боржковскій, В. В. Старый городъ (Очерки современнаго его положенія). Винница. 1911. Тип. Преемн. Р. Б. Шерра. 8° (18×26). 11 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 200 экз.

Брянчаниновъ, Анатолій. Старины и былины Печорскаго края (въ стихахъ). Харьковъ. 1911. Тип. Мирный Трудъ. (Дѣвичья, 14). 8° (15×23). 11+160 стр. Вѣсъ 13 л. 200 экз.

Бѣлинскій, В. Г. Сочиненія въ 4-хъ томахъ. Съ избранными письмами Бѣлинскаго. Со справочнымъ указателемъ соч. Бѣлинскаго Т. I—IV. Кіевъ. 1911. Изд. Южно-Рус. Книг. Ф. А. Іогансона (Татарская, 35—37), 4-е. Тип. И. И. Чоколова (Фундуклеевская, 22). 8° (19×28). 746+682+756+ +667+X стр. съ портр. Ц. 3 р. Вѣсъ 6 ф. по 4.000 экз.

Вопросы теоріи и психологіи творчества (Томъ I). Пособіе при изученіи теоріи словесности въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Статьи: Е. Аничкова, А. Горнфельда, Д. Овсянико-Куликовскаго, Т. Райнова, К. Тіандера, В. Харціева и Б. Лезина. Подъ ред. Б. А. Лезина. Харьковъ. 1911. Изд. 2-е, Б. А. Лезина. Тип. Мирный Трудъ (Дѣвичья, 14). 8° (15×24). IV+432 стр.+2 портр. Складъ: кн. маг. Новое Время Ц. 1 р. 75 к. Вѣсъ 1 ф. 6 л. 4.000 экз.

Гогель, С. К. Правительствующій Сенатъ въ XIX столѣтіи (Оттискъ изъ юбилейной исторіи Сената). Спб. 1911. Тип. Сенатская. 4° (23×31). 200 стр. Вѣсъ 1 ф. 20 л. 150 экз.

Квитковъ, В. М. Указатель цѣнъ на русскія монеты съ 1700 по 1904 годъ. (Руководство побочнаго заработка). М. 1911. Изд. 2-е. Тип. Ломоносовъ (Тверская-Ямская, д. Соловьева). 8° (15×22). 62+1 нен. стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 7 л. 500 экз.

Кизеветтеръ, А. А. Петръ Великій за границей. М. 1911. Изд. Книгоизд. Школа, 3-е. Тип. Вильде (М. Кисловка, с. д.). 16° (13×18). 30 стр. съ рис. и портр. Ц. 10 к. Вѣсъ 2 л. 6.000 экз.

Ковалевскій, М. Незамѣченный курсъ. Къ вопросу о курсѣ исторіи въ III кл. мужскихъ гимназій. Казань. 1911. Тип. университета. 8° 16 стр. Вѣсъ 1 л. 200 экз.

Колюбакинъ, Б. М. Воспоминаніе графа Константина Константиновича Бенкендорфа о Кавказской лѣтней экспедиціи 1845 года. Спб. 1911. Тип. Стойковой (Знаменская, 27). 8° (16×25). 123 стр. Съ рис. Вѣсъ 13 л. 150 экз.

Крѣпостное право и его отмѣна. Книжка для чтенія на третьемъ году

обученія. Библіотека новой школы. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. М. 1911. Изд. и тип. И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 16° (13×17). 62+II нен. стр. съ рис. Ц. 5 к. Вѣсъ 3 л. 6.000 экз.

Масонство или великое царственное искуство братства вольныхъ каменщиковъ какъ культуроисповѣданіе. (Историко-философскій очеркъ). Спб. 1911. Изд. автора. Тип. А. С. Суворина (Эртелевъ, 13). 8° (19×25). 80 стр. Вѣсъ 14 л. 1.000 экз.

Освобожденіе крестьянъ (19 фев. 1861 г.—19 фев. 1911 г.). Библіотека „Хуторянина“ вып. 8. Полтава. 1911. Тип. Д. Н. Подзескаго (Петровская, соб. д.). 8° (15×23). 31 стр.+1 портр. Вѣсъ 3 л. 30.000 экз.

Писаревъ, Н., свящ. Крестьянскій вопросъ въ Россіи и рѣшеніе его при Императорѣ Александрѣ II въ 1861 году. (Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи казанской духовной академіи 19-го февраля 1911 года). Казань. 1911. Тип. Центральная (Домбровскаго). 8° (16×24). 42 стр. Вѣсъ 4 л. 300 экз.

Прилуко-Прилуцкій, Н. Г. Корифеи Русскаго слова. Вып. XIV. Ал. Толстой. Жизнь и Творчество. Спб. 1911. Изд. „Оросъ“ (Итальянская, 27). Тип. Герольдъ (Из. п., 4 рота, 26). 8° (17×23). 94 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 10 л. 5.000 экз.

Прилуко-Прилуцкій, Н. Г. Корифеи Русскаго слова. Вып. VI. Державинъ. Жизнь и Творчество. Спб. 1911. Изд. „Оросъ“ (Итальянская, 27). Тип. Герольдъ (Из. п., 4 рота, 26). 8° (18×23). 108 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 11 л. 5.000 экз.

Смирновскій, П. Сборникъ статей, какъ приложеніе къ учебнику теоріи словесности. Часть II. М. 1911. Изд. А. С. Панафидиной (Лялинъ пер., с. д.), 6-е. Тип. В. Чичерина (Марьинск. уч., с. д.). 8° (15×33). VIII+267 стр. Ц. 75 к. Вѣсъ 24 л. 10.000 экз.

Тарапыгинъ. Ѳ. А. Извѣстные русскіе дѣятели. Краткое ихъ жизнеописаніе. Редакція В. Б. Глинскаго. Выпускъ 7. Спб. 1911. Тип. Леонтьева (Басковъ пер., 4). 4° (28×20). 24 стр. Съ рис. Ц. 25 к. Вѣсъ 6 л. 1.000 экз.

Тарапыгинъ, Ѳ. А. Извѣстные русскіе дѣятели. Краткое ихъ жизнеописаніе. Редакція П. П. Аникіева. Выпускъ 12. Спб. 1911. Тип. Леонтьева (Басковъ пер., 4). 8° (28×20). 24 стр. Съ рис. Ц. 25 к. Вѣсъ 6 л. 1.000 экз.

Титовъ, Ан. А. Ростовъ Великій въ его церковно-археологическихъ памятникахъ. М. 1911. Тип. А. Снегиревой (Остоженка, Савелов., пер.). 8° (17×26). 153+II стр. Съ рис. Вѣсъ 19 л. 450 экз.

Труды Полтавской Ученой Архивной Комиссіи. Издано подъ ред. И. Фр. Павловскаго, А. Ф. Мальцева, Л. В. Падалки и В. А. Пархоменко. Вып. 7. Полтава. 1910. Тип. Г. И. Маркевича (Бульваръ Котляревск.) 8° (17×36). 194 стр. Ц. 75 к. Вѣсъ 17 л. 750 экз.

Туровскій, К. Г., д-ръ. Очерки по исторіи и географіи Царицынскаго уѣзда. Царицынъ. 1911. Тип. Т-ва В. Баланинъ и Бр. А. В. Лошкаревы. 8° (14×21). 78 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 6 л. 200 экз.

Шевченко, С. Ф. Кирилловскія рукописи Дрезденской Королевской Публичной Библіотеки. Кіевъ. 1911. Тип. Акц. О-ва И. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговъ., 6). (18×26). 13 стр. Вѣсъ 2 л. 200 экз.

Шишкинъ, И. Т. Левъ Толстой. Критико-біографическій очеркъ. Харьковъ. 1911. Тип. Художественный Трудъ Р. Радомышльскаго (Кузнеч-

ная, 8). 8° (14×22). 16 стр. Складъ: Кн. маг. Новое Время. Ц. 5 к. Вѣсъ 2 л. 1.000 экз.

Валишевскій, К. Петръ Великій. По новымъ документамъ. Со многими рисунками и портретами. Съ четвертаго изданія. М. 1911. Изд. книгоизд. Образованіе. Тип. Художественная печатня. 8° (18×25). 155 стр. съ рис. и портр.+5 лист. рис. Вѣсъ 1 ф. 3 л. 5.000 экз.

Врангель, Н. Н. Алексѣй Гавриловичъ Вонеціановъ въ частныхъ собраніяхъ. Спб. 1911. Изд. Общества защиты и сохр. въ Россіи памятн. искусства и старины. Тип. Сиріусъ (Свѣчной, 7). 8° (17×22). 69 стр. съ 21 рис. Вѣсъ 16 л. 1.200 экз.

Гамченко, С. Изслѣдованіе Сестрорѣцкихъ Кургановъ въ 1908 году. Изъ записокъ отд. рус. и слав. археологіи И. Рус. Археологич. общества. Спб. 1911. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (19×27). 63—162 стр. Съ рис. Вѣсъ 22 л. 75 экз.

Головинъ, К. Великая реформа 19-го февраля. Соб. 1911. Тип. „Свѣтъ". (Невскій пр., 136). 8° (16×22). 66 стр. Вѣсъ 7 л. 2.400 экз.

Головинъ, К. Великая реформа 19-го февраля Спб. 1911. Изд. 2-е. Тип. т-ва Свѣтъ (Невскій пр., 136). 8° (17×23). 66 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 7 л. 1.200 экз.

Гудзій, Н. К. Максимъ Грекъ и его отношеніе къ эпохѣ итальянскаго возрожденія (Докладъ, читанный въ засѣданіи филологическаго семинарія проф. В. Н. Перетца). Кіевъ. 1911. Тип. Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Мерингов. 6). 8° (17×25). 19 стр. Вѣсъ 3 л. 200 экз.

Денисова, Е. Памяти 19-го февраля 1861 года. Кіевъ. 1911. Изд. Кіев. жен. гимн. Тигаренко. Тип. С. В. Кульженко (Пушкинская, 4). 8° (18×26). 33 стр.+1 портр. Вѣсъ 2 л. 3.000 экз.

Добронравовъ, В. Г. П. А. Виноградовъ. Біографическій очеркъ. Владиміръ губ. 1911. Тип. Губ. правл. 16° (12 × 17). 18 стр. Вѣсъ 1 л. 100 экз.

Заборскій, Александръ. Разборы литературныхъ произведеній. Примѣнительно къ хрестоматіи „Изъ родной литературы". М. 1911. Изд. 2-е. Тип. И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (14×21). 264 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 21 л. 3.000 экз

Истоминъ, Д. И. Маленькая хрестоматія. Выпускъ 9-й. Русскіе писатели. Проза и поэзія. Спб. 1911. Изд. Н. С. Аскарханова, 2-е (Спб., Трицкая, 6). Тип. т-ва „Общественная Польза" (Б. Подъяческая, 39). 16° (14×19). 48 стр. и 1 портр. Ц. 10 к. Вѣсъ 4 л. 2.200 экз.

Лермонтовъ, М. Ю. Полное собраніе сочиненій. Томъ 4. Подъ ред. и съ примѣч. проф. Д. И. Абрамовича. Спб. 1911. Изд. и тип. Имп. Академіи Наукъ. 8° (16 × 22). 409 стр. Съ рис. Ц. 1 руб. Вѣсъ 2 фун. 15.012 экз.

Лѣтопись историко-родословнаго общества въ Москвѣ. Вып. 1-й—2-й. (25 и 26). М. 1911. Тип. С. П. Яковлева (Салтыковскій пер.., с. д.). 8° (17×26). 106+5 стр. Вѣсъ 22 л. 400 экз.

Лютвицъ, Ф. Атака Японцевъ во время войны въ восточной Азіи 1904—1905 г.г. Перев. съ нѣм. К. Адариди. Спб. 1911. Изд. В. Березовскаго, 2-е. Тип, Тренке и Фюсно (Максимил. пер., 13). 8° (16×23). 56 стр. Съ черт. Ц. 75 к. Вѣсъ 11 л. 1.000 экз.

Музыкальная старина. Сборникъ статей и матерьяловъ для исторіи музыки въ Россіи, издаваемый Ник. Финдейзенъ. Вып. IV Спб. 1907. Изд.

Н. Финдейзенъ (ул. Гоголя, 6). Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (16×23). 67—121 стр. Вѣсъ 14 л. 200 экз.

Овсянико-Куликовскій, Д. Н. Собраніе сочиненій. Томъ 8. Исторія русской интеллигенціи. Часть вторая. Отъ 50-хъ до 80-хъ годовъ. Спб. 1911. Изд. „Общ. Польза и Прометей". Тип. тов. Общ. Польза (Б. Подъяческая, 39). 8° (17 × 23). 256 стр. Ц. 1 руб. 50 коп. Вѣсъ 27 л. 5.000 экз.

Островскій. В. П. 19-е февраля и народные учителя. Докладъ, прочитанный авторомъ на вечерѣ общества взаимопомощи учителей Варшавскихъ гор. нач. хр. училищъ, устроенномъ по случаю 50-лѣтія освобожденія крестьянъ. 1861 — 1911. Варшава. 1911. Тип. Русскаго О-ва (пл. св. Александра, 4). 8° (15×22). 14 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 3 л. 500 экз.

Отечественная война 1812 г. Къ 100-лѣтнему юбилею. М. 1911. Изд. В. Смирнова (Ломжа), 2-е. Тип. Окр. Штаба. 8° (15×21). 52 стр. Съ рис. Ц. 30 к. Вѣсъ 3 л. 5.000 экз.

Петровъ, В. А. Орудія, отбитыя у непріятеля въ 1812 году. М. 1911. Тип. Синодальная. 4° (25×33). 124+1 нен. стр. Съ рис.+8 лист. рис. Вѣсъ 1 ф. 19 л. 1.200 экз.

Покотило, Н. Что читать народному учителю по исторіи. Спб. 1911. Тип. Александрова (Надеждинская, 43), 8° (16 × 25). 54 стр. Вѣсъ 5 л. 225 экз.

Полинковскій, А. Сентиментализмъ и Карамзинъ, какъ представитель этого направленія въ русской литературѣ. Пособіе для средней школы и для самообразованія. Одесса. 1911. Изд. М. О. Минковскаго (Земская, 3). Тип. Одесск. Воен. Окр. 8° (18×24). 98 стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 11 л. 6.200 экз.

Сегюръ, де, графъ. Походъ въ Москву въ 1812 году. (Мемуары участника). Переводъ съ послѣдняго французскаго изданія Брониславы Рунтъ. М. 1911. Изд. Т-ва Образованіе (Тверская Ямская, 46/7) Тип. Русск. Тов. (Чистые пруды, св. д.). 8° (18×27). 224 стр.+7 лист. рис. Вѣсъ 9 л. 5.000 экз.

Третьяковъ, М. Сектантство Тамбовской губерніи. Спб. 1911. Изд. автора (Кабинетская, 13). Тип. Синодальная. 8° (17×25). 50 стр. Вѣсъ 6 л. 1.000 экз.

Фоминъ, И. А. Каталогъ исторической выставки архитектуры и художественной промышленности. Спб. 1911. Изд. 2-е. Тип. Сиріусъ (Соляной, 7), 8° (16×22). 113 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 15 л. 2.000 экз.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1911 г.

ТОМЪ СТО СОРОКЪ СЕДЬМОЙ

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ.

Записки и воспоминанія. СТРАН.

I. Тяжелые дни Мукденскихъ боевъ (воспоминанія запаснаго) Н-ча . . . . . 3—30

II. Записки графа Ланжерона. Война съ Турціей (1806 — 1812 г.г.). Сообщилъ Е. Каменскій . . . . . 123—147, 249—273

III. Изъ подольской старины. В. Сл. и Ѳ. Ф—ко. . 196—219, 387—399

IV. Воспоминанія. А. Коссовскаго . . . . . 427—436

V. Духовная школа по воспоминаніямъ ея воспитанника и воспитателя съ 1863 г. Стараго педагога П. Н. С. . . . . 465—473

VI. Воспоминанія бывшаго штурманскаго офицера. Петра Наумова . . . . . 474—502

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка. — Разсказы. — Матеріалы и замѣтки.

I. Изъ давняго прошлаго въ Ясной Полянѣ. Н. П. С. . . . . 31—32

II. Монголо-Сычуаньская экспедиція Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, подъ начальствомъ подполковника П. К. Козлова, 1907—1909 гг. П. Козлова. . . . . 33—59

		стран.
III.	Стихотвореніе Висковатова. Сообщ. В. Рудневъ	60
IV.	Обиженный край А. Ф. Риттиха 61—87,	303—325
V.	Одинъ изъ людей Іосифа Сѣмашко (къ исторіи возникновенія русскихъ поселеній въ Ковенской губерніи). Андр. Круковскаго . .	88—108
VI.	Царево сердце. (Разсказъ-быль). С. И. Сластникова	109—116
VII.	Свѣтлое воспоминаніе объ Александровскомъ малолѣтнемъ въ Царскомъ Селѣ корпусѣ. (Изъ записокъ стараго помѣщика) В. А. Шомпулева	117—118
VIII.	Памяти К. Д. Кондзеровскаго. Д. Баланина	119—122
IX.	Матеріалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в. Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину. Собщ. А. Чебышевъ . . . . . 148—192, 326—384,	527—543
X.	Къ портрету С. Ѳ. Платонова. —лъ . . .	193—195
XI.	Дѣятельность графа С. С. Ланскаго въ проведеніи крестьянской реформы (къ юбилею крестьянкой реформы). С. Фарфоровскаго	220—223
XII.	Н. И. Пироговъ. (Великій цѣлитель тѣла и воспитатель души) С. Старосивильскаго	224—236
XIII.	Исчезнувшія могилы русскихъ генераловъ въ Сіонскомъ соборѣ въ Тифлисѣ. М. Бѣлозерскаго	237—246
XIV.	Гусь свиньѣ не товарищъ. А—ва	247—248
XV.	Міокоти-санъ. Д. Перскаго	274—302
XVI.	Гимназистъ, восшо-плѣшный. К. Н. Добровольскаго	400
XVII.	Изъ архива князя Л. А. Ухтомскаго. Сообщ. А. В. Жиркевичъ	401—420
XVIII.	Страничка изъ исторіи крѣпостного права наканунѣ его отмѣны (къ 50-лѣтію освобожденія крестьянъ). С. Фарфоровскаго	421—424
XIX.	Могила одного изъ участниковъ войны 1812 г. Анд. Круковскаго	425—426
XX.	На обордажъ. Д. Перскаго	437—440
XXI.	Адмиралъ гр. Н. С. Мордвиновъ и его „способъ вспомоществованія“ участникамъ отечественной войны. Сообщ. В. Пасенко . . .	441—448

СТРАН.

XXII. Гимназія 60-хъ годовъ. Старика . . . . 449—457
XXIII. Марія Извѣкова. Е. Щепкиной . . . . . 458—464
XXIV. Игры кадетъ неранжированной роты 2 кадетскаго корпуса въ присутствіи Императора Александра II и Августѣйшихъ Его дѣтей, въ 1861 г. А. Пахарнаева . . . . . 503—510
XXV. Письмо Ѳ. Михайлова къ А. Ѳ. Лабзину . . 511—526
XXVI. (Книжная лѣтопись) Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 26 февраля по 6-е апрѣля 1911 г. . . . . 544—572
XXVII. Систематическое оглавленіе тома сто сорокъ седьмого . . . . . 573—576

Приложенія:

I. Портретъ А. Н. Попова (при 7-й книгѣ).
II. Планъ отступленія отъ Мукдена 25 февраля 1905 г. (тамъ же).
III. Бурый грифъ (тамъ же).
IV. Хара-хото (тамъ же).
V. Хара-хото, знаменитый субурганъ (тамъ же).
VI. Глиняныя статуи съ золочеными лицами (тамъ же).
VII. Золотая медаль Англійскаго Королевскаго географическаго Общества (тамъ же).
VIII. Портретъ С. Ѳ. Платонова (при 8-й книгѣ).
IX. Карта Западно-Русскаго края (тамъ же).
X. Портретъ Ивана Егоровича Забѣлина (при 9-й книгѣ).
XI. Воззваніе на сооруженіе Храма-Памятника надъ могилою 22-хъ тысячъ русскихъ воиновъ, павшихъ въ бою подъ Лейпцигомъ 4—7 октября 1813 г.

Библіографическій листокъ.

1. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 12 по 26 января 1911 г. (на оберткѣ іюльской книги).

2. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 26 января по 2 февраля 1911 г. (на оберткѣ августовской книги).

3. Гр. П. С. Шереметевъ. Бонапартъ и русскіе въ 1789 году и о Заборовскомъ. М. 1910. (на оберткѣ сентябрьской книги).

4. „Русскій Библіофилъ“. 1911 г. №№ II—IV. (тамъ же).

5. Матушка Русь. Хрестоматія для учениковъ младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Ѳ. А. Тарапыгинъ. Редакція Ѳ. А. Витберга. Часть I. Стр. IV+451. Цѣна 1 р. 10 к.— Часть II. Стр. III+386. Цѣна 1 руб. (тамъ же).

6. Мусикійская грамматика Николая Дилецкаго. Посмертный трудъ С. В. Смоленскаго. Изъ Имп. Общества любителей древней письменности Спб. 1910 г. (тамъ же).

7. Холера 1829—33 годовъ въ Оренбургскомъ краѣ. Историческое изслѣдованіе врача А. В. Попова. („Труды Оренбургской ученой архивной комиссіи", вып. XXI). Оренбургъ. 1910. (тамъ же).

8. И. С. Тургеневъ. Неизданныя произведенія. Издательство „Молодыя силы". Казань. 1911 г. (тамъ же).

9. Собраніе сочиненій С. Т. Аксакова. Подъ редакціей А. В. Горнфельда, въ шести томахъ. Спб. Изд. т—ва „Просвѣщеніе" (тамъ же).

10. А. П. Кадлубовскій. Гоголь въ его отношеніяхъ къ старинной малорусской литературѣ. Нѣжинъ. 1911 г. (тамъ же).

11. С. Ф. Литвинцевъ. Маленькій русскій историкъ. Разсказы про былое. Для дѣтей. 2 тома. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб. и М. 1911 г. (тамъ же).

12. Труды Полтавской ученой архивной комиссіи. Вып. VII. Полтава. 1910 г. (тамъ же).

Журнал
Московской

чёскаго интереса, имѣетъ и нѣкоторое историческое значеніе. Въ наши дни, когда въ разныхъ областяхъ Россіи смѣняютъ другъ друга эпидемическія болѣзни, весьма поучителенъ этотъ документальный разсказъ о томъ грандіозномъ опытѣ карантинной локализаціи холеры и борьбы съ ней, который былъ проведенъ въ оренбургскомъ краѣ при Николаѣ Павловичѣ. Прошлое въ данномъ случаѣ, по мнѣнію компетентнаго изслѣдователя, даетъ намъ полезные уроки.

И. С. Тургеневъ. Неизданныя произведенія. Издательство „Молодыя Силы". Казань. 1911.

„Неизданными" всѣ вошедшія въ эту брошюрку произведенія Тургенева могутъ быть названы съ большою натяжкой. Въ ней перепечатаны „Нѣсколько замѣчаній о русскомъ хозяйствѣ и о русскомъ крестьянинѣ", недавно напечатанныя Н. Лернеромъ въ „Русс. Старинѣ", вмѣстѣ съ послѣсловіемъ Н. Лернера, три стихотворенія въ прозѣ записанныя г. Нелидовой и помѣщенныя въ „Вѣсти. Европы", „Порогъ"; опубликованный нѣсколько лѣтъ назадъ С. А. Венгеровымъ, и стихотворенія „Толпа" и „Кнутъ", также уже давно извѣстныя въ печати. Тѣмъ не менѣе сборничекъ полезенъ, какъ дополненіе къ существующимъ собраніямъ сочиненій Тургенева, хотя имъ, конечно, далеко не исчерпывается все, что въ нихъ еще не включено.

Собраніе сочиненій С. Т. Аксакова. Подъ редакціей А. Г. Горнфельда, въ шести томахъ. Спб. Изд. т—ва „Просвѣщеніе".

Изъ всѣхъ вышедшихъ послѣ отпразднованнаго въ 1909 г. аксаковскаго юбилея собраній (изданія Сытина, Поповой, Тихомирова и др.) это—самое лучшее и полное, хотя въ него не включены нѣкоторые ранніе литературные опыты С. Т. Аксакова, переводы и рецензіи. Редакторъ далъ критически провѣренный текстъ и біографическій очеркъ, рядъ вступительныхъ статей и фактическихъ и историческихъ справокъ. Жаль все-таки, что изданіе не отличается абсолютной полнотою; слѣдовало также представить и добродушную „домашнюю" поэзію С. Т. Аксакова по бумагамъ, сохранившимся у его родныхъ. Вѣдь Аксаковъ не только просто читаемый, но и изучаемый писатель.

А. П. Кадлубовскій. Гоголь въ его отношеніяхъ къ старинной малорусской литературѣ. Нѣжинъ. 1911.

Авторъ весьма убѣдительно показываетъ, что однимъ изъ факторовъ, вліявшихъ на творчество Гоголя, „были старыя литературныя преданія Малороссіи, что Гоголь связанъ съ ними крѣпкою цѣпью, доходящей до него, какъ въ послѣднихъ звеньяхъ, въ его отцѣ и въ Нарѣжномъ... Трудъ малоизвѣстныхъ, иной разъ безвѣстныхъ литературныхъ работниковъ не погибъ, но получилъ свое особое значеніе, когда его результатами, выработанными имъ принципами, овладѣлъ великій художникъ"... Въ Гоголѣ закрѣплена связь малорусской старой литературной традиціи съ общерусской литературою.

С. Ф. Литвинцевъ. Маленькій русскій историкъ. Разсказы про былое. Для дѣтей. 2 тома. Изд. т—ва М. О. Вольфъ. Спб. и М. 1911.

Легкимъ, популярнымъ языкомъ написанные и щедро иллюстрированные историческіе очерки эти могутъ служить хорошимъ подготовительнымъ чтеніемъ для дѣтей, еще не приступившихъ къ школьнымъ занятіямъ исторіей, либо сопутствующимъ внѣшкольнымъ чтеніемъ, или даже замѣнить учебное руководство. „Любить родную землю, любить народъ, который живетъ на этой землѣ, обязанъ каждый — ребенокъ ли онъ, или взрослый. Но только тотъ можетъ истинно и искренно полюбить свою родину, кто ознакомился съ ея минувшею судьбою, кто знаетъ ея радости и невзгоды въ прошломъ, кто знаетъ, какіе жили въ ней цари, герои и полезные, мирные труженики, каковы были подвиги первыхъ и дѣянія послѣднихъ. Доставить вамъ, дѣти, эти познанія"—обращается составитель книги къ своимъ читателямъ,—„насколько они доступны вашему пониманію, разсказать вамъ про минувшія времена Россіи—вотъ цѣль очерковъ". Задачу свою составитель выполнилъ недурно, несмотря на довольно серьезные недостатки и въ методѣ, и въ исполненіи. Ему слѣдовало бы удѣлить нѣкоторое вниманіе и литературѣ, и искусству. Говоря о царствованіи Николая I, составитель упоминаетъ о сооруженіи Николаевскаго моста и ни слова не говоритъ о Пушкинѣ; въ разсказѣ о Государственной Думѣ не говорится о положеніи, занимаемомъ по отношенію къ ней Государственнымъ Совѣтомъ. Есть случайные промахи; напр., извѣстная памятная севастопольская медаль была дана не „за осаду" же Севастополя, а, напротивъ, за оборону.

Труды Полтавской ученой архивной комиссіи. Вып. VII. Полтава. 1910.

Въ самомъ сердцѣ Малороссіи комиссія занимается изученіемъ украинской старины, археологической, юридической, военной, бытовой, церковной. Уровень ея работъ для провинціи довольно высокъ, и, обладая изрядными интеллигентными силами, она опубликовываетъ не столько сырые матеріалы, что тоже довольно почтенное дѣло, сколько разработанныя изслѣдованія. Изъ такихъ обращаютъ на себя вниманіе въ послѣднемъ выпускѣ статьи Я. Щепотьева „Главныя темы религіознаго пѣсеннаго творчества украинскаго народа въ христіанскій періодъ" и Л. Падалки „Историческая обстановка формированія бытового уклада народной жизни въ Полтавщинѣ"; Л. Падалка устанавливаетъ, что „осѣдлый земледѣльческій бытъ, ставшій въ наше время старымъ, на занимающей насъ территоріи началъ формироваться всего лишь около трехъ столѣтій назадъ... послѣдними прочными и наиболѣе яркими звеньями въ длинной цѣпи разнообразныхъ племенъ, создававшихъ бытовой укладъ народной жизни на территоріи Полтавщины, являются племенные элементы старо-русскій, тюркскій и черкасскій".

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1911 г.

СОРОКЪ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 2 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазин.: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. **«Новое Время»**, Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостиный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. **По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ**, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину“** за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1910 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель П. Н. Вороновъ.

1113-1 VI

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московского Совета
Профессиональных Союзов.

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА.

~~2241-24/X~~				
562-6/				
62-25/X	/VIII			